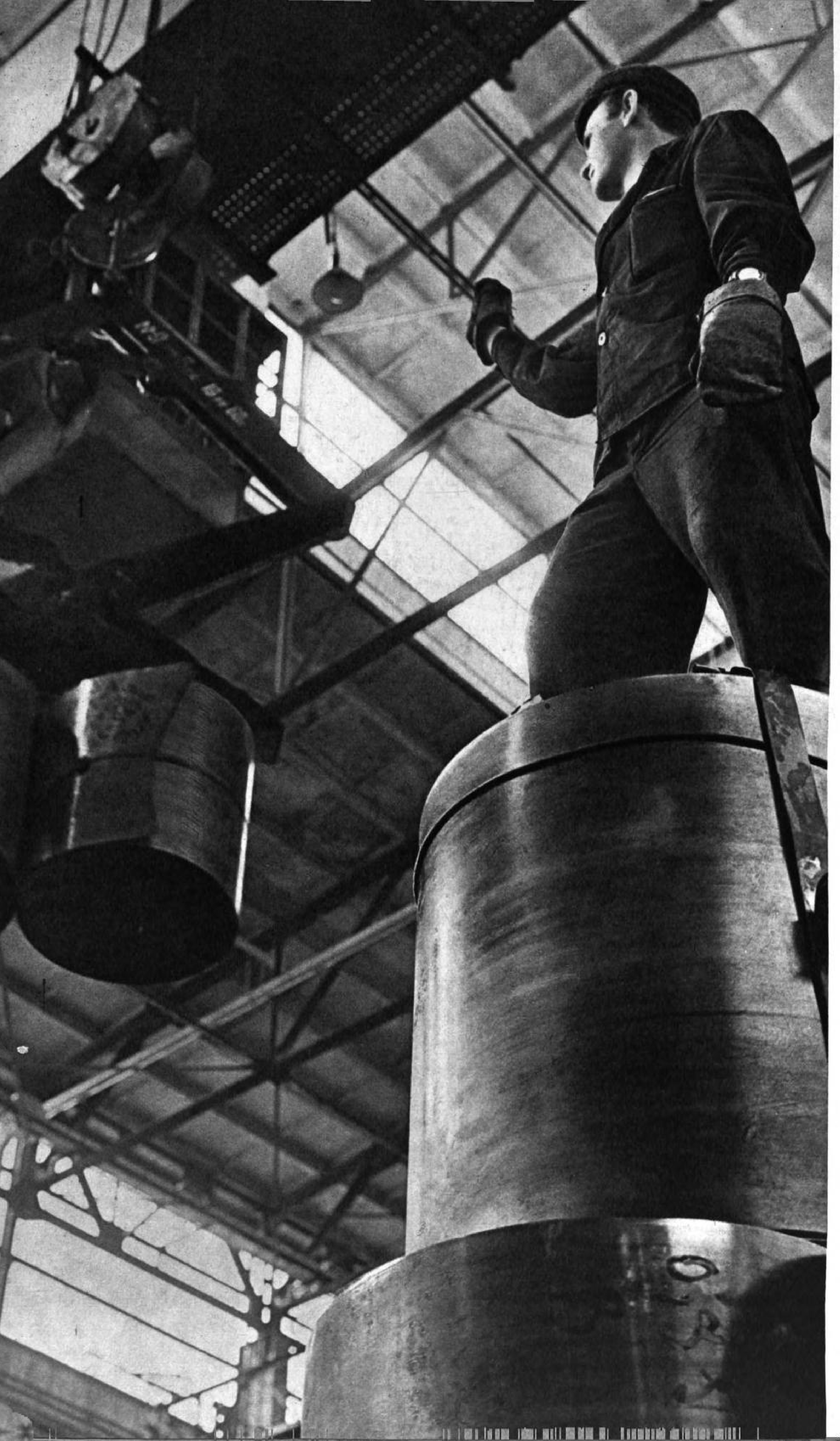

Четырехкратный олимпийский чемпион Евгений Гришин.

434

Третий год семилетки! Тысячами исчисляются в Советской стране крупные промышленные строительства. В числе 434 признанных особо важными — Новолипецкий металлургический завод.

На снимке: В цехе холодной прокатки, сооружение которого закончено.
Фото Л. Поликашина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 6 (1755)

5 ФЕВРАЛЯ 1961

39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Липецкие зори

В центре Липецка в окружении лип и берез стоит маленький, об одно окно, каменный домик. Это бывшая заводская канцелярия времен Петра I.

Заводик был небольшой. За день он давал несколько пудов чугуна. Но качество его благодаря большому мастерству плавильщиков, проникших в тайны химических превращений металла, было не хуже уральского.

Сейчас на том месте, где когда-то дымили допотопные рудоплавильные печи, раскинулся курорт с знаменитыми на всю страну грязелечебницами.

А слава липецких мастеров-металлургов не только не закатилась, но звучит в полную силу.

После XXI съезда КПСС было решено создать на базе старого — грандиозный Новолипецкий металлургический завод, равный по мощности уральской Магнитке. Два года назад здесь развернулось гигантское строительство. Вступил в строй электросталеплавильный цех с двумя мощными дуговыми печами. В этом же цехе оборудованы две крупнейшие в стране установки непрерывной разливки стали.

Электросталеплавильщики освоили производство высоколегированных сталей, наиболее ценная из которых трансформаторная.

Летом прошлого года сооружена первая очередь цеха холодной прокатки. Рабочие называют его цехом-гигантом: ведь только основное здание, в котором помещаются прокатные станы, занимает площадь в 12 гектаров. Теперь наша электротехническая промышленность получает от липецкой Магнитки холоднокатаный трансформаторный лист.

Управление агрегатами в этом цехе, контроль за качеством осуществляются с помощью автоматических устройств и электронных приборов.

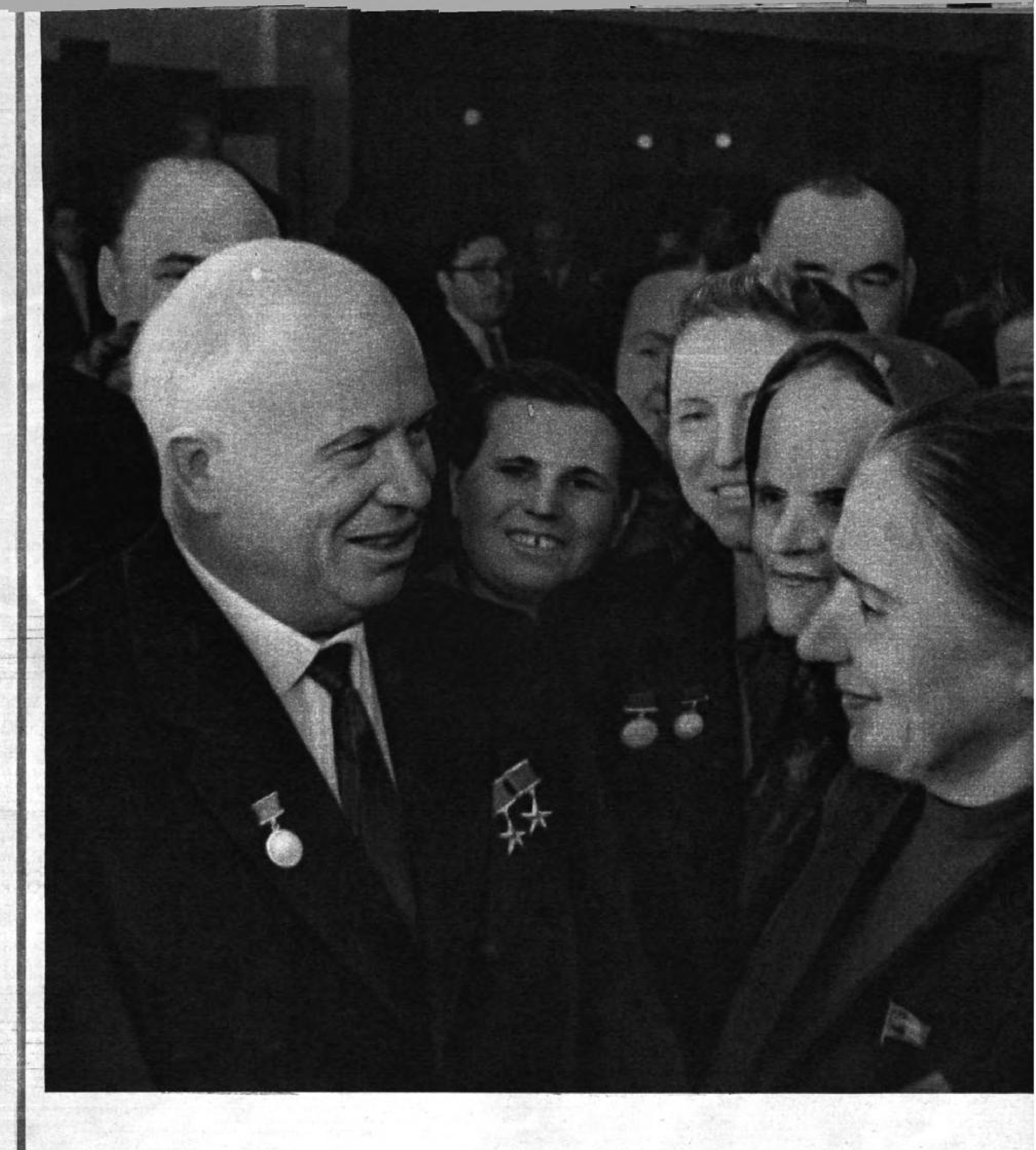
Липецкая Магнитка продолжает расти и строиться. Сейчас здесь сооружается еще одна доменная печь, агломерационная фабрика. На днях поставлена на сушку новая мощная коксовая батарея. За годы семилетки завод обзаведется одним из самых крупных в стране высокомеханизированных коксохимических цехов.

...По вечерам, когда над городом сгущаются сумерки, в небе вспыхивают яркие кумачовые зори. Это идет металл. И с каждым днем зори разгораются все ярче.

Липецкие металлурги наращивают темпы роста, темпы работы, готовят достойную встречу XXII съезду КПСС.

А. МАЗИН

Липецк.

Киев. Пленум ЦК КП Украины. Н. С. Хрущев среди передовиков сельского хозяйства — участников Пленума.

ДЕЛО ЧЕСТИ

Не часто приходилось древнему Киеву видеть такое множество народа, как в эти три дня, когда здесь шел Пленум ЦК Компартии Украины. Ведь на всей необъятной украинской земле не найдется сейчас человека, которого по-настоящему, по-деловому не волновал бы большой разговор о сельском хозяйстве. Хлеборобы и животноводы, работники совхозов и РТС — все они как настоящие хозяева намечали пути, изыскивали внутренние резервы для решения задач, поставленных перед Украиной. Задачи очень велики: республика должна довести ежегодные закупки зерна до 700 миллионов пудов, мяса — до 2 миллионов 800 тысяч тонн, молока — до 12 миллионов 500 тысяч тонн.

Первый секретарь ЦК Компартии Украины Н. В. Подгорный выступил на Пленуме с докладом об итогах январского Пленума ЦК КПСС 1961 года и мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства республики. Н. В. Подгорный и товарищи, участвовавшие в прениях, отмечали, что на январском Пленуме ЦК КПСС справедливо критиковали серьезные недостатки и промахи, которые были допущены на Украине партийными и советскими органами, колхозами и совхозами.

Товарищ Н. С. Хрущев произнес на Пленуме речь, которая была выслушана с большим вниманием и неоднократно прерывалась аплодисментами.

Участники Пленума решили приложить все усилия к тому, чтобы уже в нынешнем году продать государству не менее чем 650 миллионов пудов зерна, 1 700 тысяч тонн мяса и 6 712 тысяч тонн молока.

— Это — дело нашей чести,— заявляют трудящиеся Украины.

← В зале заседаний Пленума.

Дважды Герой Социалистического Труда Е. А. Долинюк, звеньевая колхоза имени Сталина, Тернопольской области, беседует с участниками Пленума.

То, что сказано с трибуны Пленума, находит горячий отклик среди его участников. Доярки — Н. Самойленко из колхоза имени Сталина, Киевской области, и Герой Социалистического Труда Р. Кот из колхоза имени Шевченко, Житомирской области, в перерыве между заседаниями.

Разговор идет серьезный. Директор Научно-исследовательского института животноводства лесостепи и полесья УССР И. А. Даниленко, академик директор Института генетики Академии наук СССР Т. Д. Лысенко и министр сельского хозяйства СССР М. А. Ольшанский.

До начала заседания интересно прочитать, что делают другие республики, воплощая в жизнь решения январского Пленума ЦК КПСС.

Фото А. НОВИКОВА.

КАКОЙ ОН БЫЛ, ЯРОШЕНКО

З. ХИРЕН

Во время выступления секретаря Марьинского райкома партии Сталинской области З. Н. Глухова на Пленуме Центрального Комитета КПСС Н. С. Хрущев спросил:

— Товарищ Глухов, а как у вас теперь дела с подсолнечником? Ярошенко умер?..

Кто такой Ярошенко? О нем несколько дней спустя рассказал З. Н. Глухов.

— Иосиф Демидович Ярошенко — колхозник. У меня дома есть снимок, на котором Ярошенко сфотографирован вместе с Никитой Сергеевичем. Вот история этой фотографии. Дело было в августе 1956 года. Никита Сергеевич приехал в Донбасс, и колхозники, узнав, что он на шахте имени Челюскинцев, решили обязательно пригласить его к себе. Ведь вы уже, наверное, слышали о том, что Никита Сергеевич Хрущев в двадцатых годах был секретарем нашего Марьинского райкома партии. И после отъезда из Донбасса Никита Сергеевич к нам часто приезжал. Очень возможно, что без приглашений заехал бы и на сей раз. Но все-таки колхозники настояли, и я отправился к шахтерам. Там Н. С. Хрущев проводил совещание, и, когда оно кончилось, я сразу же к нему подошел и стал приглашать к нам. Говорю: «Всего два километра — и мы будем в Марьинке». Никита Сергеевич смеется: «Не два, а все десять. Уж это я хорошо знаю».

В Марьинском районе живет много людей, работавших вместе с Н. С. Хрущевым, знают его в каждом селе, и обычно когда Никита Сергеевич приезжает, то он обязательно встречается со старейшими колхозниками. Как правило, первым среди них всегда был Иосиф Демидович Ярошенко. Так было и в тот августовский день.

В то лето на Украине скосили на силос, ссылаясь на засуху, много подсолнуха и кукурузы. Ярошенко же решительно отказался. И что же? Звено его получило по 23 центнера семян подсолнуха с гектара. Так поступил и весь Марьинский район.

Не стану вам говорить о знаменитой бороде Ярошенко — она славилась на весь район, — об орлином его взгляде — а он действительно был орлиным, потому что видел этот колхозник очень далеко. Мы, партийные работники, часто с Ярошенко советовались, и дед нас не подводил.

...Умер Ярошенко восьмидесяти пяти лет, и вот, представьте, вспомнили о нем не только в его родной Антоновке, не только в Марьинке, но и в Москве, на Пленуме ЦК КПСС.

Героем Социалистического Труда стал он, когда ему было уже за семьдесят. Звание это ему присвоили за работу, за тот самый подсолнечник, о котором спросил Никита Сергеевич на Пленуме. Я работаю в этом районе без малого двадцать лет. После войны хозяйство пришло в запустение. Никто поначалу даже не решался вспоминать о довоенных высоких урожаях. Техники не было, на сев выходили с лукошком. И вот приходит тогда ко мне в райком Ярошенко и заявляет, что думает со своим звеном снимать по 25 центнеров подсолнечника с гектара. Я знал, что старик никогда слов на ветер не бросал. Но люди помоложе отнеслись скептически к предложению Ярошенко. Говорили, что вряд ли удастся добиться такого урожая, к тому же ведь Ярошенко больно стар. Деду ничего, конечно, не сказали. Взялся Ярошенко за дело горячо, но, к сожалению, убрал только по 21 центнеру с гектара. Надо сказать, что по тем временам это был тоже громадный урожай. На другой год снял по 25, через год — по 27 центнеров. А выражение лица у него оставалось такое, что не поймешь, доволен или огорчен.

Ринулись все на делянку звена Ярошенко. Дед бороду поглаживает, объясняет каждому в отдельности. Почему в отдельности? Потому, что дед не любил ни общих слов, ни общих докладов.

Вот, скажем, сын отделился от отца, женился, построил себе домик, но пока твердо на ноги не встанет, отец приглядывается, помогает.

Так вот и в земледелии.

Чуть свет Ярошенко приезжает то к одному ученику, то к другому. Приезжает не в хату, не в гости, а в поле, приезжает, когда еще спят. Посмотрит, прикинет, что хорошего, что плохого. А соберут в районе совещание — Ярошенко слушает, а возьмет слово — да и давай подробнейшим образом разбирать, что называется, каждую грядку. Хозяева не поймут, откуда старику все известно: прямо по фамилиям каждый подсолнух знает. Ярошенко не спешит им открывать свою «тайну».

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

РЕКОНСТРУИРУЕТСЯ И РАСШИРЯЕТСЯ ТБИЛИССКИЙ ЗАВОД имени В. И. Ленина, выпускающий тяжеловесные восьмиосные электровозы. Завод вошел в строй накануне XXI съезда Коммунистической партии.

Прошло два года, и молодые строители приступили к модернизации марки «Н-8». На заводе, по существу, родился проект новой машины. Тбилисцы обещают, что к XXII съезду нашей партии на электрифицированные дороги страны выйдут несколько опытных образцов магистрального локомотива «Т-8».

Грузинские локомотивостроители проектируют пассажирский электровоз, который также посвящают съезду родной партии.

←

На снимке: сооружается второй корпус Тбилисского электровозостроительного завода имени В. И. Ленина.

Фото М. Квирикашвили.

ДЖЕМПЕРЫ, ЖИЛЕТЫ, ДЕТСКИЕ КОСТЮМЫ Кишиневской трикотажной фабрики № 2 всегда охотно покупают во многих городах страны. Сейчас коллектив фабрики, откликнувшись на почин москвичей, развернул социалистическое соревнование за достойную встречу XXII съезда КПСС. До конца года здесь решили изготовить из сэкономленного сырья 20 тысяч изделий сверх программы, повысить производительность труда на два процента, целый месяц работать на сбереженной электроэнергии.

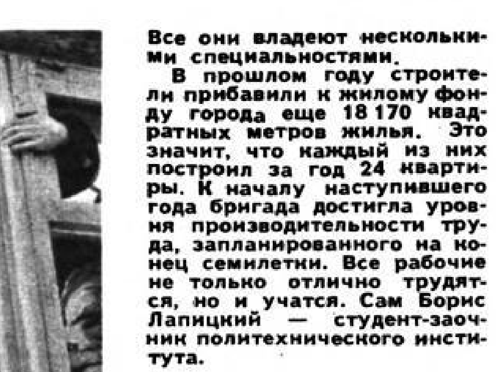
В нынешнем году фабрика должна вдвое увеличить выпуск шерстяных изделий. Для этого она оснащается новой, совершенной техникой. Недавно рабочие получили высокопроизводительные автоматы.

→

На снимке: ударница коммунистического труда Валерия Можилэ работает на новом карусельном автомате.

Фото Е. Драйшнера (ТАСС).

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ДЕЛА ЛЕНИНГРАДСКИХ МОНТАЖНИКОВ, возглавляемых И. Г. Шаповаловым, подхвачены комплексной бригадой строителей Ангарска. Ангарские строители вызвали ленинградцев на социалистическое соревнование и обязались выполнить годовой план ко дню открытия XXII съезда КПСС.

В бригаде Лапицкого — одном из первых в Ангарске коллективе коммунистического труда — 28 человек. Все они владеют несколькими специальностями.

В прошлом году строители прибавили к жилому фонду города еще 18 170 квадратных метров жилья. Это значит, что каждый из них построил за год 24 квартиры. К началу наступившего года бригада достигла уровня производительности труда, запланированного на конец семилетки. Все рабочие не только отлично трудятся, но и учатся. Сам Борис Лапицкий — студент-заочник политехнического института.

←

На снимке: бригадир Борис Лапицкий и звеньевой Гусейн Салихатдинов.

Фото М. Минеева.

«20 ТЫСЯЧ ЛЬЕ ПО ЗЕМЛЕ», фильм, который в русском варианте называется «Леон Гаррос ищет друга», имеет большой успех в Париже.

В крупнейшем кинотеатре Парижа «Берлитц», где состоялась премьера, присутствовала делегация советских киноработников. Ведь фильм снимался в Советском Союзе с участием наших и французских артистов.

На снимке: парижские зрители приветствуют Т. Самойлову, исполнительницу роли Наташи.

Фото «Дальмас».

В. Н. Рыжовой 90 лет

В истории Малого театра есть актерские династии, представители которых на протяжении ста лет и более играют на его сцене.

К одной из таких династий принадлежит народная артистка СССР Варвара Николаевна Рыжова, выдающаяся представительница реалистической школы актерского мастерства, школы Щепкина, Островского, Садовских.

В 1893 году Варвара Николаевна была принята в труппу Малого театра и с тех пор сыграла на его сцене около 300 ролей.

В. Н. Рыжова — подлинно народная артистка по самой сути своего дарования. С предельной полнотой и проникновенностью показала она зрителю в многочисленных своих ролях русскую женщину, величие ее души и жизнеутверждающую силу.

Фото Е. Умнова.

...Многое еще можно было бы рассказать о человеке, которого вспомнил на Пленуме ЦК КПСС Никита Сергеевич.

Во время укрупнения колхозов предстояло соединиться двум селам, которые с давних времен не дружили между собой. Антоновка — село, в котором жил Ярошенко,— не очень-то соглашалась. Когда назначили собрание, антоновцы отказались пойти к соседям. Стоят, спорят, и тут Ярошенко поднял руку и шагнул вперед. И вот, представьте себе, за ним пошло все село. Сейчас великая дружба там.

Старик нытиков не терпел. Бывало, заведет кто-нибудь разговор о плохой погоде, а он со злостью оборвет: «Засуха! Да мы всю жизнь так прожили, а хлеба больше других сдаем. Вот тебе и засуха! Лень, вижу, тебе землю поглубже взрыхлить. Взрыхлил бы — и никакая засуха не страшна!»

Считалось, что Ярошенко — человек очень суровый, не любит шуток. Говорить любит только о деле. Это не совсем верно. Любил он и пошутить, но только как-то по-своему.

Ярошенко был беспартийным, но мы часто приглашали его на партийные собрания. Как-то прибегает девушка к нему в хату и спрашивает: «Где дед?» Жена Ярошенко отвечает: «Дома нет». «Вот досада! — говорит девушка.— Зовут на партсобрание, должен он у нас выступать».

Сам Ярошенко не верил в бога и при любом случае смеялся над попами и над церковью, а жена вот была очень религиозной. Приходит Ярошенко домой, а жена с допросом:

— Ты что же от меня скрыл — в партию вступил и молчишь?

Смекнул в чем дело и решил подшутить.

— Вступил,— отвечает,— когда в Киев ездил, записался.

Ну, бабка и разгорячилась...

Хоронили Иосифа Демидовича всем районом. Пришли и старые и малые. Марьинка раскинулась в сердце Донбасса. Мы ведь кормим шахтеров. И, между прочим, Ярошенко часто, выступая на совещаниях, об этом напоминал молодым колхозникам. Пришли хоронить его не только селяне, но и шахтеры. Получилась дружба серпа и молота — так сказал приятель Ярошенко Емельян Федорович Гомля. И это золотые слова.

* * *

Однако рассказ о Ярошенко на этом не кончается... Вечером я позвонил в Марьинку, и мне сообщили, что его внуки Иван, Николай, Василий и правнучка Раиса вместе с невесткой Матреной Васильевной, вместе со старыми его соратницами Василисой Брагой и Евгенией Шейко объединились в одно звено и решили увековечить память своего славного ланкового новыми высокими урожаями подсолнуха и кукурузы.

СОКРАЩАЮТСЯ БОЛЬШИЕ РАССТОЯНИЯ...

Что надо сделать, чтобы путешествие из страны в страну стало более комфортабельным и менее длительным, а стоимость его дешевле?

Этому было посвящено состоявшееся в Москве международное совещание. В нем участвовали представители железных дорог СССР, Польши, ГДР, ФРГ, Франции, Голландии, Англии, а также представители Зеeландской судоходной компании и международной компании спальных вагонов и вагонов-ресторанов европейских экспрессных поездов.

— Совещание, — рассказывает руководитель советской делегации, заместитель начальника Главного пассажирского управления МПС В. А. Козак, — решило увеличить количество станций, где будут продаваться билеты прямого сообщения до городов СССР, Франции и Англии. Теперь пассажир сможет на ночь покупать плацкарту в спальном вагоне, а днем совершать путешествие в вагонах, где места только для сидения. Это значительно снизит стоимость всей поездки.

Путешественники теперь получают право по тому же билету делать длительные остановки в промежуточных пунктах. Так, скажем, английский турист, отправившийся в Москву, сможет побыть несколько дней в ГДР, в Польше, в городах Советского Союза. Это позволит людям различных стран лучше узнать друг друга, будет способствовать укреплению дружбы между народами.

А. ГОЛИКОВ
Фото Г. Санько.

Коммерческие вопросы требуют серьезного обсуждения. На снимке: представители французских железных дорог — Пьер Лонгене, Жан Пулэ, Жорж Пэнсон, делегат ГДР Вилли Эберл.

Международная лыжня проложена

Призеры гонки на 30 километров: Р. Рэмгорд, Н. Аникин и С. Ернберг.
Фото Б. Светланова.

Под Ленинградом, на Кавголовских холмах, встретились лыжники семи стран. На снегу состязались старые соперники: в первой же гонке на 30 километров призовые места заняли олимпийцы. Советский спортсмен Николай Аникин, так же как и в Скво Вэлли, был третьим, а швед Сикстен Ернберг на сей раз оказался вторым, уступив первенство обладателю серебряной олимпийской медали своему соотечественнику Рольфу Рэмгорду.

Шведские лыжники были первыми и в гонке на 15 километров.

Бригадир Самат Рахматов.
Фото И. Душкина.

Чтобы друг не отстал в пути...

Елена **МИКУЛИНА**

I

Это была очень старая чайхана. Никто из шахтеров, жителей нового Ангрена, не помнит, когда вбивались столбы, поддерживающие дырявый, выгоревший на солнце навес над ее столами. Никто не помнит юности карагача, в тени которого расположился чайханщик со своими самоварами.

И посетителей в этой чайхане бывало мало. Только по пятницам на суппах, покрытых облезлыми, как шкура верблюда, коврами, собирались седобородые старики в праздничных, белоснежных чалмах. В другие дни чайхана пустовала, и, сидя на корточках возле кипящих самоваров, чайханщик скучал. Шахтеры и строители предпочитали новую чайхану, на базаре, где уже появились столы и стулья.

Однако Абдурахман Сингатулин любил эту старую чайхану. Здесь никто не косился на его рваную, грязную спецовку, не пялил глаза на седую щетину, покрывавшую щеки. И, главное, по вечерам, приходя сюда после смены, Сингатулин всегда находил внимательных слушателей. Иногда это были люди, приехавшие в Ангрен в поисках работы, которых жадно интересовало все происходящее на стройке. Он рассказывал о своих похождениях, а они слушали молча, качая головами.

Но чаще всего это были одни и те же «дружки», не работающие постоянно, пропивающие не только свой рубль, но и небольшую зарплату Сингатулина. А зарплата старика и не могла быть иной: Сингатулин часто прогуливал. После попоек болела спина, голова наливалась свинцом, и работа не спорилась.

Каждый вечер чайханщик слушал похвальбу Сингатулина:

— Меня на стройке боятся. Другим надо ждать получки, а я могу получить в любое время. Вчера пришел к начальнику. По дороге захватил горсть песку. Захожу в контору, говорю: «Давай деньги». Отвечает: «Зарплата будет через три дня». «А мне надо сегодня». «Подождать придется». «Пусть другие ждут,— отвечаю.— Я не буду. Не даешь — стану песок есть. Вот, видишь, принес». И кладу в рот. Начальник как вскочит, как забегает. Вынимает из кармана свои деньги. Вот они.

— Молодец, Абдурахман! — кричали «дружки».—Так и надо...

И вот наступил вечер, когда Сингатулин не пришел в чайхану. Не было его целую неделю.

Наконец явился, а потом опять пропал на неделю.

Чтобы затащить его в чайхану, «друзьям» приходилось подолгу прятаться в кустах возле общежития: надо было, улучив момент, взять старика «в плен». Но и плененным Абдурахман шел, озираясь по сторонам, словно ожидая чьих-то взыскательных глаз. И в чайхане он больше молчал, а если говорил, то не те легкие слова, которые раньше сами бездумно сры-

Г. КУЛИКОВСКАЯ

Фото А. БОЧИНИНА.

ВЫМПЕЛ «ОГОНЬКА» — ЛУЧШЕМУ ДОМКОМУ

ЕСЛИ ЗАХОТЕТЬ...

7 февраля в Колонном зале Дома союзов соберутся представители общественных домовых комитетов Москвы. Они обсудят итоги своего соревнования в 1960 году и задачи на будущее. Затем победителям будут вручены почетные грамоты Моссовета и вымпелы «Огонька».

Сегодня мы рассказываем о делах домовых комитетов жилищно-эксплуатационных контор № 21 Октябрьского района (председатель Е. П. Карпов) и № 10 Ждановского района (председатель А. Д. Тараненко), завоевавших первые премии и вымпелы «Огонька».

Если захотеть, можно в выходной день встать в шесть утра и выйти на воскресник...

Если захотеть, можно после работы собрать своих юных соседей и показать им, как в руках оживает глина...

Если захотеть, можно своими силами устроить беседки, детские горки, скамейки и качели во дворе...

Мало ли что можно сделать, если захотеть!

Люди, у которых мы побывали, доказали, что они умеют не только хотеть, но способны и выполнить желание. Живут такие люди в Черемушках и Текстильщиках...

Двенадцать деревьев росли напротив мебельного магазина на широкой

Горку для малышей сделали папы и мамы, живущие в этом большом доме.

вались с его уст, а тяжелые, наводящие тоску:

— Жизнь проходит. Где семья? Дети?..

А захмелев, спорил с кем-то невидимым:

— Врешь! Все врешь! Никому не нужен старый Абдурахман. Пропащий он человек. Не верю...

Как-то раз «дружки» Сингатулина, праздно шатавшиеся по базару, увидели своего собутыльника в необычной компании. Понурый, смущенный, он шел рядом с невысоким черноглазым узбеком. По другую сторону от Сингатулина шагали худощавый рыжеволосый человек и пожилая женщина, по-русски повязанная ситцевым платочком. Все вместе они зашли в универмаг, и «дружки», прилипшие к окнам, с изумлением увидели, как Сингатулин примеряет новый костюм.

Затем опять все вместе — Сингатулин и неизвестные люди — направились к обувному магазину. Вскоре они вернулись в общежитие. Покупки несла женщина.

— Опутали старика, женили! — пронеслось среди «дружков».— Пропал человек...

Несколько вечеров они незаметно наблюдали за Абдурахманом, однако примет семейной жизни не обнаружили. Старик по-прежнему жил в общежитии, обедал на стройке, носил привычную, старую одежду. Женщина в платочке подметала двор общежития, кипятила самовары — словом, выполняла обычную работу уборщицы, а по вечерам ходила в кино с подругами.

Все было совершенно непонятно. И главное, заманить старика в чайхану становилось с каждым разом труднее.

— Спать надо,— говорил он сердито.— Завтра большая работа. Вы бы тоже шли на стройку.

И вдруг как-то днем Сингатулин опять появился в чайхане. Заказав кок-чай, он подозвал чайханщика.

— Получил из Башкирии, из дому, письмо от дочери. Бросил ее маленькой, шел своей дорогой. Выросла, нашла меня. Долго искала. На все стройки писала. Нашла. Хочет приехать в гости. Как быть, чайханщик?

— Муж есть у дочери?

— Есть. Муж — начальник. Дети есть. Хочет приехать в гости, отца хочет видеть. Какой я отец? Разве я человек?..

Чайханщик цокал языком, вздыхал сокрушенно и подавал новый чайник.

— Думать надо, думать,— бормотал он.— Скоро приедет? Через два месяца? Ай, как нехорошо получается! Дети должны уважать отца.— Он критиче ки оглядывал согнутую фигуру Сингатулина...

Приближались ноябрьские праздники. Стройка Ангренской ГРЭС, где работал Сингатулин, велась на большом дыхании. Люди торопились сделать то, что обещали и наметили.

Уже много недель в записной книжке Рахматова — бригадира — против фамилии Сингатулина проставлялась высокая выработка. Она была не выше, чем у других членов бригады, но и не ниже. В той же записной книжке бригадира лежало письмо дочери Сингатулина, потертое на сгибах, залитое чаем. И всякий раз, перечитывая его строчки, бригадир как будто слышал обращенный к нему взволнованный женский голос.

К удивлению Сингатулина, незадолго до праздника его перевели из общежития в маленькую отдельную комнатку. А потом вручили ключи от красного уголка:

— Будешь хозяином. Включай и выключай телевизор. Давай людям читать газеты, журналы.

— Малограмотный я.

— Ничего, газеты будут читать вслух, и ты послушаешь. Узнаешь, что на свете делается,— говорил бригадир.

А уборщица, у которой хранились купленные Сингатулиным вещи и скопленные деньги, принесла в новую комнату фибровый чемодан и сберегательную книжку.

— Теперь вы самостоятельный хозяин!

* * *

Торжественное собрание строителей проходило в клубе. В новом костюме, неловко облегающем тело, Абдурахман сидел рядом с бригадиром невероятно смущенный. Крупные капли пота стекали по затылку. Казалось, все глаза обращены не на трибуну, где сидел президиум, а на него, старого Абдурахмана Сингатулина. Он хотел незаметно встать с кресла и выйти из зала. Но крепкая рука бригадира стиснула его локоть.

И вдруг все головы действительно повернулись в его сторону.

— Абдурахман Сингатулин здесь? — спросил председатель собрания.

— Встань! — услышал старик голос бригадира.— Тебя называют, слышишь?

— Абдурахман Сингатулин! Прошу подойти к трибуне...

Ноги дрожали. Стало трудно дышать.

— ...за честный труд, за успешное выполнение задания...— словно из глубокой дали услышал Сингатулин голос председателя,— почетная грамота... премия... зимнее пальто...

Тяжелый пакет лег ему на руки. Абдурахман уронил пакет на пол и всхлипнул...

Назавтра его на работе не оказалось. Когда бригадир открыл дверь маленькой комнаты, на него в упор глянули сухие, запавшие глаза Абдурахмана.

— Зачем смеялись над стариком? Я плохой человек, но зачем смеялись?

Десять дней, сменяя друг друга, члены бригады дежурили у постели Сингатулина, заболевшего в результате нервного потрясения. Открывая глаза, он привык видеть над собой знакомые лица. Все чаще и чаще его сухое, морщинистое лицо освещала легкая, как осенний луч, улыбка.

Через две недели в общежитие строителей пришла незнакомая женщина и спросила, как можно увидеть Абдурахмана Сингатулина. Уборщица, внимательно оглядев ее, подвела к двери комнаты.

— Болел он, сейчас поправляется. Вы постучите...

Дверь открылась. Перешагнув через порог, приезжая увидела худого, чисто выбритого старика в аккуратной одежде. Он сидел у окна, положив на колени большие узловатые руки. Перед ним стояла пиала с чаем, на тарелке горкой лежали лепешки. Глаза старика были ясны и печальны.

— Отец,— сказала женщина, протягивая руки.— Отец...

II

Плохо, когда в шестнадцать лет за плечами тюрьма, нет родных и самый знакомый человек — работник милиции по делам несовершеннолетних. Плохо, когда работать приходится на кирпичном заводе, среди женщин, которые прячут от тебя свои узелки с одеждой, следят за каждым твоим шагом с опаской и недружелюбием.

Именно так началась жизнь Гриши Чарыева в Ангрене — городе узбекских угольщиков.

Позади единственным светлым огоньком — детский дом и надеж-

Профсоюзной улице, двенадцать десятилетних лип и тополей. Но вот метростроевцы сказали: «Они мешают нам, стоят на трассе. Увезем их на Ленинские горы».

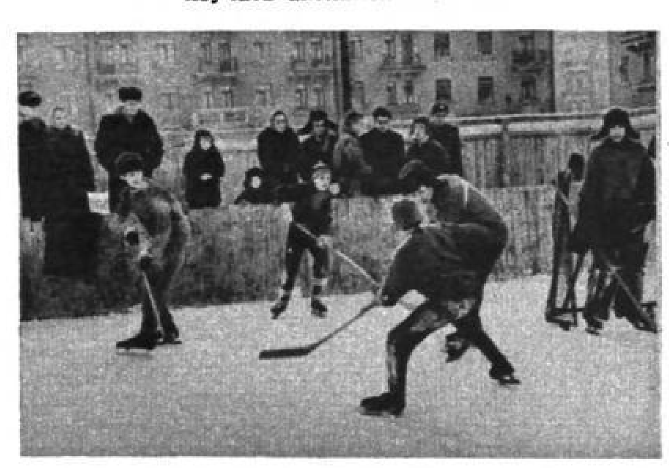
Страшно взволновался председатель домового комитета Евгений Петрович Карпов: «Почему на Ленинские горы? Это же наши деревья!» Немедленно объявляется аврал. Пятнадцать мужчин из дома № 32/10 и пятнадцать мужчин из дома № 31 вооружаются ломами и лопатами. С трудом поддается мерзлая, превращенная январскими морозами в камень земля. Не поднять людям комель дерева в обледеневшей глыбе. И вот звонки, просьбы. Наконец трест зеленого строительства высылает подъемный кран и грузовик. Тополя и липы бережно, чтобы не повредить корней и ветвей, перевозятся во дворы домов. Здесь, в молодых вишневых садах, за зеленым штакетником, уже выдолблены для них ямы.

И вишни и штакетник появились тут тоже благодаря жильцам. Вишни росли довольно далеко отсюда, в деревне Семеновской, на окраине города. Их участь была предрешена: на месте деревни поднимутся дома. Спасли сады черемушкинцы. Прошлой весной перенесли они на себе деревья с набухшими почками. Этим летом под окнами шумел фруктовый сад. А между вишнями и яблоньками, между черемухой и тополями благоухали цветы и травы.

Осенью «главный цветовод» домового комитета доцент энергетическо-

Пенсионерка Н. В. Варламова помогает школьникам изучать английский язык.

Рабочий Владимир Филичев оборудовал в красном уголке радиотрансляционный узел...

Хоккеисты Люблинской улицы на тренировке.

Водитель Ф. Облицов (слева) и кровельщик Н. Медведев — активные участники художественной самодеятельности в Черемушках.

да стать настоящим токарем. Впереди неизвестность.

После очередного скандала на заводе Чарыева вызвали в контору строительства. Кроме начальника, там находился невысокий коренастый узбек в спецовке и покрытых лессовой пылью сапогах. Пока шла очередная «проборка» мальчишки, человек этот внимательным взглядом изучал Чарыева, а потом спросил:

— Будешь работать на стройке? — И, повернувшись к начальнику, сказал тихо: — Давайте его в мою новую бригаду.

— Не дело ты задумал, Самат! — крикнул начальник.— Хватит тебе Сингатулина...

Они еще долго спорили, словно забыв о подростке, и тот стоял у двери, томясь, ничего не понимая...

Утром, выйдя на работу, Чарыев исподлобья оглядел новых товарищей. Что и говорить, разные люди...

Рядом со стариком Сингатулиным, залихватски куря сигареты, сидели молодые парни. Но Гриша был самым молодым из них, и, чтобы утвердить свою личность, он пронзительно свистнул...

— Подожди,— тихо сказал бригадир. Такой же подтянутый, как вчера в конторе, Рахматов сидел на бревне, что-то записывая в маленькую тетрадку.

— Вот задание на день,— сказал он,— приступайте. Вечером приму работу у каждого. Потом соберемся на пять минут, поговорим.

Бросив сигареты, немного помявшись, люди принялись за работу. Так начался первый рабочий день.

Чарыев, Сингатулин и еще двое вместе с бригадиром вели кладку небольшого здания. Гриша подносил кирпичи, раствор, брал в руки кельму, смотрел, как Рахматов натягивает шнур... Полдня пролетело совсем незаметно. Настало время обеда.

С черствой лепешкой в руках Чарыев устроился возле кучи земли.

— Почему не идешь в столовую? — услыхал он над собой голос бригадира.— Денег нет? Бери у меня в долг. В получку отдашь...

— Нечем будет. Что я заработаю?

— Бери.

В ладони подростка очутилась десятка. Он поднял глаза. Бригадир улыбался.

Через два месяца новая бригада, как говорят строители, «вышла на план».

Впервые в жизни Гриша Чарыев получал каждые две недели по 400—500 рублей. И всякий раз рядом с ним у окошка кассы оказывался либо Рахматов, либо рыжеволосый его помощник Иосиф Дефершмит. Мягко, но властно они брали из рук Гриши деньги.

— Давай распределим,— говорили, обнимая парнишку за плечи.— Полсотни тебе на то, на се, две сотни — в столовую, на обеды и ужины. Остальные на сберкнижку. Купишь костюм, пальто. Согласен?

Что мог ответить подросток, впервые ощутивший заботу старших? Ворчал потихоньку, и все.

Но с каждым месяцем щеки его округлялись, тело наливалось силой. Бригадир часто звал его с собой. В саду, в густом запахе зреющих абрикосов, под тихое журчание арыка, размякало сжавшееся в комок мальчишеское сердце. И не мог он сказать «нет», когда бригадир, протягивая ему учебник по кладке, мягко, но настойчиво говорил:

— Прочти, через неделю спрошу.

В одном упорствовал Чарыев. Никакими силами нельзя было заставить его надеть новую одежду, давно купленную на сбереженные деньги. Иногда, оставшись один, он доставал ее, любовался блестящими штиблетами и сереньким костюмом, но при первом стуке входной двери быстро все заворачивал и принимался с независимым видом свистеть.

— Оденься в новое,— говорит бригадир.

— Смеяться станут. Скажут — зазнался.

— Кто скажет?

Что-то в душе мешало Чарыеву сбросить старую «робу». И тут ему помогли.

В жаркий день на площадке, где работала бригада, появился работник милиции, старый Гришин знакомый, лейтенант Байаметов.

— Подойди-ка сюда,— поманил он Чарыева пальцем.

Лицо Гриши залила краска. Он оглянулся на товарищей. Но они словно не заметили милиционера. Тогда Гриша умоляюще посмотрел на бригадира. Но и Рахматов не встретил его взгляда.

— Зайди вечером ко мне,— сказал Байаметов.— Да ты не бойся. Новость хорошая. Только надень новый костюм, чтобы не подумали дурного,— добавил он, сдерживая улыбку.

Чарыеву и в голову не приходило, что уже несколько месяцев назад бригадир долго беседовал с лейтенантом. Речь шла о розыске родителей Гриши. Незаметно для парня Рахматов узнал, что когда-то в детском доме Гриша получил письмо из Туркмении. По просьбе Рахматова милиция посылала запросы, вела розыск... Наконец пришел желанный ответ. В Чарджоу нашлись Чарыевы. Снова запросы, и вот письмо старой тетки: «Хорошо, что нашелся племянник, родная кровь. Буду ему матерью. Пусть приезжает». Потому и позвал Гришу Байаметов.

— Поедешь? — спросил он.

— А как же бригада? — растерянно спросил Гриша.

— Ты все равно останешься нашим сыном,— услыхал он знакомый голос Рахматова, который неслышно вошел в комнату и теперь стоял рядом, положив жилистую руку на вихрастую голову Чарыева.— Поезжай, Гриша.

Через два месяца бригада провожала его. Уже водитель занял свое место в кабине автобуса, а паренек все стоял возле бригадира.

— Садись! — крикнул сердито водитель.

Машина тронулась.

— Уехал, — неопределенно буркнул Сингатулин.

— Пусть будет ему удача!..— сказал Рахматов.

* * *

Так сложились судьбы двух людей из бригады Самата Рахматова — строителей, возводящих в предгорьях Кураминского хребта мощную ГРЭС и новый город Ангрен—судьбы старого Сингатулина и подростка Чарыева. Но в бригаде семнадцать человек, и у каждого своя судьба, и в каждой из них Самат Рахматов сыграл не последнюю роль. Он твердо убежден, что долг каждого советского человека — помогать отставшему в пути...

Сейчас бригада работает на строительстве цементного завода в Ахан-Гаране. Не так давно шестнадцать человек из бригады Рахматова справили новоселье. В общежитии остался лишь сам бригадир. Он, как капитан, последним сойдет с корабля на твердый берег.

В этом тоже сказался его характер. Характер человека, готовящегося войти в завтрашний день.

Ангрен — Ахан-Гаран.

Скоро весна! Председатель домкома Е. П. Карпов (слева) и К. П. Гетманов знакомятся с «семенным фондом».

А. Ф. Миненок организовала на 1-й Черемушкинской улице детскую библиотеку...

го института Константин Павлович Гетманов собрал около двух килограммов семян. Тщательно разобраны они по сортам и видам, уложены в коробки и пакетики. Через два месяца на окнах и в подъездах зазеленеют ящики с рассадой.

А участок Полины Петровны Нечаевой прославился на весь Октябрьский район своими подъездами.

Вот как это было...

Пришла она как-то перед Октябрьскими праздниками к Юрию и Геннадию Садековым и предложила:

— Как бы нам, товарищи, привести в порядок лестничную клетку? Шесть лет ходим по ней, дом новый, а вид у подъезда старый. Краска облупилась, царапины везде, подтеки.

Братья Садековы поддержали ее и вместе с ней пошли по квартирам.

2 октября необычно рано проснулся шестой подъезд. Засветились окна, захлопали двери. Ровно в семь часов утра на девятый, верхний, этаж вышла первая бригада. Белили потолки, лестничные марши, переходы. Следом шли самодеятельные маляры, покрывая панели светло-коричневой краской. Женщины тут же мыли окна, площадки, ступени. В два часа дня к работе приступила другая бригада, а вечером завершила покраску нижних этажей третья.

Шестьсот человек, сменяя друг друга, выкрасили тринадцать тысяч квадратных метров лестничных клеток. Теперь, если даже вздумается какому-нибудь озорнику чиркнуть по стене, вспомнит он, как работал его отец и как он сам таскал воду матери,— и опустит свою "грешную" руку.

Так от малого — обыкновенной рассады, за жизнь которой боролись вместе, от лестничной площадки, которую красили вместе,— люди приходят к большому — к спайке, чувству товарищеского локтя. Особенно ярко проявились эти черты на участке Фаины Георгиевны Любимовой. Здесь человек не остается в беде один.

Заболела у пенсионера П. Д. Мещерского жена, пришлось ее положить в больницу. А он сам инвалид, нуждается в уходе. Участковый комитет принимает решение взять стариков под свою опеку. Антонина Никитична Блохина работает, и у нее подросток-сын, но она находит время съездить в больницу, где лежит жена Мещерского, и привезти ей кисель или морс, специально приготовленный для больной. На другой день она торопится к самому Мещерскому, убирает у него в комнате, покупает продукты и готовит. И так изо дня в день, вот уже скоро полгода.

В комитет пришла как-то учительница В. С. Лобанова.

— Что мне делать?— сказала она.— Нужно выходить на работу, а Андрюшу не с кем оставить. В ясли не удалось устроить.

И тогда член комитета, сама мать двоих детей, Таисия Петровна Герасимова предложила:

— Оставляйте его у меня. На целый день, пока не придете из школы.

Нужно ли говорить, что тут ни слова не упоминалось о каком-нибудь материальном вознаграждении?! Сама мысль об этом показалась бы обеим женщинам оскорбительной.

Так у Андрюши появилось два дома: один в пятом подъезде, а другой — в четвертом. Ребенок привык к Таисии Петровне и зовет ее мамой.

Или вот еще одна простая человеческая история, к которой причастна Любимова.

Олегу Шаповалову пришло время служить в армии. Родители были в отъезде, юноша оказался совсем один. Фаина Георгиевна сказала ему:

— Мы проводим тебя, и ты пойдешь в армию, как положено советскому юноше. Зови на завтра своих друзей.

На свои деньги она устроила прощальный ужин и была, конечно, первой гостьей и посаженой матерью. А на другой день в шесть часов утра проводила Олега и вручила ему, как будущему солдату, вещевой мешок.

Скоро с Дальнего Востока, где служит Олег, пришло письмо. «Спасибо, спасибо вам за то, что вы сделали для меня»,— писал Олег Фаине Георгиевне...

В Текстильщиках, на Люблинской улице, как и в Черемушках, сами жильцы приводят в порядок лестничные клетки, изготавливают «оснастку» для детских площадок, высаживают во дворах цветы и деревья. Они построили летний читальный зал и устроили хоккейную площадку. И даже оборудовали в красном уголке радиоузел, с которого транслируется музыка на детские катки.

Человеческой инициативе нет границ! Но чтобы воплотилась она в жизнь, требуется как будто очень мало и в то же время очень много: только захотеть!

Жизнелюбие

На наших цветных вкладках печатается сегодня пять разных картин: портреты китайской студентки и девушки из народа манси, два закарпатских пейзажа, лыжники, бегущие к финишу... Картины эти созданы разными мастерами. У каждого из них своя излюбленная тема, свой живописный почерк.

Художник Виктор Михайлович Орешников — мастер тонкого психологического рисунка. Здесь представлен портрет его работы: студентка Ли Юй-лам.

Силой и уверенной радостью веет от этой картины. По портрету этой девушки легко представить себе счастливый, деятельный, настойчиво идущий к общей цели народ.

Картина Сергея Николаевича Лысенко «На финише» очень красиво скомпонована. На белом снегу, занимающем почти всю плоскость картины, выделяются хрупкие лестницы, заиндевевшие деревья; на фоне неба тянется цепочка бегущих к финишу лыжников. Кажущиеся маленькими снизу, люди вызывают в памяти растянувшуюся по небу стаю птиц...

Антон Михайлович Кашшай и Золтан Иванович Шолтес — представители самобытной, яркой и талантливой школы закарпатских художников-пейзажистов. Мастера влюблены в Закарпатье — его горы, стройные ели, подвесные дороги, перелетающие с одного берега узкой горной реки на другой. Самая же сильная их любовь отдана людям — бесстрашным бокорашам-плотовщикам, которые говорят о своей работе: «Страшна праця, але дуже весела». С большим темпераментом пишут художники свой прекрасный край.

Художник Владимир Александрович Игошев пришел в искусство со своей темой. Много времени он проводит среди оленеводов, рыболовов, охотников манси и пишет их своеобразный быт, пишет оленей, небо, тайгу. Когда упряжка останавливается и усталые олени ложатся отдохнуть, Владимир Александрович вынимает этюдник и принимается за работу. Игошев был первым живописцем, пришедшим в селение манси... Вот «Девушка с письмом». Читает письмо девушка из народа, у которого 30 лет назад еще не было азбуки... Спокойно входит в новую жизнь дочь смелых охотников и рыболовов; их бесстрашие, гордость, отвага, прошедшие через века, живы в девушке нашего времени, как древнее узорочье народа манси живо в ее одежде.

Тяга к героическому, к молодости и силе, жизнелюбие и еще раз жизнелюбие — лучшие качества наших художников, «хороших и разных».

А. ЖУКОВА

В. Орешников.

ПОРТРЕТ КИТАЙСКОЙ СТУДЕНТКИ ЛИ ЮЙ-ЛАМ.

Выставка «Советская Россия».

ПОДАРОК ПУСТЫНИ—УРАЛУ

Поселок Газли, неподалеку от Бухары, заложили геологи, кочевавшие по пустыне Кзыл-Кумы в поисках нефти и природного газа. Они пришли сюда весной 1956 года по пути, проложенному в песках тракторами, которые волоком тянули за собой тяжелые буровые станки. Первым письменным свидетельством о зарождении поселка можно считать докладную записку разведчиков недр. В ней сообщалось:

«Жара в тени достигает 45 градусов Цельсия. Атмосферные осадки бывают преимущественно зимой. Аму-Дарья — в девяноста километрах, Зеравшан — в семидесяти. Вода в колодцах горько-соленая».

Подписана эта «нелестная характеристика» Е. В. Кудряшовым и Л. Г. Жуковским — двумя из тех семи первооткрывателей Газли, которым присуждена Ленинская премия в 1960 году.

Геологи продолжают изучать недра пустыни. В Джаркаке созданы промыслы, снабжающие топливом Бухару и Самарканд. На очереди эксплуатация Газлинского месторождения.

Что могла дать прежде индустриальному Уралу древняя Бухара? А нынче привычным становится словосочетание «Газли — Урал» — таково направление будущей газовой магистрали.

Сейчас можно без особых хлопот совершить путешествие к отправному пункту будущего трубопровода. Путь к нему из Бухары пролегает через барханы, которым, кажется, конца-краю нет. Но вот, лаская взор, утомленный однообразием песков, возникает поселок с аккуратными белыми домиками. На его улицах — тоненькие пирамидальные тополя и серебристые акации.

На участках геологической разведки трудится немало коренных жителей Кзыл-Кумов. Бывший чабан Чаршамбай Месеров стал помощником бурового мастера. Асан Хусенов и Пулат Клычев работают дизелистами. Трудная профессия верхолаза-монтажника пришлась по душе Исету Карабахиеву.

В Газли пришли эксплуатационники. Они пробурят свыше двухсот скважин промышленного значения.

Вскоре наступит горячая пора и для строителей газопровода Газли — Урал. В городе Тахиа-Таш, Кара-Калпакской АССР, создается производственная база. На железнодорожную станцию Кунград идут поезда с оборудованием, материалами.

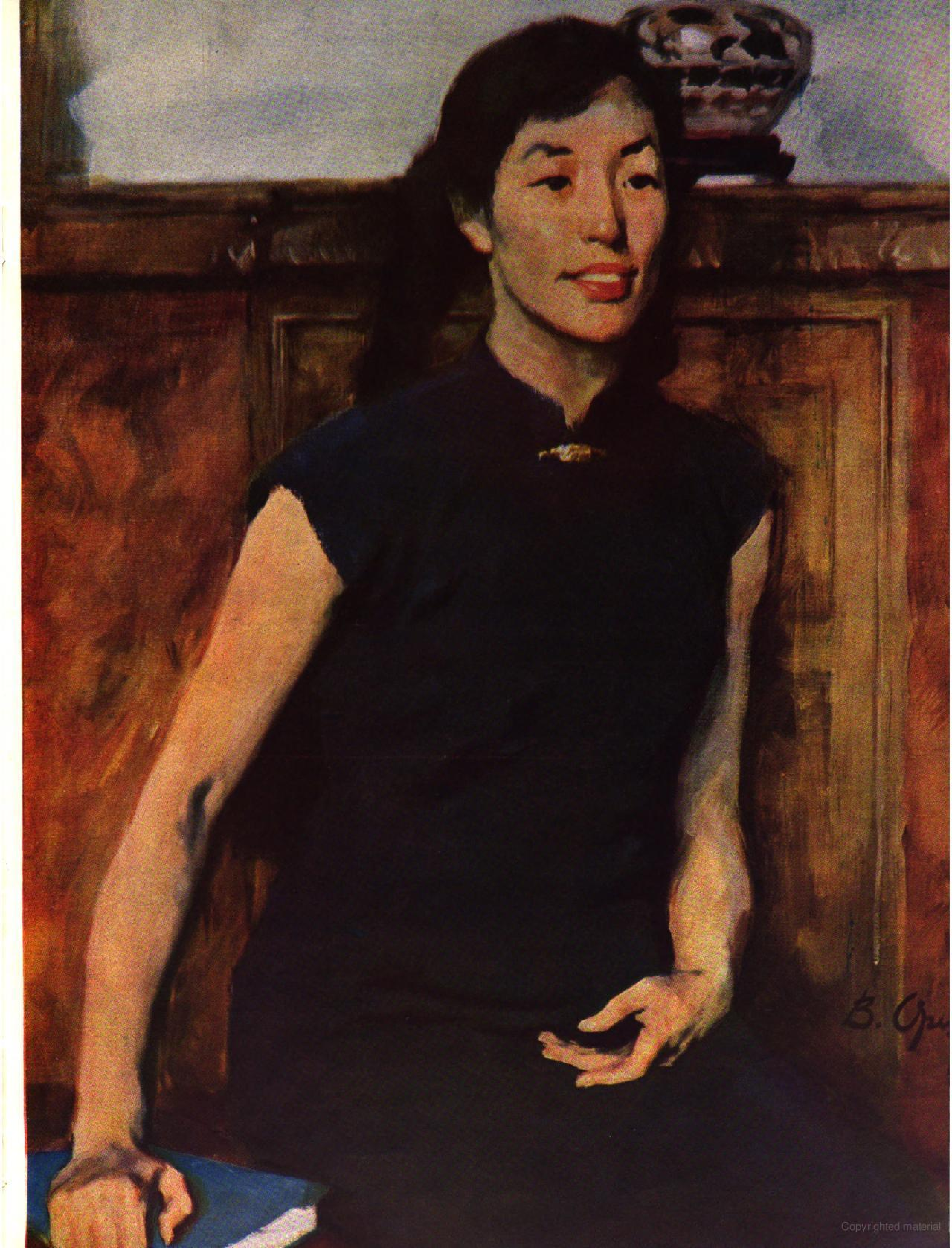
К Уралу протянутся две подземные транспортные артерии: одна — до Челябинска, другая — до Свердловска.

До конца семилетки Урал получит бухарский газ.

Ан. ВЕТРОВ,
Б. ЛЬВОВ

Проект воздушного перехода через Аму-Дарью. Здесь протянут трубы газопровода.

С. Лысенко. НА ФИНИШЕ.

Выставка «Советская Украина»

А. Кашшай. ДОЛИНА СВИДОВЕЦ.

КОГДА ЖЕ ПРОЗРЕЮТ ТЕЛЕВИЗОРЫ?

В № 48 «Огонька» за 1960 год была помещена заметка «Бельмо на телевизоре». В ней говорилось о злоключениях владельцев телевизоров, о том, что из-за нерадивости некоторых организаций трудящиеся неделями, месяцами лишены возможности пользоваться своими приемниками.

В редакцию пришло много писем. Они пришли из разных мест и лишний раз подтвердили, что телевизор прочно вошел в быт жителей городов, сел и рабочих поселков. И тем досаднее становится, когда узнаешь о плохом обслуживании многочисленных телезрителей. Десятки тысяч телевизоров не работают. Люди обивают пороги телевизионных ателье, магазинов, пишут жалобы в совнархозы, в министерства, на заводы, в редакции. Достаточно сказать, что в Москве — городе, наиболее обеспеченном сетью ремонтных ателье и радиомагазинов,— не работает 20 тысяч телевизоров!

«ПОЛОЖЕНИЕ ТЯЖЕЛОЕ»

Управляющий трестом по установке, обслуживанию и ремонту телевизоров Министерства связи РСФСР тов. М. В. Крючков сообщает в редакцию, что после опубликования заметки в «Огоньке» приняты меры к сокращению сроков ремонта телевизоров. Приказом министра связи РСФСР изменен режим работы ателье. Но положение с материально-техническим снабжением треста продолжает оставаться тяжелым. Поэтому телевизионные ателье не могут полностью удовлетворить спрос населения.

Вот некоторые цифры.

По вине Львовского электролампового завода телевизионные ателье не получили в 1960 году 5 750 кинескопов «43ЛК». Другой завод вместо положенных по плану 13 840 кинескопов «31ЛК» дал их всего 956 штук. И то эта небольшая часть продукции была выдана заводом в последний день года. Кроме того, Телетрест не получил 42,5 тысячи ламп «6Ц10П» и «1Ц11П».

В телевизорах последних марок установлены унифицированные строчные трансформаторы. Их изготовляет ленинградский завод имени Козицкого. За один только последний квартал 1960 года завод недодал 13 тысяч этих трансформаторов.

Трудно даже представить, сколько неработающих телевизоров стоит за этими пятизначными цифрами.

Еще хуже обстоит дело со снабжением торговой сети. Многие директора радиомагазинов уже забыли тот день, когда эти товары были у них в продаже.

ЖАЛОБЫ-БЛИЗНЕЦЫ

Покупая телевизор, рассчитываешь на предстоящее удовольствие. Но многим приходится терпеть одни только неприятности. «Я приобрела телевизор «Рекорд»,— пишет тов. Мотлева из Казани,— и была несказанно рада. Но радость эта была недолговечной. Через три недели телевизор испортился. И вот уже больше четырех месяцев я напрасно жду помощи от ателье и завода, куда я неоднократно писала».

Е. и Н. Корчинские (Котляревка, Сталинской области) пишут: «Мы пенсионеры. Живем на селе. Радостью для нас было смотреть телепередачи. Наш «Рубин» вышел из строя из-за лучевой трубки. О нашем горе мы сообщили родным в Москву, Ленинград, Киев, Винницу. У себя в Сталино установили «пост наблюдения» за поступлением этой трубки. Ничего не помогло...»

Жалобы похожи одна на другую. Ателье не ремонтирует, завод молчит, в магазине приобрести нужную деталь невозможно.

ГАРАНТИЯ РАДИ ГАРАНТИИ

При покупке телевизора дается гарантия на шесть месяцев. Это совсем не значит, что завод гарантирует безупречную работу приемника в течение этого срока. К сожалению, телевизор может выйти из строя по вине завода в первые же дни работы. Гарантируется только бесплатный ремонт. Казалось бы, уж в эти шесть месяцев владельцу телевизора нечего беспокоиться. Ничего подобного.

«Купил я телевизор «Старт-3»,— пишет А. Воробьев из Луганской области.— Через три дня сгорел строчный трансформатор. Ателье № 72 города Кадиевки помочь не может. Один ответ: трансформаторов нет. Обращался на завод — молчат. Три месяца вместо телевизора стоит у меня ослепший ящик».

И такие письма не единичны. Гарантия дается без всякой гарантии.

ОЧЕРЕДИ ДЛИНОЮ В ПОЛГОДА

Авторы многих писем возмущены тем, что им даже не назначают сроков ремонта телевизора. Беспрерывные хождения в ателье, в магазины заставляют нервничать. «Полгода назад,— пишет Н. Стояновская (Макеевка),— я сдала в ателье негодный кинескоп к телевизору «Темп-2». Полгода телевизор, за который я заплатила 2 400 рублей, стоит пустой коробкой».

С. Масников из Комсомольска-на-Амуре сообщает: «Шесть месяцев назад отказал кинескоп «31ЛК». Обращался в мастерскую, в совнархоз, в посылторг. Ответ один: «Помочь не можем».

Восемь месяцев М. Моисеев из города Горького обивает пороги магазинов и ателье и безнадежно пытается достать кинескоп к телевизору «Знамя». «Такое положение,— справедливо возмущается он,— идет вразрез с постановлениями партии и правительства об улучшении бытового обслуживания трудящихся».

«В мастерской «Музрадио», где я работаю,— пишет С. Чичканов из Ленинграда,— стоят телевизоры, сданные нам в ремонт еще в июне прошлого года! Кинескопы «31ЛК», полученные нами,— сплошной брак. Большой процент брака выпускает и Львовский завод, а ведь вся эта продукция является частью выполняемого заводом плана».

И. Канабанович (Львов) пишет: «Выражаясь техническим термином, у меня эксплуатируется телевизор «Знамя» завода имени Козицкого. Кто кого эксплуатирует, трудно сказать. Скорее всего телевизор эксплуатирует меня.

Жена моя купила пылесос Вильнюсского завода электросварочного оборудования. Через час работы сгорел мотор. Чинить в мастерской отказались: нет моторов. Жена купила новый веник и таким образом вышла из положения. А чем заменить вышедший из строя телевизор?

Нужно продлить гарантийный срок выпускаемой заводами продукции до 12 месяцев. Это заставит их больше отвечать за качество».

КТО ЖЕ ХОЗЯИН ТЕЛЕВИЗОРА?

С таким вопросом обращаются многие читатели. Плату за эксплуатацию приемников аккуратно взыскивает Министерство связи. Причем плата вносится даже тогда, когда телевизор бездействует. Министерство связи должно больше заботиться об обслуживании своих абонентов. Бакинцы проявили инициативу и организовали у себя реставрацию кинескопов. Почему не организовать сеть таких мастерских в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске и других городах? Да и производство строчных трансформаторов — самой дефицитной детали — можно, наверно, наладить на местах.

Содержание всех писем сводится к одному: пора наконец прекратить мытарства телезрителей. Нельзя больше терпеть такое «обслуживание».

«Хочется верить,— пишет Н. Кузнецова из Челябинска,— что скоро наступит конец нашим злоключениям. Несколько месяцев у нас не работает телевизор. И мы все-таки не падаем духом. Нам не верится, что такое безобразное положение может длиться долго».

Нам тоже не верится.

СУСТАВЫ ИЗ... СМОЛЫ

Летом прошлого года на конференции хирургов в Киеве выступила Елена Евгеньевна Тараканова, старший научный сотрудник Института синтетических смол во Владимире.

— Здесь демонстрировался больной, — говорила она, — которому удалили сустав пальца на ноге для того, чтобы заменить им сустав пальца руки. Операция нелегкая. Хирург добился подвижности нового сустава. А у нас во Владимире врач Михаил Васильевич Свирежев возобновил у больного подвижность коленного сустава с помощью отглянцованной пенополивинилформалевой трубки.

Выступление Е. Е. Таракановой вызвало интерес и удивление даже опытных хирургов. Синтетические смолы и хирургия — с этим надо еще освоиться.

Елена Евгеньевна продолжала свой рассказ об удивительном пенопласте, полученном в их институте, об опыте совместной работы института с московскими нейрохирургами. Новый материал будут использовать для пластики твердой мозговой оболочки.

Началось все в июле 1959 года, когда во владимирский институт приехали сотрудники Московского института нейрохирургии имени Бурденко и попросили разработать для них пеноматериал, который годился бы для создания протезов твердой оболочки головного мозга. Поиски нового материала поручили Елене Евгеньевне Таракановой, недавней выпускнице Горьковского университета.

С чего же начинать поиски?

Тараканова терпеливо изучала книги, статьи по химии и медицине. В каталоге, составленном ею, оказалось больше ста специальных изданий. В работах профессора Ушакова Елена Евгеньевна нашла утверждение, что поливиниловый спирт нетоксичен. «Значит, и пенопласт, полученный на его основе, тоже окажется нетоксичным, а это — одно из необходимых условий нужного материала», — подумала Тараканова.

Начались опыты. Уже через месяц был получен первый лабораторный образец пенопласта, названного трудно и длинно — пенополивинилформаль.

Образцы его уехали в Москву. Теперь продолжали опыты нейрохирурги. Казалось, все идет хорошо. Но вдруг во Владимир полетело тревожное сообщение: оперированные собаки ведут себя неспокойно, температура у них поднялась. Вскрытие показало, что протез дал спайку с мозговой тканью в тех местах, где пенопласт пористый.

Елена Евгеньевна поехала в Москву, чтобы самой быть при операциях, изучить структуру естественной мозговой оболочки, технику подшивания протеза к ткани.

Выход был найден удивительно простой: надо отглянцевать, сделать непроницаемой ту часть поверхности пенопласта, которая примыкает к мозговой оболочке, и оставить пенопласт пористым со стороны черепной коробки.

Результаты новых нейрохирургических экспериментов оказались вполне удовлетворительными: оперированные животные были спокойны, температура не повышалась. И хирурги одобрили поливинилформаль.

Этим пенопластом заинтересовались многие медицинские учреждения: Киевский научно-исследовательский институт туберкулеза, Центральный институт травматологии и ортопедии, Московский научно-исследовательский институт экспериментальной хирургической аппаратуры и инструментов, Первый московский медицинский институт.

Оказалось, что из пенопласта можно изготовлять искусственные пищеводы, кровеносные сосуды, легочную ткань. В Киеве, в Институте туберкулеза, уже произвели около тридцати пластических операций с применением нового материала. В двенадцати опытных операциях замещались кровеносные сосуды, в шести — трахеи и бронхи.

Огромный практический интерес представляют операции легких. Хирург удаляет часть больного легкого, а образовавшееся полое пространство заполняет пенопластом, который быстро прорастает соединительной тканью, прочно закрепляется и не позволяет смещаться сердцу и другим близко расположенным органам.

Скоро Ереванский завод поливинилацетата начнет массовый выпуск пенопласта, полученного институтом во Владимире.

М. ГРОМОВА

Елена Евгеньевна Тараканова.
Фото А. Сафаева.

СОБСТВЕННЫЙ ДОМ

Сергей НИКИТИН

Рассказ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

I

Жил да был в городке посреди России портной Роман Половодов.

Городок невелик: были в нем только районные учреждения, ремонтно-тракторная станция, пекарня да крохотный заводик, отливающий из чугунного лома сковородки, печные дверцы и статуэтки «Мефистофель». Но жизнь текла в нем, как и всюду. Здесь был свой рабочий класс, своя футбольная команда, своя газета, свои патриоты, говорившие, что лучше их Ульева нет места на земле, и свои недоброжелатели, утверждавшие как раз обратное. Разница между ним и большими городами была только в масштабах. Она особенно резко выступала там, где масштаб суживался до возможного предела, окружая какую-нибудь личность ореолом единственности. Так было и с портным, и если в городке говорили: «Иду к портному»,— то все знали, что речь шла не просто о портном, а об определенном человеке с фамилией, судьбой и характером.

Надо заметить, что шил этот портной прескверно. Благодаря ему ульевцы одевались по модам, никогда не существовавшим, но давно уже привыкли к этому и на приезжего человека, одетого со вкусом, смотрели, как на чудака.

Судьбы Роман Половодов был с виду ровной и прямой. Он жил в городке с молодых лет, здесь же состарился, нажил двух дочерей, похоронил жену и выстроил большой пятистенный дом на высоком каменном фундаменте.

Строил он его долго и тяжело, весь вытянулся на работе, ссутулился и стал похож на длинный гвоздь, который долго вбивали, но не вбили, а только согнули слегка. Зато дом и стоил трудов. Он выделялся даже среди добротных построек Ульева и с каким-то высокомерием смотрел на улицу поверх долговязых мальв, словно и в нем отразился самодовольный нрав хозяина, неколебимо убежденного теперь в том, что жил он не зря и так, как надо.

В летние вечера Роман Половодов любил открыть окно, поставить на подоконник радиолу и сотрясать тихий воздух мощью ее музыки. В этот час у ворот стояли хозяйки, встречавшие с выгона коров, и Роман, скрытый тюлевой занавеской, наслаждался тем, что лишний раз может подчеркнуть перед людьми свой прочный достаток. Из тех же побуждений принимал он заказчиков не в передней, а в самой задней комнате, чтобы те, пройдя через весь дом, были должным образом потрясены и ковровыми дорожками, и диваном с высокой спинкой, и зеркальным шкафом, и пианино, и горкой с хрусталем, а наипаче всего — раззолоченными немецкими литографиями, на которых в целомудренных позах возлежали синие русалки и порхали жирненькие ангелы.

На исходе шестого десятка Роман женился во второй раз.

Случилось это в ту самую зиму, когда он шил пальто вдове Мурыгиной. Полненькая разбитная вдова прибегала на примерку в смушковой папахе набекрень, строчила каблучками через весь дом, а Роман при этом выпячивал грудь, старался не горбиться, не шаркать ногами и угощал вдову чаем с вареньем.

Свадьбу он сыграл, как молодой: с показным разгулом, даже с битьем горшков, за что многие из тех, кто в волюшку пил и ел на свадьбе, осудили его.

В жизни Романа впервые случилось так, что людская молва не одобрила его поступок, и он вначале даже смутился, но потом, укрепясь сознанием своей независимости, высказался так:

— Собака лает, ветер носит. Я у людей не занимал, чтобы свадьбу играть. Значит, пусть подожмут языки.

II

В молодости вдова Олимпиада Сергеевна Мурыгина была очень хороша собой. Маленькая, крепенькая и смуглая, с золотистыми насмешливыми глазами, она считалась в селе Акулове первой красавицей. Многодетная семья жила бедно, но даже в обносках старших сестер Липа вызывала между парнями мордобития и более серьезные столкновения, после которых сельский старичок фельдшер выстригал чубы и сшивал на головах раны.

— Хороша у тебя, сват, девка,— говорил на ее первой свадьбе отец жениха, толстогубый мордастый мельник, известный тем, что ел живых пескарей,— да сел на цветок порхун-мотылек. Ей бы моего старшенького из армии подождать: агромадная шельма! А этот ни нажить, ни прожить не умеет, только исть горазд...

Жених — белокурый, ясноглазый великан, глядевший на мир с каким-то радостным изумлением,— имел пристрастие к певчим птицам. Он добывал перепелов, дроздов, канареек — любил особенно последних, отличая среди них поющих россыпью, дудкой, овсянкой, колокольчиком,— а потом, чуждый всяких помыслов о выгоде, отпускал их на волю.

Пьяненький отец невесты на слова свата только хихикал и крутил головой. Никто не знал, что перед свадьбой между отцом и дочерью происходил такой разговор:

— На что тебе этот недотепа сдался, Липка?

— И-и-и, батя, полно! Мне ума не занимать. Своим проживу, без мужниного, а уж вылезу из грязи в князи.

— Семьишка-то крепкая, ухватистая,— соглашаясь, тянул отец,— да парень-то того... Он в стороне у них, на отшибе.

— Зато моя власть будет. Я его, как соломенное чучело, куда хочу, поверну.

И тот действительно двигался в жизни исключительно волей жены, покуда эта воля не привела его к тому, что, забросив птиц, стал он прижималой и живоглотом не хуже мельника и в пору раскулачивания пошел вместе с ним на Алдан мыть советское золото.

Чтобы не мозолить глаза односельчанам, Олимпиада Сергеевна исчезла из Акулова, затерялась и осела в безвестном городке Ульеве, где вскоре вышла замуж за капитана речного катера.

Какая же это красивая была пара: стройный, широкоплечий, мускулистый капитан и смуглая, гибкая, с грациозно-ленивыми движениями сытого зверя Олимпиада Сергеевна!

Жили они в маленькой комнатке капитана, увешанной по стенам репродукциями Айвазовского. Капитан бредил морем. Ему надоело возить торговок луком; надоело отрывать им длинные ленты трамвайных билетов на рубль сорок, на два с полтиной, на пятерку; надоела оскорбительная придирчивость кассира пристани; надоело все, что было связано с этим обшарпанным катером, носившим, словно в насмешку, такое сурово-романтическое имя — «Прибой»... Но Липа взглянула на работу мужа по-иному. Всеми хитрыми и верными, как осада, бабьими средствами она понуждала капитана, поелику возможно, укорачивать ленты билетов. И тот вначале оскорблялся, ссорился с женой, переселялся на катер и там в дни безденежья валялся на койке, машинально ковыряя пальцем стенную шпаклевку, а когда случались деньги, напивался так, что однажды видел на крыше гальюна русалку, а в другой раз — круглую дырочку в самом центре луны. Потом, в минуту похмельной слабости и раскаяния, он уступил. И уж с тех пор запил беспросветно, не сумев столковаться со своей совестью.

Через три года это был совсем больной человек, который, вызывая у соседей сочувствие к несчастной Олимпиаде Сергеевне, ходил зимой по улицам в калошах на босу ногу и выпрашивал у знакомых «до завтра» денег. Просил он всегда почему-то восемь рублей и кончил тем, что замерз пьяный в рубке своего катера, стоявшего на зимовке в затоне.

Итог Олимпиада Сергеевна подвела для себя печальный. Годы уходили, а за душой у нее ни дома, ни семьи, ни зажитка.

В сороковые военные годы, когда жулье и спекулянты со сказочной быстротой воздвигали карточные домики своего богатства, ей опять не повезло. Тогда в Ульеве промелькнул молодой грузин в габардиновом макинтоше, Жора Микадзе, делавший гигантские обороты с цитрусовой водкой. Он увлек с пути истинного демобилизованного по ранению председателя Ульевского райпотребсоюза, и тот — человек веселый, бесшабашный — открыто загулял на дурные денежки, бросил семью и переселился к Олимпиаде Сергеевне. Он умел легко, не мучаясь потом укорами совести, пропить все, что у него было, умел, не чувствуя себя должником, погулять на чужой счет, умел ударить по струнам гитары и со страстным придыханием выговорить: «Эх, раз, еще раз..!» — но все это было не тем, к чему стремилась Олимпиада Сергеевна. Ей хотелось иметь собственный дом. Он вставал в ее грезах большой, просторный, полный дорогих вещей — надежный залог благополучия и счастья. Но сколько ни старалась она с помощью Жоры Микадзе утихомирить разгулявшегося председателя, тот не слушал никаких советов и вскоре попал под суд, на котором, впрочем, не было Жоры Микадзе.

На этот раз Олимпиада Сергеевна вдовела долго. Она сильно сдала: потеряла прежнюю румяную смуглоту, поплотнела, округлела в талии и при своем маленьком росте стала похожа на кубарь. И вот когда она уже почти примирилась с мыслью, что ей придется вековать во вдовьей комнатушке с застиранными тюлевыми занавесками, на ее пути попался Роман Половодов...

III

Старшая дочь Половодова, Анна, вела домашнее хозяйство, а младшая, Елена, или Елка, как звала ее покойная мать, училась в школе.

Анна была уже немолодая, крупная девица, похожая широким глазастым лицом на сову, когда, ошалев от яркого света, та бессмысленно ворочает круглой головой. Потеряв надежду выйти замуж в Ульеве, она ездила в места, где преобладало мужское население,— в Магадан, на Сахалин, на Курилы,— но через пять лет вернулась ни с чем.

Сознавая, что некрасива, Анна всячески старалась подчеркнуть роскошную силу своего тела — рослого, стройного и подавляюще жизнеобильного. С этой целью она одевалась во все узкое, короткое и открытое. Мужчины, словно загипнотизированные кролики, смотрели на ее высокую острую грудь, на полные желто-смуглые, как свежее масло, руки и постепенно начинали испытывать нездоровый гнет, точно окормленные каким-то дурманом.

Анна редко улыбалась, еще реже смеялась, с отцом и младшей сестрой была груба и надменна, зато наедине с собой много плакала, и после этого лицо у нее становилось бледным, с синевой под глазами, и все догадывались, что она плакала, но не решались заговорить с ней, боясь налететь на грубость.

В предсвадебной суете она не участвовала, делая вид, что все это ее не касается. Зато Елка с откровенным упреком смотрела, как незнакомые тетки перетаскивали из комнаты в комнату столы, рубили на пороге мороженое мясо, палили телячьи ноги, переливали из четвертной в графины мутно-розовый самогон.

— Папа, ты бы не звал гостей,— улучив минутку, попросила она отца.

Но Роман в мечтах своих давно уже видел обильный стол, себя в дорогом бостоновом костюме, дорогой подарок (цигейковую шубу первой жены), который он на глазах гостей преподнесет невесте, и нелегко ему было отказаться от предвкушаемого удовольствия подмечать на себе одобрительные, завистливые, уважительные взгляды: крепко-де живет Половодов Роман...

— Бывало, добрую свадьбу целую неделю гуляли. Княжий стол был, пирожный стол, потом у тестя стол, у свекра...— с мечтательной рассеянностью ответил он дочери.

Утром Елка взяла свой портфельчик, будто собралась в школу, и пошла на кладбище.

В городке было два кладбища: старое и новое. На старом давно уже не хоронили, и все оно заросло акацией, жимолостью, бузиной и сиренью, а в прозеленевшей у земли церковке расположился краеведческий музей.

Мама была похоронена на новом кладбище. Елка долго шла по булыжному шоссе, уже обтаявшему на мартовском солнце, потом свернула на застаптанную грязными подошвами тропу и направилась к сосновому бору, густо и четко синевшему среди сверкающих снегов. В этом бору и было кладбище. Здесь стоял запах морозной хвои, с которым всегда связан погребальный обряд, и он, этот запах, живо напомнил Елке день маминых похорон.

Туманное солнце висело тогда над желтыми от его света сугробами, визжал под ногами промерзший снег, и звук цимбал среди морозного солнечного покоя наполнял душу какой-то леденящей безнадежностью, ощущением вечного холода и пустоты... И теперь, как только синяя тень бора накрыла Елку, это ощущение опять вошло ей в душу, заставив со стоном закрыть глаза и бессильно привалиться плечом и щекой к шершавому стволу сосны. Еще секунда — и она бросилась бы прочь в страхе перед оцепенелой тишиной зимнего кладбища, но услышала над головой тихий шорох и, вздрогнув, открыла глаза.

По стволу деловито бегали два поползня, прятались за толстое корье и со смешным любопытством косились вниз, на розовый помпон Елкиной шапочки. И Елка при виде этих крохотных сгусточков жизни успокоилась, пошла дальше по тропке, петляющей между едва заметными под снегом холмиками. Иногда она останавливалась, чтобы прочитать надпись на кресте или сварном чугунном обелиске, выкрашенном серебряной краской. Эпитафии были простые, лаконичные: «Иван Петров Вавилов. Родился в году 1879, июня 7 дня. Почил в году 1938, апреля 3 дня». Были и пространные, витиеватые, с перечислением всех добродетелей и мирских заслуг покойного. Одна из них, написанная стихами, гласила:

«Средь нас он жил, и весел и умен,
И с честью нами же захоронен.
Скончался он от роду в двадцать лет.
Красив и молод был. Порукой в том —
портрет».

На пожелтевшей, с потеками карточке почему-то не выцвели только зрачки и резко чернели двумя точками, словно проколотые. К стихам, выведенным каллиграфическим почерком, была сделана корявая приписка: «Сынок, мы тебя никогда не позабудем». И в сравнении с пошлостью стихов эти слова глубокого искреннего горя были так трагически просты, были так трогательны своей непосредственностью, что жалость к тому, кто писал их, пронзительно кольнула Елку. Когда она подошла к маминой могиле, слезы давно уже бежали жгучими струйками по ее стянутым холодом щекам.

«Ах, зачем, зачем так устроено!» — с отчаянием подумала Елка.

Она постаралась представить и себя в мерзлой глине, вот здесь, под снегом, но все ее семнадцатилетнее существо воспротивилось этой мысли, и смерть показалась такой далекой, даже невероятной, что представить ее просто не удалось.

Подложив свой портфельчик, Елка села на смерзшийся сугроб. Отсюда сквозь редкие стволы сосен ей была видна улица городка на высоком берегу реки: яркие вспышки солнца в окнах домов, ребятишки на лыжах, собаки, куры, выпущенные на первые проталины, — вся незатейливая, будничная жизнь улицы. Вот вышла женщина с ведром, пустила по речному склону поток помоев и загляделась из-под ладони на сверкающий мартовский снег. Проехал мужчина в тулупе на возке дров, отмахнулся кнутом от ребят, ладивших пристроиться сзади. Потом вылез на крышу парень в рубахе, замахал, засвистал — и с конька сорвались белые, палевые, сизые голуби, взмыли ввысь, упоенные полетом в солнечной синеве неба.

Елка вспомнила, как пять лет назад шла за маминым гробом и думала, что теперь и ее собственная жизнь бесповоротно кончена. Потом решила, что останется жить, но откажется от всех развлечений, будет только учиться, помогать Ане по хозяйству, и никто никогда не увидит на ее лице улыбки. И что же? Время летит над головой — только шапку держи, чтоб не сдуло; скользнули пять лет — и она хохочет, запрокидывая голову, бегает по субботам в заводской клуб на танцы, а в новогодний вечер танцевала с десятиклассником и вот уже больше года никак не может забыть об этом случае.

Елка все еще плакала, сидя на сугробе, но уже не глухое могильное отчаяние вызывало у нее эти слезы, а грустная нежность к маме, которую она теперь считала забытой всеми, кроме нее. Это чувство даже радовало Елку, как что-то хорошее в ней, и она старалась продлить его, перенося на все, что видела перед собой. И никогда еще, казалось ей, не думала она с такой любовью и нежностью о серeньких поползнях, о ребятишках, о женщине с ведром, о голубях — о всем этом мире, наивно обрадованном нынче такому малому пустяку — первому теплу весеннего солнца-богогрея...

IV

Вернувшись домой, Елка едва протиснулась сквозь толпу любопытных, забивших крыльцо, сени и кухню.

— Подойди, поздравь отца,— сказала Анна, сильно толкнув ее в плечо.

В зальце, как называли эту просторную комнату, было людно, тесно, шумно и так накурено, что дым голубовато-серыми языками утекал под потолком в смежные комнаты. С холода у Елки слезились глаза, она ничего не видела, кроме блеска посуды на столе, и, шагнув наугад, на голос отца, сказала, целуя его в мокрые усы:

— Поздравляю, папочка...

— Прошу любить и жаловать! Дочка моя! Наследница! — орал Роман.

От вонючего самогона все тупо охмелели, бестолково кричали в уши друг другу каждый о своем, и было не весело, как могло показаться, а просто шумно. Плясали без улыбки, с бледными, потными лицами, и когда на эту визжавшую, трясущуюся в тесноте толпу упал через окно красноватый отблеск заката, пляска стала похожа на безобразную оргию дикарей, бесновавшихся вокруг костра. Движок с литейного завода еще не дал тока; комната погрузилась в дымные фиолетовые сумерки, и среди них вдруг наступила выжидательная тишина; в круг вышли две женщины, притопнули и завели скабрезные частушки, которыми, по давнему обычаю, сдабривается свадебное веселье.

Елка гадливо передернула плечами и посмотрела на отца, как бы призывая его встать и прекратить разгул своей властью хозяина дома. Но тот даже не заметил ее взгляда. Он сидел, подавшись вперед, прерывисто дыша разинутым ртом, испытывая, очевидно, только одно: восторг и безграничное довольство собой: «Вот как гуляет Половодов Роман!..»

В кухне Елку схватили, усадили на табурет и стали подкидывать к потолку, требуя выкуп.

— Пустите... пустите!..— задыхаясь от бес-

сильной злобы, шипела она и, не помня себя, ударила кого-то по лицу...

Потом долго сидела посреди двора на перевернутом поросячьем корыте, ела и прикладывала к щекам и темени ломотно-морозный снег. Было уже совсем темно. Строгий в своих очертаниях, холодный и печальный, блистал в небе Орион. Кто-то в этот вымороженный до сухости вечер, быть может, наводил на него телескоп, где-то мчался по своей орбите маленький Спутник, чья-то мысль билась над созданием новой машины, звучала в каком-то театре увертюра к «Лебединому озеру», а совсем рядом стены половодовского дома глухо гудели от пьяной песни.

V

Анне сразу же пришлось потесниться в своем положении хозяйки дома, и хотя она продолжала справлять всю кухонную работу, уже не получала от отца на хозяйство ни копейки. Чуть свет Олимпиада Сергеевна, надвинув на ухо каракулевую папаху, подведя глаза и губы, сама убегала на рынок за покупками, и все чаще Роман на вопрос Анны, что приготовить, как сделать то или это, отвечал:

— Ты уж спроси у Липы. Пусть она распорядится...

В ответ Анна лишь надменно усмехалась, а если при этом была и Олимпиада Сергеевна, с нарочитым безразличием говорила:

— Всякая потаскуха мне не указ; это вы оставьте, папаша.

— Опара перекисла! Невеста застояла! — парировала Олимпиада Сергеевна.

Они жалили друг друга зло, расчетливо, в самое больное место, потом разбегались по разным комнатам и плакали.

— Зачем, зачем вы привели ее в наш дом? — кричала Анна, когда отец приходил утешать ее.— Ослепли, что ли? Думаете, вы ей нужны? Посмотрите на себя! Разве вы муж такой бабе? Ваш дом ей нужен, наследство.

— Ну, Аннушка, полно! — бормотал старик.— Вы-то с Елкой разлетитесь из родного гнезда... фррр! А я-то на старости лет с кем останусь? Кто за мной ходить станет?

— Фррр! — передразнивала его Анна.— Я ли за вами не ходила, чего вам еще? А понадобилась грелка под бок, так могли бы и без свадьбы к Липке ходить, у нее это просто.

— Цыц, паскудница, сквернословка! Нахваталась по Сибирям-то! — топал ногами Роман.

Он шел утешать Олимпиаду Сергеевну и там слышал:

— Уйду я, нет моих сил больше терпеть от нее. Ну что я плохого ей сделала? Зачем она меня грязью поливает?

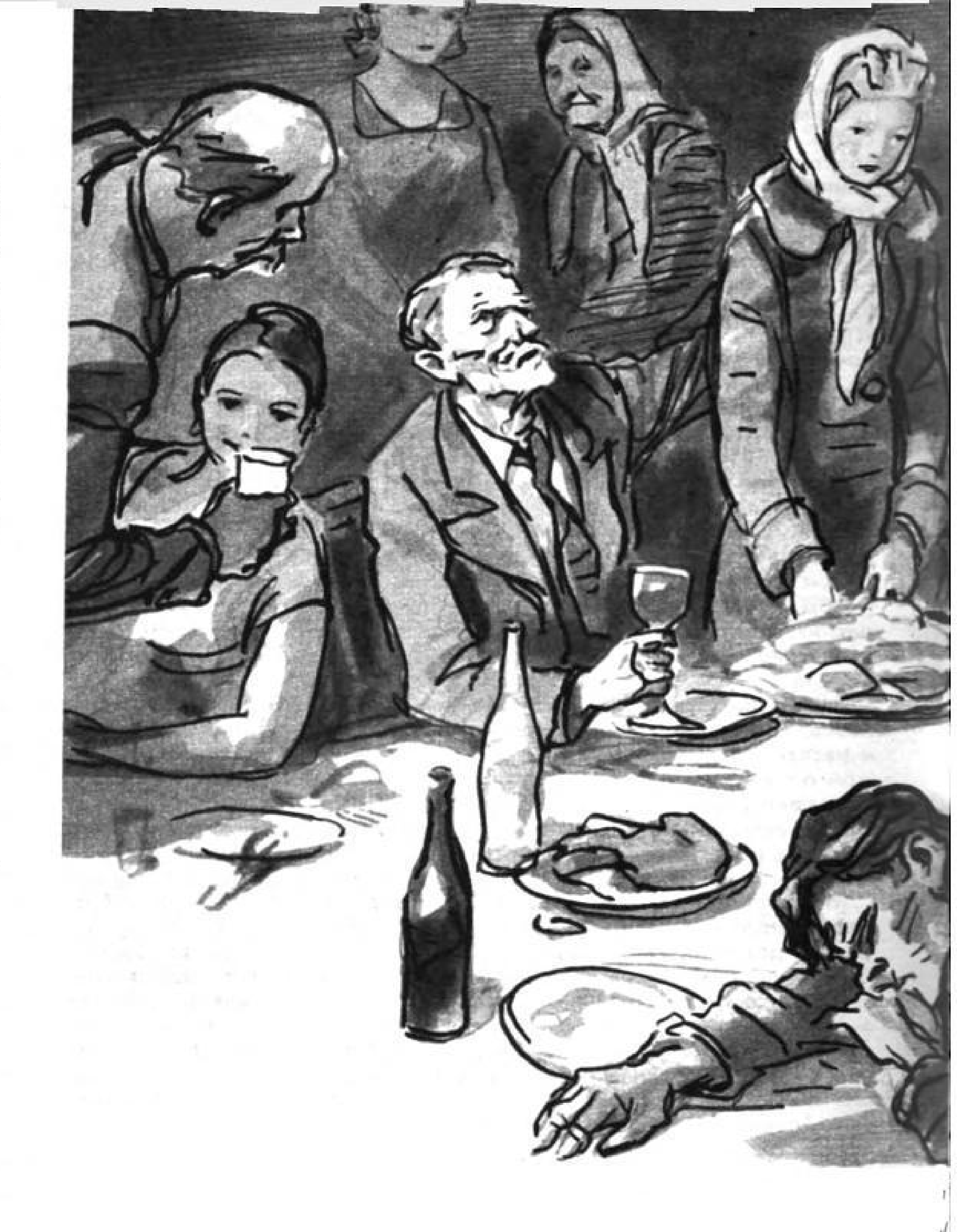
Роман ладонью вытирал ей слезы, глядел в поблекшее, но все еще милое лицо, и в груди у него странно теплело, глаза тоже подплывали близкой стариковской слезой.

И опять во время этих омерзительных сцен всем было не до Елки. Она уходила из дому, шагала по улицам, по весенней распутице и угрюмо думала:

«Уехать бы отсюда... Вот только папу жалко... Нет, не жалко. Ничего здесь не жалко!.. Уеду! Разбегусь на все четыре стороны! Хорошо!»

Она принималась мечтать, грезила о сияющих вокзалах больших городов; о какой-то, еще не ясной для себя, но, конечно, интересной работе,— чтоб по ночам не спать, мучиться, а потом буйно праздновать победу,— о громадном белокаменном доме, в котором будет светиться и ее окно...

— Анечка! — просила она сестру, обнимая и целуя ее.— Зачем тебе этот дом? Поедем далеко, где ты была. Пусть они здесь остаются. Уедем!

Анна отбивалась, губы у нее тряслись, ломались.

— Отстань! — закричала она наконец громко, срываясь на визг.— Зачем дом! Ишь, богатая! У тебя вон оно, богатство-то, на роже. Дуреха смазливая! А у меня что? Мне теперь только и ждать, что какой-нибудь сволочуга из-за дома женится, куркуль какой-нибудь, мешочник, луковник... Я теперь не привередлива стала. Мне теперь хоть дрянненького, да своего мужнишку... Чтоб дети были, семья была... Уйди!

Рассказ о сожженном голосе

Александр РЕШЕТОВ

Мне под песни ваши, ребята,
О своем вспоминать дано.
Вот послушайте, как в солдаты
Уходил я давным-давно.

Помню горе девок окрестных,
Как им жалко было парней,
Потому что они невесты,
Но не знал я тогда своей.

— До свиданья! — сказал, тоскуя
О ближайшей своей родне.
Из невест лишь сестру могу я
Вспомнить плачущей обо мне.

Что ж, неровны на белом свете
Даже сосны в старом бору.
Были Горкины нам соседи,
А я другом был их Петру.

Петька Горкин не парень — песня:
И талантом взял и лицом!
Хоть и молод был друг-ровесник,
А повсюду знали о нем.

На гулянку идет — заходит,
Загуляет — веду домой.
Слыл он песенником в народе,
Пел, что твой соловей весной.

Цимбалист один, что за плату
На богатых свадьбах играл,
Постучался к Горкиным в хату
И на выучку Петьку взял.

Столько песен у парня стало
И веселых и горевых,
Что за целый вечер, бывало,
Перепеть все не мог он их.

Девки льнули к нему, манили
Яркой кофтой, легким платком,
Но дороже для парня были
Песни, слышные далеко́.

Люди Горкину были рады:
Вот какой, мол, певец у нас!
Эх, на свадьбу в деревню Ляды
Мы не в добрый пошли с ним час...

Ты теперь назвал бы корытом
Пятистенный дом лесника,
Сам хозяин, в землю зарытый,
Стал землей, и она мягка.

Только дом тот в Лядах далеких
Первым в лапу рублен, притом
С юга, запада и востока
Был резьбой разукрашен дом.

Гордо в дом тот вошел кудрявый
Дальний песенник, весельчак,
Улыбаясь вошел, со славой,
Уходить же пришлось не так.

С дочкой старшей лесник, прощаясь,
Все вином прогонял печаль,
Отвергая печаль, смеялась
На суконной груди медаль.

И с трудом,
Родней окруженный,
Поворачивал он язык:
Человек, дескать, я казенный,
Я, мол, всем лесникам лесник!

А народ, что его попроще,
Ждал под окнами, у дверей:
Скоро ль грянет из нашей рощи
Звонкой песнею соловей.

Долго Горкин стоял без слова
Средь людей, в табачном дыму.
Лесорубы и рыболовы
Все шептали что-то ему.

А шептали они о Домне —
Младшей дочери лесника.
(Все он сам рассказал потом мне,
Когда вел я домой дружка.)

Струн цимбальных тончайшим гудом
Приглашал музыкант певца.
Вот запел он. И песня-чудо
Не впервой пошла по сердцам.

Но впервой пел кудрявый парень,
К Домне взор обращая свой,
О глазах лучистых и карих,
Что сразили его красой;

Как в погоду и непогоду,
Никаких не боясь невзгод,
Он, влюбленный,
в огонь и воду
За красу этих глаз пойдет;

Елка попятилась от нее, закрылась руками и, точно оглушенная, упала на диван, затихла.

VI

Весной старик Половодов заболел. Возвращаясь в Ульев из областного города на автобусе, он вдруг почувствовал боль в сердце; переменил положение, сел поудобнее, но боль все усиливалась, и уже заболела левая лопатка, потом плечо, рука, нога... До дома Роман добрался, волоча ногу, держась за стены и заборы, и, как только переступил порог, откровенно заплакал, расслабленный нестерпимой болью.

К нему позвали знакомого доктора, тоже старика, Почемуева, которого, как и портного, знал весь город. Он был высок, сухотел, прям, с бородой и усами короля треф, с дремучими бровями, говорил по-стариковски много и ко всем, будь то мужчина или женщина, обращался одинаково: «брат». При этом он так нажимал на звук «р», что возводил его до дробного рокотания. С больными Почемуев обходился так, словно те, заболев, совершали непростительную глупость, и довольно грозно покрикивал на них.

— Ну, бррат, удружил! — распекал он какого-нибудь больного на приеме в поликлинике.— Покажи-ка обувку-то!.. Это что же, по-твоему, обувь? Пижон ты, бррат, франтишка. Выпишу тебе рецепт на галоши. А еще лучше, купи ботинки на микропористой подошве. Обувь сухая, теплая и, если хочешь, красивая. За нее от нас, врачей, великое спасибо химикам. Молодцы ребята, гении, волшебники!.

— Что, брат, рухнул? — пробасил он, входя к Роману.— Ты,— приказал Анне,—открой форточку! Душно, как в сундуке.

— Сердце у меня,— простонал Роман.— Болит, будто дверью его прищемили или холодным ножом порснули.

— Стенокардия,— бормотнул Почемуев.

— Чего?

— Ну, грудная жаба.

От этих слов Роман испугался и упавшим голосом спросил:

— А от чего она бывает?

— От разных причин.— Почемуев вытянул из кармана извивавшийся, как змея, фонендоскоп и стал запихивать наконечники в свои волосатые уши.— А у тебя, брат, главным образом от некультурности. Отгрохал домище, как дворец, а ванны нет, и в комнатах при сквозняке воняет выгребной уборной. Вспомни, сколько лет ты не был за городом — в лесу, на речке! И, наверно, каждый день трескаешь по две тарелки жирного супищу и пьешь водку. А работа! Пока был силен, гнулся и день и ночь, хоромы наживал, а теперь силенки уж нет, одряб, а жадность-то прежняя осталась.

— Оттого и жаба? — недоверчиво спросил Роман, уверенный доселе, что все болезни бывают от простуды или оттого, что съел что-нибудь нехорошее.

— А ты как думал? — сердито сказал Почемуев.

В кухне, вытирая руки чистым полотенцем, которое ему подала Елка, он глянул из-под густых бровей ей в глаза и вдруг ахнул, словно в изумлении:

— Господи боже мой!

Потом положил на плечо тяжелую волосатую лапу и сказал:

— Я, брат, тебя серьезно прошу. — В голосе его действительно скользнула просительная нотка.— Работай за десятерых, люби во все лопатки, страдай до отчаяния, но только не кисни и не живи по гнусным законам обывателей.

И ушел, оставив Елку в недоумении и какой-то тревоге: что за человек?

К Роману приходили медсестры; одна — веселенькая, быстрая, чернявая — уколола в палец, надавила в стеклянные трубочки крови; а другая — красивая и строгая, с подведенными бровями-дугами — долго опутывала какими-то проводами, а Роман, дожидаясь, когда его шибанет током, замирал и закрывал глаза.

Спустя несколько дней доктор Почемуев

Как не быть ему в свете живу,
Потеряй он счастье свое.
Для любимой он вспашет ниву,
Срубит терем-дом для нее...

Эх, не чарку певцу за песни,
А кулак свой поднес лесник.
— Уходи,— ревел он,—
Исчезни! —
Как медведь разъяренный, дик.

Скрыла Петьку толпа людская,
В ней его я и подхватил.
Кулаком пудовым махая,
Вдрызг цимбалы лесник разбил.

От беды тогда лесорубы
Помогли мне спасти дружка.
— Песни людям твои, брат, любы,
Брось ты Домну и лесника.

— Он давно, брат, ее просватал
Ревизору лесной казны.
— Видно, мало, что стал богатым,
Власть и знатность ему нужны.

Но ни тех лесорубов дюжих,
Ни меня,
Ни отца,
Ни мать
Не послушал друг, не послушал,
Часто в Лядах стал пропадать.

Из деревни нашей, из дома
В Ляды гнала его тоска.

Там свели его люди с Домной
В страшной тайне от лесника.
Знать, и ей по душе был дальний
Парень с голосом неземным,
Коль решилась встречаться втайне
Кареглазая Домна с ним.

В эту пору приказ-повестки
Сам урядник вручил дворам.
Взвыли матери и невесты
По сыночкам, по женихам.

Петька, как от удара, ахнул:
— Домну выдадут без меня!
Легче лечь головой на плаху!..
— Подчинись,— просила родня.

По деревне парень кудрявый
День метался, к ночи утек...
На повестке орел двуглавый,
И означен в повестке срок.

Видно, помнил Петька о сроке,
Коль родителей не подвел:
Близко был он или далёко,
Все же к сроку домой пришел.

Эх, давно ли песенник-парень
Был, как голос его, красив,
А вернулся, как ветхий старец,
С палкой-посохом,
Полужив!

Я к нему:
— Что стряслось,
Что сталось?
Расскажи.
Хрип один в ответ,
Голова на грудь опускалась,
Как на землю сломанный цвет.

Чтоб не взяли в солдаты, пил он
Зелье-снадобье, не вино;
Кровь живую в лице убило,
Голос Петькин сожгло оно.

На табачном отваре зелье
Сделал знахарь, не как-нибудь:
Новобранец от зелья еле
Потащился в обратный путь.

Забракованный докторами,
Петька хлеб казенный не ел,
Не попал в Маньчжурию с нами,
Но и дома не жил, скрипел.

Не ходил он, как прежде, в Ляды,
И к чему бы теперь ходить?
О любви ли с потухшим взглядом
Хриплым шепотом говорить?!

Эх, рассказывали о том, как,
Появившись у нас в тот год,
Встречных спрашивала
незнакомка:
Где, мол, Горкин-певец живет?

— Горкин здесь,
А певца-то нету! —
Так сказал наш сосед один,
И красивую гостью эту
К хате Горкиных проводил...

Убегала она, рыдая,
Через поле в лесную даль,
Кареглазая, молодая.
До сих пор и ее мне жаль.

Вот и весь мой рассказ, ребята,
Песни петь вам, а мне жалеть.
Эх, вот спел бы кто, как когда-то
Петька Горкин умел нам петь!

Отступали и мрак и холод,
Весь душе открывался свет...
Пойте песни свои, кто молод,
Добрый час вам
И много лет!

Там, где надо, глядите в оба,
Не зевайте в жизни нигде,
Чтоб потом не тужить до гроба
По загубленной красоте;

Чтоб не меркла под солнцем
красным,
А дружила с жизнью краса,
Чтоб теперь без поры не гасли
Ваши новые голоса.

опять шел навестить своего больного. Был май, и доктору, когда он шагал по улицам, хотелось весело подмигивать всем встречным, оттого что мягко грело милое майское солнце, пахло тополями и еще оттого, что у пациента не оказалось той опасной болезни сердца, которая в лучшем случае надолго укладывает человека в постель, а в худшем... Но о худшем в такой день доктору и думать не хотелось.

Возле половодовского дома он не удержался-таки и подмигнул соседке Половодовых Катерине Козловой, высокой, сухопарой старухе, которая была так худа и костиста, что лопатки торчали у нее на спине наподобие сложенных крыльев. За нрав — непримиримый, напористый и деятельный — ее называли в городке «Рабочий клич», отожествляя с районной газетой того же названия. Она давно уже была на пенсии, но, не занимая никакой должности, умудрялась находить для себя дело и в райсовете, и в суде, и в редакции, и даже в клубе, где под собственный аккомпанемент на гармошке пела русские песни. Когда доктор увидел ее, она что-то с жаром доказывала участковому милиционеру Спирину, медленно отступавшему перед ней.

— Давай-давай, Катерина! — поощрительно сказал доктор.

— Да как же, Иван Власыч! — тотчас же закричала старуха.— У нас на улице второй день война идет, а он без внимания.

— Мы в семейные дела избегаем встревать,— угрюмо сказал Спирин, глядя на половодовские окна, которые в этот теплый, благостный день почему-то были наглухо закрыты.

— А что там такое? — с тревогой спросил Почемуев.

— Не знаешь? — искренне удивилась Катерина.— Липка-то, как старик занемог, подъехала к нему насчет дома: запиши, мол, дом на меня. Анна узнала и сейчас же: как так на тебя? Кто ты такая? Ты... Уж я и повторить не смею, как она ее обрезала. Вчерась за волосья друг дружку таскали и давеча утром таскали. А Елушка-то их вся слезами облилась, смыгнула со двора и до сей поры ее нету. Непременно у них до беды дойдет, если так оставить.

— У-у-у, собственники! — прорычал доктор и со всей своей немалой силой двинул ногой в калитку. Она не подалась: в дом сегодня никого не впускали.

Но уже на следующий день все приняло там благопристойный вид: открыты окна, отперта калитка, натянута улыбочка на лицо Олимпиады Сергеевны. Доктор, дивясь, только качал головой: умеет же эта порода не выносить сор из избы.

Елка в те дни готовилась к выпускным экзаменам, лежала целыми днями в траве на старом половичке и читала учебники.

— Да, бррат,— говорил доктор, проходя по двору и заглядывая через ее плечо в учебник.— Толстой! Велик старичище! Как бог. Все знает и не боится сказать... Я видел его однажды, когда был молод.

У Елки круглели глаза. Она смотрела на старого доктора и усмехалась недоверчиво: Толстой был для нее историей, прошлым веком, могучей, но нематериальной силой, и видеть его было нельзя. А доктор, точно подслушав все ее мысли последних дней, продолжал:

— Читай, проникайся. Может быть, именно на тебе порвется в вашем доме цепь обывательщины и мещанства.

Елка слушала, прикусив горькую травинку, глубоко втягивая ноздрями запах первой листвы.

— Ты, брат, думаешь, мы его совсем прихлопнули? — говорил доктор.— Черта лысого! Российский мещанин ушел в подполье. Он лишен опоры: собственности и государства, охраняющего ее. Он затаился, но гниленькая мораль его еще заражает воздух. У него, брат, еще есть сила. Медленная, гнусная сила болота, которое, только не догляди, затянет возделанную пашню.

И Елку точно манила куда-то его уверенная, рокочущая речь: казалось, шагни за порог — и тебя подхватит, завертит светлый поток жизни.

«Уеду!» — радостно думала она.

VII

Елка шла по глубокому, уже остывшему песку речного острова и говорила:

— А что, если нашу лодку унесло течением? Согласен ты быть Робинзоном, добывать себе пищу охотой, рыбной ловлей, одеваться в шкуры? Я стала бы твоим верным Пятницей. Мы сражались бы с дикарями, приручали бы диких коз, а потом... потом... Ну, подскажи, Борька, что случилось бы с нами потом!

Она остановилась и требовательно взяла своего спутника за рукав.

— Ну, подскажи!

— Тебе, как недавней школьнице, должно быть известно, что подсказки не поощряются,— в шутливо-наставительном тоне сказал Боря.

Он очень близко увидел ее лиловый от ежевики рот, два синих сияющих глаза и, как некогда доктор Почемуев, тихо ахнул в радостном изумлении.

Присмиревшие, внезапно смущенные тем, что поняли в этот короткий миг, они, взявшись за руки, медленно пошли дальше по хрустящему песку, принимавшему лиловатый оттенок заката.

Странным и до удивления непонятным стало вдруг то, что до сих пор была долгая, очень, казалось, долгая жизнь, как будто бы вместе и не вместе, рядом и не рядом. Боря помнил, как он приходил с отцом к портному, и маленькая девчонка, блестя в полутьме глазами, кидала в него с печи лучиной, показывала язык, а он дергал отца за рукав и угрюмо тянул:

— Отец, пойдем...

А еще как-то он бежал с ней вприпрыжку по улице, по мягкой гусиной траве, и наступил босой ногой на тлевший окурок. Было очень больно, он дико закричал, а девочка с ненавистью топтала окурок своими сандалиями.

Позже, в школе, он ее не замечал: она шла классом младше и поэтому была достойна если уж не презрения, то полного равнодушия и пренебрежения. Лишь один раз он снизошел до нее с высоты своего старшинства. Это было на новогоднем вечере, когда Боря первый раз в жизни выпил вина. Пили на школьном дворе, за поленницей, причем все ребята делали вид, будто питие — занятие для них самое привычное, и он тоже опрокинул свою чашку небрежно, как гусар. Было морозно, гулко лопались столбы, звезды на небе сияли необыкновенно ярко, а голову так странно, так непривычно покруживало... Боря вошел в зал, огляделся. К стенам жалась всякая мелюзга в белых фартучках. Он мог осчастливить любую из них, пригласив танцевать. С этим сознанием своей великой щедрости он подошел к Елке, щелкнул каблуками и молча склонил голову.

— От вас холодно, как от айсберга,— сказала она, кружась с ним по залу.

И долгим взглядом глядела в глаза, тоненькая, глупая, смешная восьмиклассница...

И вот они снова встретились нынешним летом на выпускном вечере. После вручения аттестатов Боря держал речь. Он вышел на сцену обветренный, с выгоревшими до цвета пеньки волосами, рубил кулаком воздух и приглашал поголовно весь десятый класс работать на строительстве гидростанции. Его разглядывали и слушали с любопытством. В любой школе есть такие выпускники, которых долго после их выпуска помнят и учителя и ученики. Зовут их «активистами», выбирают в комитет комсомола, в учком, в редколлегию стенгазеты, некоторые из них отлично играют в шахматы, другие конструируют физические приборы, третьи просто горазды на все руки; и часто их фотографии висят на почетной доске среди медалистов школы. Таким был и Боря.

Все, как о решенном и не поддающемся сомнению факте, думали, что он поедет учиться в столичном институте. Но Боря вдруг, к общему удивлению и даже разочарованию, ограничился лишь заочным отделением одного из институтов в областном городе и стал работать электросварщиком на строительстве гидростанции в ста километрах от городка, на большой реке. Теперь он приехал в отпуск — ни у кого из сидящих в зале никогда не было отпуска, только каникулы; он говорил о зарплате — никто никогда не получал еще зарплаты; он рассказывал о шпунтах, дюкерах, шлакоблоках — никто в точности не знал, что это такое, и поэтому у всех перехватывало дух от заманчивой неизвестности: как это так — из палисадничков с мальвами и сиренями да вдруг к шпунтам и шлакоблокам!

В тот вечер Боря опять танцевал с Елкой. Потом они каждый день катались на лодке. И никто, наверно, не сможет понять и объяснить, как это случается в жаркие дни лета, когда пилят в скошенной траве кузнечики, пахнут липы, плывет мгла над рекой,— как это случается, что вся истома сухих, горячих дней разрешается вдруг первым поцелуем... Случается, да и все тут!

На лодке, повизгивающей уключинами, они пересекли широкий проток, отделяющий остров от берега, сдали лодку сторожу водной станции и поднялись в городок. Они давно уже молчали. Было немного душно, как перед грозой, и она, очевидно, проходила где-то поблизости, потому что в самом зените неба нет-нет да и мелькал бледный сполох — отражение недалекой молнии. В такие ночи бывает напряжен каждый нерв, и трудно собраться с мыслями.

— Погуляем? — спросил Боря.

— Да,— почти шепотом ответила Елка.

Они свернули в маленький парк, на старое кладбище. Здесь, тоже как перед грозой, тревожно попискивали в кустах разбуженные птицы. Сквозь темную зелень проступали белые статуи — подарок городку от учащихся областного ремесленного училища. По очертаниям можно было узнать Павлика Морозова, Виктора Талалихина, Пушкина, Зою Космодемьянскую, но Борис и Елка знали, что еще здесь были Исаак Ньютон, Гарибальди, Виктор Гюго, но этих в темноте уже трудно было отличить друг от друга.

Было уже далеко за полночь, когда Боря вернулся домой. Он вошел, не стуча, не щелкая замками, не гремя засовами: все двери были снабжены особыми механизмами его собственной системы, рассчитанной на абсолютную бесшумность действия. Но никакая механика не могла усыпить мамину заботу и

тревогу о нем. В какой бы час он ни возвратился, его встречал один и тот же вопрос:

— Вернулся, Боря? Ну, слава богу...

И теперь уже можно было шуметь, стучать, бегать, топать — мама все равно спала, спала до своего часа, когда над городком, поглощая и растворяя в себе все остальные звуки, несся тонкий свист заводского гудка.

Боре было больно замечать в маминых глазах признаки постоянной тревоги о нем, но он понимал, что с этим ничего не поделаешь. Эта тревожная печаль залегла в них после гибели отца на фронте — гибели самоотверженной и славной, во имя спасения товарищей, — и не слабела с годами, а, наоборот, приобрела оттенок какой-то затаенной просьбы, словно в Борином сходстве с отцом и особенно до жути похожих глазах, больших, раскаленных, мама видела какую-то роковую предначертанность и его пути.

Мама!.. Боря помнил, как давным-давно, когда он был еще совсем мальчиком, вошел к ним в дом, прихрамывая и держа зябнувшую правую руку в кармане, старый друг отца доктор Иван Власыч Почемуев. Многие тогда, видя доктора, такого моложавого, высокого, крепкого, недружелюбно косились: «На фронт бы тебя, жеребца этакого!..» Но почти никто не знал, что еще в гражданскую войну он был сильно контужен, и теперь временами у него немела вся правая сторона тела — он волочил ногу и не мог даже выписать рецепт. Боря думал, что ему просто нездоровится — так тяжело он стоял, припав лбом к намокшей раме, смотрел на рябое стекло и барабанил по нему пальцами. А потом повернул к Боре чуть перекошенное лицо и сказал (Боря до сих пор помнил, с каким трудным спокойствием он это сказал):

— Бориска, приготовься, брат, к плохому... Погиб твой отец. Мы должны подумать, как сказать об этом матери.

И, должно быть, потому что на Борю вдруг легла эта забота о маме, он не зашатался, не упал, не онемел и не умер. Он понял: ему надо держаться.

Поэтому в конце концов и не мог он допустить, чтобы еще долгих пять лет, пока он учился бы в институте, мама носила единственное платье, ограничивала свой обед сухой булкой в заводском буфете и засиживалась по ночам над вышиванием дорожек, наволочек и салфеток.

Он хорошо держался все время.

— Спи,— сказал он.— Я вернулся.

А Елка в ту ночь бродила до рассвета. Как только стихли за углом Борины шаги, она тоже пошла, сворачивая из улицы в улицу, отдыхая на лавочках у незнакомых ворот, промочив туфли в холодной утренней росе... Было уже совсем светло, когда она увидела себя на базарной площади. У ног ее дрались, безобразничали воробьи. Базара здесь давно уже не было, но все до сих пор напоминало о нем. Его следы хранило и само название площади, и архитектура окаймляющих ее зданий, и блестящие круглые камни мостовой, источавшие специфический базарный запах истертого в пыль навоза и сена, и даже эти драчливые воробьи, и большая витрина «моментального» фотографа. В ней на покоробившихся от жары карточках в кривобоких сердечках, осененные кудрявой надписью «Люблю навеки», застыли молодые парочки, отпускные солдаты и сержанты, был один моряк, был полузадушенный галстуком жених с бумажным цветком в петлице — и все они кого-то любили, любили пожизненно, навеки.

«Во все лопатки»,— вспомнила Елка и вдруг засмеялась глубоким, счастливым смехом.

VIII

После болезни старик Половодов стал задумчив, тих и непонятен. Достал из сундука иконы, повесил их в спальне, часто поминая бога, твердил:

— Бога отменили, и от этого весь беспорядок в жизни пошел. Коли был бы в вас бог, вы не собачились бы с утра до вечера. Все на земле не наше, а богово; нехорошо это рвать из рук друг у дружки.

Олимпиада Сергеевна и Анна схватывались еще злее, чувствовали, что старик скоро оставит их и в жизни и в доме один на один.

А Елка в эти дни готовилась к отъезду. Кончился Борин отпуск, он вернулся на стройку и слал оттуда письма, полные напрасного беспокойства о том, что она почему-либо не приедет.

Пожалуй, это был самый мирный день в доме. С утра женщины хлопотали, собирая Елкины вещи, покрикивали беззлобно на старика, чтобы не мешал, и перед дорогой все на минуту присели, стараясь до конца соблюсти внешнюю добропорядочность проводов. Сама Елка мало заботилась об этом. Не находя ничего, что могла бы искренне пожалеть здесь, она собиралась в дорогу с откровенной радостью и только на пристани, перед самым отвалом катера, когда отец стал суетливо крестить ее, заплакала, ловя и целуя его руку.

Уже убирали сходни, когда на пристани с рюкзаком за плечами, в гетрах и ботинках на толстой подошве появился вдруг доктор Иван Власыч Почемуев. Команда уже знала его, и несколько голосов с катера приветственно закричали:

— А, борода!

— Здорово!

— Разбегись подальше, прыгай!

Бывают у Ивана Власыча такие дни, когда его раздражают все — больные, сестры, няньки — и начинает думаться, что времени ему на земле осталось мало. И тогда он прибегает к испытанному средству. Он берет небольшой, дня на три, отпуск, уходит из дому с мешочком за плечами, идет, куда ветер лист несет, без ружья, без удочек, потому что «я слишком азартен,— говорит он,— и охота поглощает меня всего, я становлюсь слепым и глухим, а мне надо видеть, мне надо слышать, мне надо трогать и нюхать...» Сначала он приходит на пристань, где о размочаленные бревна трется боком его фрегат «Паллада», его «Бигль», его «Бель Ами» — маленький катерок «Ракушка». Потом слезет на какой-нибудь стояночке поглуше, махнет с венца рукой и уйдет в леса, в поля, в даль и ширь, пока не подстережет его где-нибудь на перекрестке необходимая для жизни тоска, которой всегда кончается одиночество,— тоска по живому человеку...

Катерок резво побежал вниз. Сначала он удалялся от городка, но вдруг, круто повернув, стал опять приближаться и долго петлял по извилистому руслу реки, словно хитро путал следы свои.

Иван Власыч и Елка стояли на палубе.

— Средний!.. Тихий!..— слышался в рубке голос штурмана.

Затуманенное красное солнце опускалось в луга и гривы левобережья. Справа, где был городок, оно дробилось на сотни солнц, отраженных окнами домов, и нежнейшим розовым отблеском ложилось на стройную, белую, как невеста в кружевах, церковку.

Щурясь на нее, доктор говорил:

— Древность, брат, древность... Помню, нас, мальчишек, наняли помогать научной экспедиции в раскопках... Жуткое и странное чувство испытал я, когда кость за костью из пыли веков выступил скелет человека. Позеленевшие бронзовые браслеты свободно болтались на предплечьях, и я невольно представил себе, как эти браслеты когда-то туго охватывали женскую руку, а под бронзовой диадемой, обрамлявшей голый побуревший череп, билась живая человеческая мысль. Она когда-то ходила, смеялась, пела, страдала, любила, была матерью, эта женщина... И вот история, которую я так не любил в приходской школе, открылась мне через букву, а через человека. Я мог представить себе, как живых, ремесленника, смерда, воина, юродивого на паперти собора... С тех пор я так и изучал историю, подставляя на место буквы человека. Бывает теперь, проснешься светлой ночью, смотришь на луну и думаешь: черт возьми, светила она так же и сто лет назад, и тысячу, будет светить еще миллионы лет! Неразрывна цепь, связывающая прошлое, настоящее и будущее. Все мы звенья этой цепи.

Елка даже голову откинула, глядя вдаль перед собой: эти слова возвышали ее, настраивали торжественно, сурово, как гимн.

Доктор умолк, сел на сверток каната, дыша взволнованно, часто, так, что отлетали усы. Потом постепенно успокоился и думал опять о старине, о воинственном князе Федоре Пестром, заложившем эту церковку на крутом берегу. Вот он, рябой, с колючими глазами, скуластый, в шапке из куницы, пойманной за рекой, едет на гнедом коне впереди дружины. В нехоженом лесище скрылась дружина, и вдруг!.. Чу! Где-то за лесным угором гикнули, завизжали всадники, заржали татарские кони, и полетели через городские стены огненные стрелы. Гонец — бражник и озорник Еропка — ужом прополз по оврагу: «Воротись, князь!..» А над городом уже воет пожар, клубится на ветру черно-красный дым. Уже идут, спотыкаясь об острые камни, босые полонянки. — «Воротись, дружина!» — И среди них девушка с разметанной по плечам русой косой печально смотрит синими глазами Василисы Прекрасной... Долго смотрит на него милыми глазами Елки Половодовой...

— Жизнь! — сказал доктор.— Л-люблю!

А когда Елка просыпается рано утром, его уже нет на катере. Она идет босая, поджимая пальцы, по вымытой, еще сырой и прохладной палубе; матрос, зачерпнув воды ведром на веревке, дает ей умыться; и это обыкновенное утро — с золотистыми облачками на востоке, с криком чаек над рекой, с маленьким черным жучком, пробирающимся куда-то по спасательному кругу,— исполнено для нее величайшего смысла, потому что сегодня она, как это говорится, начинает новую жизнь.

И сама река уже не та. Она приняла в себя, как много других рек, и Елкину речку, в ней нет ни капризных излук, ни мелководных, тинистых стариц, ни спокойных заводей с белыми лилиями и желтыми кувшинками, ни плакучих ив, склоненных над водой. Бутылочно-зеленая вода с радужными разводами нефти монолитной массой стремится вниз. Катерок обгоняют белые, стройные красавцы дизель-электроходы; закопченные буксиры натужно тащат плоты, от которых наплывает винный запах раскисшей сосновой коры; покачиваются широкие, как черепахи, самоходные баржи.

И не всему даже находится у Елки название, что видят ее глаза. Сходит она на пристани, заваленной крепко сбитыми ящиками с надписью «Не кантовать!», огромными катушками освинцованного кабеля, металлическими прутьями, свертками каната... На берегу экскаватор, словно громадная птица с длинной шеей, методично клюет хрусткий щебень, выплевывает его в грузно оседающие кузова самосвалов. На широком плесе реки неуклюже ворочается, лязгает, скрежещет какое-то громоздкое плавучее сооружение, неутомимо гоняя цепь ковшей с кусками жирного, зеленовато-черного ила. А правей и выше берег разорван, искорежен, измят, и там слышится тяжелое урчание многих машин, стук металла о металл, и катятся в небо валы пыли, окрашенной восходящим солнцем в желтый и розовый цвета.

Елка смотрит на свою затекшую ладошку, пересеченную белым рубцом от чемоданной ручки; ей немного страшно и одиноко в этом незнакомом мире и не верится даже, что люди могут здесь любить, веселиться, грустить, а должны только стучать железом о железо, трещать моторами и чадить бензиновой гарью. Но, упрямо сжав губы, она идет дальше. Она еще не знает, в каком шлакоблочном доме и какую открыть ей дверь, не знает, что сказать новым людям, кроме «здравствуйте», но здесь есть Боря, и он-то уж, наверное, знает все это и научит ее. А раз есть Боря — она спокойна. Раз он есть, будет и любовь, и грусть, и радость, придется работать за десятерых, а может быть, и страдать до отчаяния... Хорошо, что он есть!

ПОВЕСТЬ ПЛАМЕННЫХ ЛЕТ

В. ПЕРЦОВ

1

Героика воинского подвига, опирающаяся на любовь к Родине, с одной стороны, и ненависть к войне, оторвавшей наш народ от созидательного труда, — с другой... Существовало ли в истории войн противоречие более острое, более глубокое? В дни Великой Отечественной войны это противоречие было живым и действенным, оно вело, учило наших людей бороться и побеждать во имя Родины. «Повесть пламенных лет» — так назвал Александр Довженко свой сценарий, посвященный этому великому времени, великой битве за освобождение Советской Украины от фашистской неволи. «Робить», творить для блага, для счастья всех людей на земле — в этом философская и художественная мысль, в этом, можно сказать, пламенная философия эпического произведения А. Довженко, философия, выстраданная художником в дыму и пламени гигантских боев и пожаров всемирно-исторической битвы народов. И хотя в сценарии Довженко, а теперь в картине, поставленной Юлией Солнцевой, боевые эпизоды и картины разрушения иногда занимают весь первый план эпического повествования, но они никогда не доминируют. Жажда созидательного труда, дух творчества, движение соков земли, устремление всей человеческой жизни к добру и красоте — вот что доминирует в произведении Довженко.

Один из заключительных эпизодов картины — суд над фашистскими оккупантами в украинском селе, откуда они только что изгнаны. На скамье подсудимых среди других — украинский националист, агент фашистской разведки Грибовский. Зритель видел немыслимые злодеяния, которые творил этот «минус-человек». Мстя непокоренным людям, Грибовский уничтожил треть села, казнил детей-школьников, отказавшихся ехать рабами в фашистскую Германию. На вопросы прокурора, обращенные к нему, он не отвечает, делая вид, что не понимает по-украински, нагло выдает себя за кого-то другого. В соответствии с судебными правилами требуется юридическое установление его личности.

Бывают положения, как будто восстающие против здравого смысла, как будто несовместимые с обычным течением событий, но между тем в них самая обыкновенная правда, предстающая иногда в форме фантасмагории.

Нашлись свидетели, показания которых Грибовский не может опровергнуть.

«**Грибовский.** Их ферштее нихт.

Орлюк. Введите расстрелянных!

Открылась дверь. Пятеро расстрелянных подошли к столу — Антонина, Демид Сорока, Олена Ступакова, Подорожный и Глеб Бовкун. Грибовский глянул на них и содрогнулся...

Орлюк. Олена Ступакова!

Ступакова. Я.

Орлюк. Лет?

Ступакова. Двадцать четыре. Ровесники.

Орлюк. Вдова?

Ступакова. Убили ж Андрея. Партизан был. И детей двоих убили и батька Андрея и моего. Вдова и сирота. Кругом вдова.

Орлюк. Вы были расстреляны?

Ступакова. Была. Я? Была.

Орлюк. Почему вы все время усмехаетесь?

Ступакова. Не обращайте внимания. Я не владею этой усмешкой. И голос, говорят, переменился с той поры.

Орлюк. Вам не смешно сейчас, гражданка Ступакова?

Ступакова. Нет. (Смеется.)

Орлюк. Вам хочется плакать?

Ступакова. Робить чего-либо хочется. Работать.

Орлюк. Ничего. Мы еще с вами поработаем. На удивление всему миру. Только не надо смеяться. Прошу вас не смеяться.

Ступакова. Я не смеюсь, Ваня. Я плачу, как и ты.

Из глаз Орлюка текли слезы гнева...»

Только трудом на удивление всему миру смогли мы залечить раны войны и стереть с человеческих лиц трагическую усмешку боли, оставшейся во многих душах от дней войны, вернуть на лица людей светлую улыбку радости. Довженко не Верещагин, не живописец ужасов войны, подобно автору знаменитой «Панихиды по убитым». «Повесть пламенных лет» — повесть о жизни, о победе жизни, песнь торжествующей жизни. «Певец цветущей вольной земли» — так сказал о Довженко Николай Тихонов. Это хорошо и точно сказано. Когда такой художник-певец выступает в роли летописца войны, в роли историка народной беды, горя, разорения, то в самой боли, в неизбывном страдании он умеет видеть величие духа народного, закаляющегося в испытаниях, умеет заметить истоки силы, ростки будущего подвига. Такой художник не боится тяжких воспоминаний. В самой встрече человека с несчастьем, когда пострадавший узнает, что у него отнято самое дорогое, герой сохраняет высокое достоинство человека. Можно по-разному выразить в искусстве непримиренность человека, «осужденного на жизнь»: его стойкость, умение не согнуться перед горем, найти радость в жизни для других и в этом найти радость личную. Иной художник ищет и находит героическое в обыкновенном, в подчеркивании обыкновенного, в сохранении героем нормы поведения, когда окружающие условия катастрофически изменились. При том, что «незаметный» массовый героизм действительно

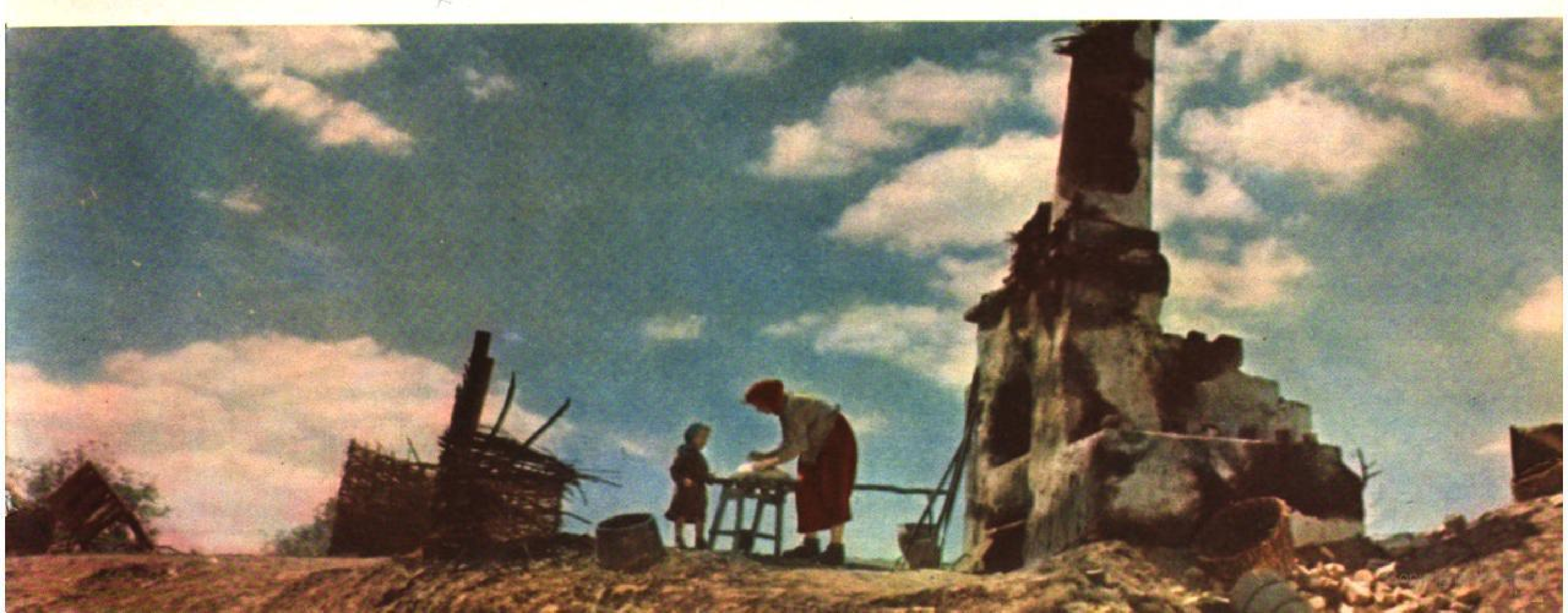
Заседание военного трибунала.
«— Подсудимый Иван Орлюк, у вас при аресте нашли среди вещей вот это. Что это? — спросил военный юрист Величко...
— Земля!
— Какая?
— Украинская.»

«Они плыли, устремляясь вперед к смертоносным огням... вооруженные одним лишь легким оружием и мужеством духа».

«Жизнь побеждала».

ПОВЕСТЬ ПЛАМЕННЫХ ЛЕТ

В сельскую школу ворвались фашисты...
«Директор Рясный... знал уже, что погиб, что ему не выйти из этого класса. Но ни страха, ни сожалений не было в его душе. В последние минуты честно прожитой жизни ему на помощь пришел гнев».

«Ульяна вошла в другой класс — то же, в третий, в
совершенно пусто. Разбитые парты, грязные голые ст

Берлин. 1945 год.
«Молодой солдат оглянулся на груды тлеющих руин и, словно пораженный вдруг громадностью пройденного пути, застыл, как памятник».

четвертый — та же картина. В седьмом классе было
гены».

На днепровском берегу расцвела первая вишня.

стал обыденным в нашей жизни, для художника определенного склада пафос героизма и состоит в его «обыденности»; свою художественную задачу такой художник как раз и видит в изображении «незаметности». Довженко, напротив, ищет типическое в исключительном, по-своему отображая общие закономерности нашей жизни.

Расстрелянные были расстреляны. Мертвые не могут дать свои свидетельские показания против Грибовского. Их были тысячи, десятки тысяч. Довженко, основывая свой эпизод разоблачения Грибовского на случае хотя и реальном, но редчайшем, исключительном, достигает таким путем потрясающей выразительности. Чудом оставшиеся в живых люди подают свой голос на суде от лица тех, которые уже не могут ничего сказать; они незримо присутствуют в зале суда. Довженко заставляет расстрелянных говорить не потому, что в реальной действительности часто имели место такие исключительные случаи, когда люди чудом оставались живыми, выбираясь из-под груды трупов, после того как палачи, сделав свое дело, ушли. Нет. Но художественное видение мира Довженко, поэтика Довженко дают ему право на это чудо изображения, каким в искусстве вообще является метафора. В «Арсенале» — одной из ранних картин Довженко — гайдамаки стреляют в украинского рабочего. Гремят залпы, а он стоит с раскрытой грудью и не падает. И эта метафора, являющаяся заключительным аккордом картины, тоже не воспринимается как фантастическая, потому что утверждает историческую реальность, идею непобедимости, бессмертия рабочего класса.

Вспомним: «...о, тяжело пожатье каменной его десницы...». Не фантастической и не условной предстает пушкинская метафора в «Каменном госте», где статуя командора оживает и является к дону Гуану возмездием истинного чувства против цинизма. Художественное мышление Довженко метафорично. Ему органически присущ повышенный героический тон, который диктуется поэтикой исключительного. Я не считаю это условностью и, напротив, вижу здесь самую суть реалистического художественного мышления.

Мария вернулась из фашистской неволи в родное село. Ее страшит встреча с мужем, потому что она, полонянка, принесла из плена «срам свой и муку — дитя неизвестного отца». И эта встреча с мужем, героем-воином, происходит. Мы присутствуем при их объяснении. «Это был памятник из бронзы. Он принадлежал уже не ей, а всему миру, этот Павел». Бытовой разговор в данном, исключительном положении был бы фальшив, просто невозможен, хотя подобные ситуации, как ни редки они, были, остаются реальными, составляя трагический быт войны. Довженко начинает эту сцену как бытовую. Мария с тревогой спрашивает мать: где ее Павел? С горделивым недоверием узнает молодая женщина, что на войне Павел был в чине капитана. Но когда мать отвечает, что он дома, «целый», не раненый, что он «стоит на площади», ожидает ее, весь разговор приобретает характер трагического каламбура. Подобно тому, как в пушкинском эпизоде с «пожатьем каменной десницы» вскрывается глубинная правда чувства и ни у кого не возникает даже мысли: а возможно ли, чтобы каменное надгробие оживало,— так и весь диалог Марии с бронзовым памятником герою происходит не в **бытовой**, а в **исторической** реальности. Тем острее обнажаются в нем обыкновенные живые чувства обыкновенных живых людей.

Мария обращается к тому Павлу, который «принадлежал уже не ей, а всему миру»:

«— Помоги, скажи мне, как побороть страдание? Каким оружием?

— Трудами.

— Еще чем?

— Других путей не знаю. Их, пожалуй, нет».

Нет других путей, кроме труда на общее благо, труда пусть незаметного, но воодушевленного целью построения коммунизма, героического, но без всякой мысли о геройстве. Труда, готового на любое самопожертвование. В словах Марии не причитания, не древний «плач», а достойный советского человека **современный** ответ на горе.

Жажда труда — самая сильная страсть в этой картине о войне. И первая же сцена, открывающая картину, — сцена заседания Военного трибунала в условиях фронта, когда на голову судей и подсудимого валятся балки и стропила, обрушенные вражеским налетом, окна дрожат от взрывов, падают стены, в зияющие проломы которых врываются яростные крики бойцов и рокот моторов танковой атаки, — эта сцена больше всего ошеломляет тем, что в монологе подсудимого речь идет... о семенах.

«Я часто спал в семенах — во ржи, в просе, в ячмене и горохе на печке. Я люблю запах семян. Я в семенах вырос. И мать меня родила тоже среди семян, в жниве под копной.

— Довольно.

— Но это же очень важно. Я сейчас объясню.

— Вы лучше сразу расскажите о своем преступлении,— сказал второй военюрист.— Как вы убили двух своих товарищей?»

Когда фашисты прорвали фронт и наши войска покидали Украину, комсомолец Иван Орлюк вместе с двумя товарищами из своей части дал клятву отстоять родную землю, в знак чего каждый из них взял по горсти земли. Когда же на другую ночь Орлюк заметил, что те, кто вместе с ним давал клятву, бросили свои узелки с землей и спрятались, чтобы фронт перекатился через них, он схватил автомат и расстрелял трусов и предателей. Военный трибунал судит Орлюка за самочинные действия, ему угрожает расстрел. А он с какой-то блаженной улыбкой при воспоминании о своей сладостной мечте агронома — мечте прославить невиданным урожаем свою землю, с гневными слезами сына земли, от которой осталась теперь лишь завернутая в платочек горстка, радостно встречает приговор трибунала: в штрафную роту. Он может биться за свою родную землю, и он отстоит ее: военный суд предоставил ему это высшее право человека и гражданина. Председатель суда обращается к подсудимому.

«— А про семена вы очень хорошо говорили,— сказал Величко, следя за уходящими вражескими бомбардировщиками.— И я верю, что рано или поздно, но вы, Орлюк, еще будете сеять над Днепром эти семена... Запомните мои слова.

— Так вы за семена не обиделись?

— За семена нет.

— Я так люблю сеять! — вздохнул Орлюк, стараясь все время забыть, что он подсудимый.— Люблю пахать, косить, молотить. Но больше всего люблю сеять, сажать, выращивать, чтоб произрастало. Тогда я сторукий, и рука у меня, товарищи судьи, ну такая легкая, нигде так не родило, как там, где я. Медаль получил на выставке».

А во время этой мирной беседы продолжают низвергаться на головы судей и подсудимого какие-то куски штукатурки и кирпичей, от которых они стараются укрыться в относительно безопасном месте, среди развалин когда-то хорошего здания.

Греза о цветущей земле и составляет самый сильный контраст по отношению к той неприглядной обстановке, в которой протекает беседа, обстановке, которая была бы вполне подходящей для одного из кругов дантова ада.

Возможен ли такой разговор между судьей и подсудимым «в предлагаемых обстоятельствах»? Правдоподобен ли он?

«Правдоподобие все еще полагается главным условием и основанием драматического искусства. Что если докажут нам, что самая сущность драматического искусства именно исключает правдоподобие?» — задавал вопрос Пушкин. Поэтика исключительного в искусстве Довженко представляет доказательства большой силы в пользу пушкинской гипотезы о сущности драматического искусства: оно исключает **внешнее** правдоподобие, а требование истины страстей расширяет до охвата исторических обстоятельств.

2

Киноповесть Довженко, написанная в последние годы войны, увидит наконец свет экрана. Особенный свет экрана широкого формата. Под стать своей широкой эпической форме.

Техника широкоформатного экрана, как бы окружающего зрителя и ставящего его в центр развертывающихся перед ним картин и действий, можно сказать, была предвосхищена художественными требованиями стиля Довженко, стиля художника-монументалиста. Я не сумею объяснить читателю, в чем состоит особенность этой новой кинематографической техники. Думаю, что и специалист этого дела, изложив суть его в соответствующих терминах и даже общепонятных выражениях, не очень здесь помог бы: это нужно видеть. Огромное значение в решении общих планов военных сцен, например, танковой атаки генерала Глазунова, имело то, что съемка производилась с наиболее удобной точки — с самолета. Уже пятые сутки гремит битва. Против вражеского вала танков и автоматчиков взаимодействуют наша артиллерия и танки, взаимодействует воля многих наших людей. Художественное значение работы операторов Ф. Проворова и А. Темерина в воссоздании картины битвы можно сравнить с тем, как если бы поэт чудесным образом удвоил свой словарь. Зритель вместе с объективом киноаппарата находится над схваткой и с этого движущегося наблюдательного пункта получает возможность охватить весь театр военных действий — страшный театр без актеров и без зрителей, в котором участники играют не на жизнь, а на смерть. И то, что битва предстает во всей своей грозной пластике целого, с выделением каждой отдельной человеческой судьбы, каждой детали, вплоть до почернелых от дыма и просветленных боевой страстью лиц, вытекает из воздействия поэтики Довженко на искусство оператора.

Или вот другая цепь боевых эпизодов — форсирование Днепра. Как пахнет свежераспиленным деревом в этом вековом лесу, как весел скрежет пил, полосующих мачтовые сосны на доски, как ладно и споро кипит работа, как милы сердцу и как тешат глаз мускулистые руки и торсы молодых сильных ребят, как сладко волнует этот миг труда, дающий зрителю отдых после картин ненасытного разрушения! Так и кажется, что после этого будут показаны новые, только что срубленные избы. Но вслед за тем зритель видит, как из напиленных досок и выструганных бревен крепятся плоты, понтоны и тысячи всевозможных средств переправы: баркасов, челнов-душегубок, бочек — одним словом, всего деревянного, что легче воды и за что только может ухватиться человек, чтоб не утонуть и — если не срежет его вражеская пуля, или осколок мины, или снаряда — добраться до правого берега Днепра, пока не укрепились, не пришли в себя немцы, разбитые в левобережных боях... Да, чуден Днепр в этой пламенной повести об Отечественной войне, — всюду наши бойцы на самой быстрине. Страшен Днепр на той ширине, куда, по выражению Гоголя, редкая птица долетит, а теперь долетает шквал вражеского огня; и вот уже мы не видим людей, а только одни средства переправы...

Наше искусство кино не осмеливалось до этой картины воссоздать размах современного сражения в минувшей великой войне. Какая же это была трудная задача — повторить действительность, да, именно повторить ее в исторической неповторимости. И как славно потрудились молодые сол-

---

«Иван и Ульяна остановились на холме...
— Какая красота!
— О чем ты думаешь, скажи?..
— Ведь мы, по существу, отстояли все прошлые столетия... Ты счастлива? Да? Я счастлив тем, что не стал злым, что буду жить без ненависти и страха, что понял свое место на земле».

Над Днепром.

«Стой, человек! Вот твой мир, вечный и прекрасный, и ты в нем живешь короткий свой миг... Радуйся, добрый. Отдохни от повседневного, обыденного, мелкого. Смотри».

«Вышли в поле сеятели. Необычен был сев над Днепром весной сорок четвертого...
Нет! Не прекратится бытие, лучшая из планет наша Родина-Мать-Земля!»

Фото Ф. Проворова и А. Темерина.

даты, бывшие еще малыми ребятами в дни Отечественной войны, а теперь сыгравшие роли своих отцов! Они выступили в этой картине в роли творцов — исполнителей массового военно-исторического действа. Все это быль. Все здесь дышит духом истории. Все здесь верно и точно. За все ручается опыт и знание большого военного авторитета, искреннего друга и щедрого советчика съемочного коллектива генерала армии М. Попова.

Военные эпизоды принадлежат к числу самых крупных художественных удач этой картины. Умение сочетать монументальность с лиризмом — одна из характерных особенностей стиля Довженко, кинорежиссера и писателя. Когда, сидя в гнезде наводчика, Иван Орлюк исступленно кричит: «Огонь на меня!» — и добивается-таки, что его услышали: шквал нашей артиллерии обрушился на вражеские танки и на Орлюка, — мы вместе с ним переживаем упоение боем и восторг успеха, причем ад танковой и артиллерийской атаки не поглощает человечности этой радости. Стальные чудовища танков кажутся пришедшими на поле современного сражения из какой-нибудь мезозойской эры. И вдруг необыкновенная тишь, спокойная полая вода, в которой отражаются невиданной и, тут уж нужно сказать, довженковской красоты затопленные деревья, удлиненные продолжением их в воде, и ветви, полные необыкновенно нежных и буйных соцветий. Весна. По реке плывет старинная ладья, и на ней в чистой украинской рубахе Иван Орлюк. К Ивану бегут отец, мать, сестры, его любимая, Ульяна. Покой и тишина. Благостный мир и труд на вольной, цветущей земле. «Но там же война, где ты был? — спрашивает мать.— Горит?» «Горит. И видно, мамо, на сто лет вперед», — отвечает сын.

Таков пламень этой священной войны. Он жжет, испепеляет опасных выродков и мрачных нетопырей старого мира. И он же освещает далеко путь человечеству. Во все стороны света на сто лет вперед стало видно после нашей победы в этой великой войне, где мы, советские люди, как Иван Орлюк, приняли огонь на себя и вызволили людство-человечество от страшной тени средневековья, нависшей над миром в образе изуверского фашизма.

Только режиссер-художник, глубоко впитавший эстетические традиции автора «Звенигоры» и «Земли», мог так развить их в данном эпизоде и представить нам хотя бы один миг счастья, во имя которого ведут тяжелую борьбу советские люди во главе всех свободолюбивых народов мира.

Вместе с заслуженными профессиональными актерами образы Довженко воплощает в этой картине и молодежь, в том числе люди, впервые выступающие в кино. Среди них первое место и по значению в развитии повествования и по трудности задачи, естественно, принадлежит исполнителю роли Ивана Орлюка Н. Винграновскому. Трудность трактовки этой роли и для режиссера и для исполнителя состояла прежде всего в том, чтобы дать в ней синтез песенно-героического эпоса и конкретно-исторической достоверности. Обыкновенный смертный человек, воля которого жить и творить **мировую** историю — а на меньшее Довженко не согласен,— делается богатырем. В образе, созданном Н. Винграновским, привлекают непосредственность глубокого убеждения, какая-то вдохновенная восторженность молодости, за которой стоят годы борьбы и труда революционных поколений, и полная красоты мужественность. Познакомившись в начале картины с тем, как этот воин, в прошлом сельский агроном, предается лирическим воспоминаниям о семенах в разгар вражеской бомбежки, мы уже готовы верить и дальше этому, так сказать, чудаку, одержимому своей идеей. Принимаем и сцену в госпитале, где Орлюк, тяжело раненный и почти безнадежный, поднимается с койки, требуя от врача операции,— пусть в этой сцене есть элементы театральности, риторики... Вообще песенность, былинность, составляя основную сущность и сильные стороны стиля Довженко, ведут в его творчестве спор с отвлеченной патетикой, не всегда поддержанной поэзией действительности.

Мне кажется, одна из задач режиссера, воплощающего на экране литературное наследие Довженко,— продолжить эту творческую тенденцию.

Одну из главных ролей в «Повести пламенных лет», генерала Глазунова, ведет Б. Андреев. Он руководит военным советом перед форсированием Днепра, он направляет Орлюка во главе группы разведчиков на секретное задание, приказывая ему вернуться живым, он неожиданно предстает заведующим загсом, проводя церемонию регистрации брака Ивана Орлюка и Ульяны и участвуя в создании форм новой «обрядности», тем более необычной, что сама церемония эта происходит в прифронтовой обстановке. Любимый народом актер создает образ умудренного опытом советского военачальника, чей авторитет зиждется не только на полном и глубоком понимании обстановки, но и на глубоком понимании психологии людей в деле жизни и смерти, на той человечности, которая присуща нашим людям тем в большей степени, чем большая ответственность за других лежит на них. И все это есть в образе, созданном Борисом Андреевым. Правда, может быть, несколько не хватает ему черточек юмора, который так присущ стилю Довженко, делая многосторонними, объемными самые трагические положения. Юмор помогает полнее ощутить то, что Леонид Соболев называет **естественностью героизма** наших людей.

Неожиданное превращение генерала Глазунова в заведующего загсом, проводящего в черном штатском костюме церемонию оформления гражданского брака, в первый момент вызывает недоверчивую улыбку. Не сразу принимается подчеркнутое благолепие обряда «на новый лад», где вместо церковной службы встречает молодых могучая песня Отечественной войны: «Пусть ярость благородная вскипает, как волна...» Едва ли подобная «самодеятельность» могла занимать время и внимание штаба армии и командующего, да еще в момент, когда разрабатывался план дальнейшего наступления. Однако поэтика Довженко делает возможным и этот эпизод, маловероятный в реальных условиях военного быта, но глубоко реальный для всей **философии картины.** В своей дипломатической торжественности Борис Андреев вполне уместен в этом эпизоде. Но жаль, что и здесь не хватает шутки, которая так идет к бытовым эпизодам в стиле Довженко. У него ведь бытовая деталь не этнографична, не просто штрих в картине нравов, а, как в малой капле, отражает в себе народную философию, народную мудрость по принципу и смех и грех... Запоминается маленькая сценка, где в родную хату возвращается с войны сын-инвалид. Радость и горе в репликах отца и матери перемешаны. Ирония выступает здесь в самом благородном своем значении — средства прикрыть боль, чтоб не стать в тягость людям. Поспорив с сыном по поводу его инвалидности (у него нет одной ноги), отец говорит:

«...У всякого своя беда. Так что поблагодари еще судьбу да кульгай себе деликатно, не пьянствуй, не кричи и воздерживайся от сочинительства. Почему? Потому что от ранения до брехни — раз плюнуть, по себе знаю. А балакать начнешь лет через десять, как оно там уже было, не было. И будет тебе уважение и почтение... Конечно, горе, что тут говорить!

Мать. Какое горе? Живой вернулся. Счастье!

Отец. Молчи уж со своим счастьем. Счастье, счастье! Отечество чуть не погибло, надо же кровь проливать!»

Мать стоит у печи, отец сидит на кровати, составляющей едва ли не единственную мебель в этой хате, кроме табуретки, на которую усажен безногий. Стены хаты продырявлены вражескими снарядами, так что вся она просвечивает. И такие лица у всех трех участников этой сцены, такие лица, что не забудешь вовек!

Юлия Солнцева пожертвовала отдельными эпизодами в сценарии Довженко, которые могли бы перегрузить картину, и поступила разумно с точки зрения художественной экономии, ибо вся картина, в том числе и в своих военных сценах, светится высоким гуманизмом, который усиливается замечательным дикторским текстом. Довженко, мастер ораторского публицистического слова, с таким блеском развернувшийся в Отечественную войну, предстает в сильном исполнении Сергея Бондарчука. Голос чтеца, как будто чуть глуховатый, грустный, полный глубокого сочувствия к страдающим людям и удивления перед величием их духа, доносит до нас как бы внутренний монолог автора.

3

Среди художественных удач в работе Юлии Солнцевой нельзя не упомянуть эпизода со школой, которую попытался защитить от разгрома фашистских оккупантов учитель Рясный. Роль его с глубоким проникновением в замысел Довженко исполняет С. Лукьянов. Удивительное лицо у этого учителя! Кажется, именно его видел перед собой В. И. Ленин, когда говорил о том, что надо поставить у нас народного учителя на такую высоту, на которой он никогда не мог стоять в пору господства буржуазии. Когда эта чистая, пылкая душа советского патриота вознегодовала на насильника-интервента, то уже все последующее бесстрашное поведение учителя есть лишь проявление естественного героизма. Повторим эти слова, потому что они как нельзя лучше объясняют действия наших людей в этой картине.

«Повесть пламенных лет» — «Повесть временных лет». Довженко назвал свое произведение вслед за Нестором-летописцем: «Се повести времяньных лет, откуда есть пошла Русская земля...» В украинской советской поэзии образы далеких минувших лет вдохновляют многих поэтов-современников. Вспомним хотя бы замечательные «Слово про матир ридну» Максима Рыльского, «Плач Ярославны» Павло Тычины. Довженко творил свою «Повесть» в этой национальной традиции. Ульяна, дочь Василия Рясного, дает урок истории, когда в класс входит немецкий офицер Шредер в сопровождении Грибовского. Она рассказывает детям о киевском князе Святославе, о его благородном девизе русского витязя «не посрамим земли русской...». Этот урок древней истории оказывается опасно современным для фашистских захватчиков. Уже после изгнания их с Украины Ульяна видит во сне Святослава. «Разве может присниться человек человеку через тысячу лет?» — шепчет Ульяна. «На этом месте, да, — сказал Святослав. — Вон там стояли мои челны».

История — великое прошлое Родины — вплотную придвинулась к нам в дни Великой Отечественной войны. Национальная гордость советского человека углубилась живым ощущением величия образов прошлого.

Повесть Довженко — это повесть о человеке-жизнестроителе в ту эпоху, когда впервые открылась реальная возможность исключить навсегда войну из жизни общества. Только труд является залогом безопасности родной земли. Как сказал поэт:

И новые пчелы
несут свой мед,
и новые змеи
копят свой яд,
но знает Земля,
что свое возьмет
над счетом горечей
и утрат.
Над синевой углубленных рек,
над глубиной плодоносных руд
настанет он,
непреложный век,
где будет
сладок
и пот и труд!

«Повесть пламенных лет» в постановке Юлии Солнцевой с отдельными ее недостатками и с теми мнимыми недостатками, которые будут находить в ней противники стиля Довженко,— большой и бесспорный успех нашего искусства кино и художественной литературы. Мы слышим живой голос ушедшего от нас поэта...

В течение многих лет Юлия Солнцева была бессменной помощницей Довженко. Огромной школой для нее стало творческое — изо дня в день — общение с таким взыскательным художником, каким был ее друг. Когда падает командир, знамя подхватывает ближайший к нему боец. В какое-то одно мгновение он вырастает в командира. Нечто подобное случилось и с режиссером-постановщиком данной картины.

Откуда пошла эта художественная победа? Да все оттуда же — от глубокой преданности идее, как и у тех людей, которым посвящена «Повесть пламенных лет».

СТАРУШКА ВИК У ДРУЗЕЙ

А. СОЛОДОВНИКОВ

Наше знакомство началось уже давно, в Лондоне, около трех лет назад. Теплым майским вечером 1958 года группа мхатовцев, свободных от гастрольного спектакля, перешла мост Ватерлоо и оказалась перед невысоким зданием.

Над его подъездом коротко стояло «Олд Вик».

Королевский театр Виктории, получивший это название в 1833 году, был переименован в дальнейшем в «Олд Вик» — «Старушка Вик». Лондонцам, склонным к юмору, «Олд Вик» нравилось больше: некоторая фамильярность такого названия выражала вместе с тем теплоту и дружеское расположение...

Впервые мы переступаем порог знаменитого театра, вошедшего во все театральные учебники и справочники.

Идет «Гамлет». Минимум декораций. Стремительный ритм действия. Блестящая техника речи и движения. Виртуозно поставленные поединки на рапирах. Да, у этого театра нам, москвичам, есть чему поучиться!

После спектакля тут же — на сцене — теплый прием в честь мхатовцев. Вот Гамлет — Джон Невил — совсем рядом. Сухой, подтянутый, с хорошим профилем, точеной, легкой фигурой. В знак творческой признательности просим Невила принять «чайку» — наш мхатовский значок. Гамлет взволнован. На глазах блеснула нежданная слеза. Он порывисто обнимает нас, закрепляя начало дружбы крепким рукопожатием.

Вскоре «чайка» поблескивает уже на груди Королевы, Офелии, Полония... Король куда-то срочно уехал, кажется, на киносъемки. Просим передать «чайку» и ему. Друзья Короля шутят: это высший орден, на который он мог надеяться.

Английские коллеги интересуются, как идут спектакли МХАТа в Лондоне.

— Реакция зала почти как в Москве. Очевидно, многие понимают русский язык,— отвечает Ю. Кольцов, сыгравший накануне профессора Полежаева в «Беспокойной старости».

— Это высокая честь для англичан — быть похожими на советских зрителей,— любезно говорят наши хозяева.

В последующие дни мы посмотрели все, что шло на сцене «Олд Вик». Особенное впечатление оставил шекспировский «Генрих VIII» с участием таких звезд английского театра, как Эдит Эванс и Джон Гилгуд. И каждый раз теплые встречи, беседы — начало хорошей дружбы. Много интересного рассказывал нам Майкл Бентал — постановщик шекспировских спектаклей.

* * *

И вот «Олд Вик» в Москве, на сцене филиала МХАТа, под сенью уже знакомой им «чайки».

Канун открытия гастролей. Темный, почти пустой зрительный зал. Руководитель гастролей Майкл Бентал, главный режиссер театра и создатель спектакля «Макбет», сидит в глубине зала, но все его существо на сцене.

Репетиция «Макбета» идет отлично. Все собранны, сосредоточенны.

— Жаль, пустой зал,— обращаюсь я к мистеру Банталу.— Вы вполне могли пустить публику уже сегодня.

Он поднимает лицо от столика, на котором страницы с беглыми записями.

— Мы не думали, что ваши люди так быстро освоят наш спектакль, так хорошо помогут в монтировке декораций. Для них нет ничего слишком сложного...

Репетиция идет к концу. Пол Роджерс — Макбет, Барбара Джеффорд — леди Макбет, все их партнеры показывают отточенное мастерство «Олд Вик». Мы предсказываем Майклу Бенталу большой успех «Макбета».

Главный режиссер говорит о творческом волнении, которое испытывает вся труппа перед встречей с москвичами.

— Мы очень довольны вашей помощью,— повторяет он,— но не совсем довольны собой.

И наутро в день премьеры неугомонный Бентал вновь назначает репетицию. Уточняются мизансцены, еще раз проверяется свет. Вечером московская публика встречает финал «Макбета» дружной овацией.

* * *

Через час после премьеры «Макбета» мы встречаемся с нашими друзьями на приеме в английском посольстве. Пол Роджерс, который совсем недавно на сцене был измученным совестью, загнанным в тупик, умирающим Макбетом, стоит перед нами свежий, молодой, улыбающийся.

— Да вам все как с гуся вода! — замечают ему. — Спектакль хоть сейчас можно начинать снова, судя по вашему виду.

— Нет, сегодня хватит. Завтра — пожалуйста, играем два спектакля — утром и вечером,— говорит артист.

— А не трудно?

— В Лондоне труднее. Там разрыв между утренником и вечерним спектаклем всего полтора часа. Здесь — целых четыре.

— Я училась у русских,— вступает в разговор артистка Валери Тейлор.— В молодости играла Нину Заречную в «Чайке», а после — Наталью Петровну из «Месяца в деревне». Это хорошая школа. После Нины ни одна роль не казалась мне слишком трудной.

Мы спрашивали у английских друзей, что им особенно понравилось в Москве. «Понравились люди: живут весело, любят шутку». Удивило наших гостей довольно широкое знание английского языка. На премьере «Святой Иоанны» зал воспринимал остроумные словесные обороты Шоу так, как будто спектакль игрался по-русски.

* * *

Гастроли шли к концу. Мхатовцев и сотрудников «Олд Вик» все чаще можно было увидеть за кулисами в дружеской беседе.

Сцена из спектакля «Макбет». Леди Макбет — Барбара Джеффорд. Макбет — Пол Роджерс.

Фото А. Гладштейна.

— Ощущение такое,— говорит режиссер Оливер Невил,— что мы работаем здесь уже несколько месяцев. Быстро привыкли.

— Грустно уезжать,— замечает машинист сцены Альфред Глисон.

— А нам грустно расставаться,— отвечает машинист МХАТа Леонид Попов.

Мы искренне полюбили английских коллег, их творческую честность и взыскательность, их трудолюбие.

...Из Москвы «Олд Вик» направился в Ленинград, а оттуда — в народную Польшу.

— Встречи с людьми, строящими новую жизнь, укрепили наше желание быть с ними в мире и дружбе,— говорят актеры старейшего английского театра.

ПРЕКРАСНЫЙ МЕЧТАТЕЛЬ

В самом центре Курска, в нескольких минутах ходьбы от Красной площади, высится огромная башня с трехлопастным пропеллером на вершине. Зачем тут ветряк, в центре огромного промышленного города, где энергия ветряка — буквально капля в море?

Под ветряком стоит маленький, в три оконца, домик. На домике мемориальная доска. В домике — музей. Когда просмотришь экспозицию музея, а затем снова взглянешь на ветряк, согласишься, что для жителей Курска сороканадцатиметровая башня с пропеллером значит не меньше, чем Эйфелева башня для парижан. Уж больно удивительным человеком был создатель курского ветряка, родившийся 80 лет назад и живший в этом маленьком доме.

Его звали Анатолием Уфимцевым. Максим Горький писал о нем так: «Уфимцев, поэт в области научной техники, юноша, обладавший несомненным талантом изобретателя... я знал, что это юноша из ряда тех прекрасных мечтателей, которые, — очарованы своей верой и любовью, — идут разными путями к одной и той же цели — к возбуждению в народе своем разумной энергии, творящей добро и красоту». Когда Горький уже в 1928 году приезжал в Курск, чтобы вновь повидаться с Уфимцевым, он в том самом саду, где теперь вращается ветряк, беседовал с местными писателями и говорил им, показывая на Уфимцева: «О нем надо писать, о его работе — жизнь у него удивительная».

За этой удивительной жизнью Горький следил с тех пор, когда два ученика Курского реального училища взорвали в киоте «плачущей чудотворной» иконы Знаменского монастыря адскую машину. Изобретатель этой бомбы 20-летний Уфимцев был посажен в Петропавловскую крепость, а затем выслан в Акмолинск. До этого, еще мальчишкой, Уфимцев успел изобрести, построить и передать курским подпольщикам «электрическое перо» и скоропечатную ротационную машину для размножения листовок. Горький послал Уфимцеву в Акмолинск набор инструментов и деньги, чтобы изобретатель мог работать и в тех краях.

...Несколько способов цветной фотографии. Оригинальный бесклапанный керосиновый двигатель. Граммофонная мембрана. Световой граммофон. Кондуктор для токарного станка. Не только изобретение, но и массовое изготовление керосиновых и нефтекалильных фонарей восьми видов — ими освещались улицы Севастополя, Курска и других городов. Оригинальный авиационный, так называемый биротативный двигатель, кстати, задуманный еще в Петропавловской крепости. Ртутное параболическое стекло для телескопов. Авиационный двигатель, удостоенный по предложению отца русской авиации Николая Егоровича Жуковского, председателя жюри конкурса на Международной выставке воздухоплавания в Москве, Большой серебряной медали. Строительство интересной машины «Сфероплан». Нефтяной авиадвигатель. Идея поточного метода производства и конвейера. Изготовление во время мировой войны запальных стаканчиков для артиллерийских снарядов и создание станков-полуавтоматов, работавших с успехом долгие годы...

Насколько все это было значительно и серьезно, несмотря на кажущуюся разбросанность увлечений, свидетельствует самый скромный по виду и самый значительный по содержанию экспонат музея — Жуковский подписал удостоверение Уфимцеву в том, что «Анатолий Егорович Уфимцев является совершенно незаменимым изобретателем, исполняющим работы исключительной государственной важности».

Но самый яркий штрих в портрет курского Кулибина все же вписывает и ныне вращающийся трехлопастный ветряк. Поймать ветер и заставить его служить людям — вот что было главной идеей изобретателя.

«В плачущем вое северного ветра, леденящего все живое (недаром, очевидно, Горький назвал изобретателя поэтом!), заколдованно таится особенно много животворной огненной энергии. И вот на закованных стужей полярных пространствах, на берегах и островах Ледовитого океана настроятся тысячи грандиозных теплиц. Такие же теплицы распространятся и в наших широтах, увеличивая летом сельскохозяйственную продукцию, а в лютую зиму позволяя иметь в изобилии свежие, только что сорванные всевозможные фрукты, ягоды и овощи».

О покорении ветров Уфимцев написал большую книгу. И еще создал ветряной двигатель, способный не только, как другие, ловить, но и сохранять энергию даже случайного порывистого ветра благодаря экономичному оригинальному инерционному аккумулятору. Спустя двадцать лет после смерти изобретателя к курскому ветряку все еще ездили ученые.

Куряне влюблены в своего земляка. В мастерских Уфимцева, рядом с ветряком, создана станция юных техников, юных «Уфимцевых». Возможно, именем Уфимцева назвали бы и улицу, где вращается ветряк, но она уже носит имя другого гениального самоучки, жившего в доме напротив, выдающегося астронома XIX века Федора Алексеевича Семенова, составившего таблицы солнечных и лунных затмений с 1840 по 2001 год. Впрочем, название улицы — Семеновская — было дорого и Уфимцеву: ведь Семенов приходился ему родным дедом по матери.

Жители Курска заботливо берегут вечно вращающийся ветряк в центре города — живой памятник их славному земляку.

В. ПОЛЫНИН

А. Г. Уфимцев в мастерской.

ГОСТИ ИЗ АМЕРИКИ

А. УЗЛЯН, А. СЕРБИН

1

Затвор фотоаппарата щелкнул в тот момент, когда человек был погружен в раздумье...

Этот человек — молодой американец, один из семидесяти девяти студентов Корнельского университета США, которые недавно провели десять дней в нашей стране. Американские парни вели себя здесь так, как обычно ведут себя иностранцы: ходили в музеи и театры, разговаривали на улицах с незнакомыми людьми, покупали в магазинах на память традиционные балалайки и пластинки с записью симфоний Шостаковича, ездили в гости к советским студентам и рабочим. И, конечно, думали над всем, что им приходилось видеть.

Это было естественно. Каждый из них в первый раз в жизни видел Советскую страну. И поездка сюда для них была поездкой почти в неведомое. Не то чтобы они совсем ничего не знали о нашей стране. В тоненькой книжке-справочнике, изданной специально для участников поездки, аккуратно и точно перечислялось все, что стоило посмотреть в Москве и Ленинграде. В списке не были забыты даже ГУМ и ресторан «Арагви». А рядом давался совет «держать всякие личные бумаги запертыми в чемодане, отдавая себе отчет в том, что и это не гарантирует безопасности на сто процентов». Может быть, именно с сопоставления этих глупых строк в справочнике с действительностью и начало меняться прежнее представление об СССР у молодых американцев. Во всяком случае, когда мы поинтересовались у студента колледжа экономики Тома Уайта, симпатичного паренька с короткой прической и по-мальчишечьи оттопыренными ушами, случилось ли с ним что-либо похожее на написанное в справочнике, он признался:

— Нет. Я не встречал раньше таких честных людей, как здесь.

2

— Есть ли на фабрике профсоюз? — спросил один из заморских гостей на фабрике музыкальных инструментов в Ленинграде, где был сделан этот снимок.

Это был не единственный наивный вопрос, который приходилось слышать от американцев. К чести гостей, надо сказать, что к концу поездки они говорили о таких представлениях, как о «предрассудках». Именно это слово употребили в беседе с нами Джеймс Мур, Дэвид Райдер, Чарльз Фиддлер и другие, кто принимал в ней участие. Во время этой беседы они сказали:

— Мы увидели здесь, что ваш народ поддерживает вашу систему.

— А раньше вы думали по-другому?

Американцы немного помялись:

— Ну, во всяком случае, думали не до такой степени.

3—4

Блокноты в руках американцев мы видели часто. Интерес к нашей стране проявлялся очень отчетливо. В свою очередь, гости обнаружили, что этот интерес носит взаимный характер.

5—6

Стивен Сэкс, один из наших новых знакомых, который вовсе не был склонен восхищаться всем, что он видел (по его словам, ему здесь «многое понравилось и многое не понравилось»), говорил:

— Можете быть уверенными: я расскажу правду о том, что я здесь видел. Во всяком случае, я не буду говорить, что у вас по улицам ходят мрачные полицейские, что запуганные люди боятся говорить с иностранцами и что нас только возили в автобусах и никуда не разрешали выходить.

Фотографии, которые мы печатаем, — свидетельство этому.

7

Американский архитектор, правда, пока еще будущий, знакомится со строительством новых домов в СССР. Кейт Маклаулин делает это обстоятельно, с помощью собственной рулетки и с точностью до миллиметра...

8

...Идет фильм «Подвиг Ленинграда».

На экране — правдивый рассказ о суровых военных днях. После картины американцы вышли задумчивые и молчаливые.

9

Все студенты, которые посетили нашу страну, были участниками хора Корнельского уни-

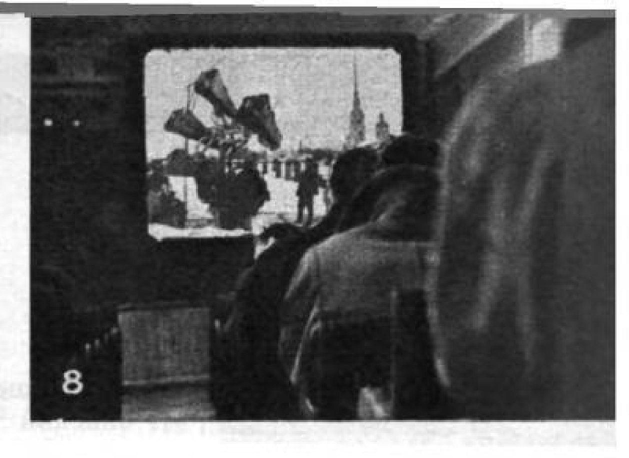

верситета, славящегося среди университетских хоров США. Они дали несколько концертов. Хор у них был действительно хорош. На одном из концертов в рабочем клубе Ленинграда, где каждую песню американских гостей зал награждал бурными аплодисментами, со сцены раздалось знакомое:

...Ничего нет на свете красивей,
Ничего нету в мире светлей,
Нашей матери, гордой России...

Гром, настоящий гром оваций разразился в ответ. Зал встал. И на лицах американцев стали появляться улыбки. Сначала чуть смущенные, улыбки становились все заметней, все шире. И потом со сцены к зрителям, в свою очередь, полетели аплодисменты. Так продолжалось минута, две, пять...

Пусть же не забудут американские студенты этих минут! В них было так много: и благодарность этим молодым ребятам за уважение к советской земле, и добрые чувства к народу Америки, и протянутая от чистого сердца рука.

10

— Вот так мы ехали сюда,— рассказывал Том Уайт ученикам ленинградской школы-интерната и показывал путь на карте.

Путь действительно был нелегким. И не только из-за расстояния. Один из гостей, Генри Стрит, сказал нам:

— Мои родители не хотели, чтобы я ехал.

— Почему же?

— Они боялись, что я подвергнусь вашему влиянию.

Папа и мама Генри могут быть спокойны: их сын не вернулся в США коммунистом. Но Генри Стрит и другие американцы увезли с собой отсюда новое представление о нашей стране, память о дружелюбии советских людей, уверенность в том, что контакты между нашими народами, подобные их визиту,— хорошее дело и что США и СССР надо жить в мире.

11

На крейсере «Аврора».

12

Модель спутника — на память о встречах с ленинградской молодежью. Всюду, куда приезжали гости, для них находилась дружеская улыбка, крепкое рукопожатие, подарок.

— Иногда хочется кричать, когда видишь, что существует неприязнь между нашими странами, — говорил нам Чарльз Фиддлер.

Что ж, мы тоже за то, чтобы так не было. И это можно исправить. Ведь и вам, наши новые американские знакомые, известны слова «мирное сосуществование». Руководитель вашего хора профессор Томас Сокол перед микрофоном ленинградского радио сказал: «В Америке произойдут большие изменения». Сейчас, когда у руля государственной политики США встали новые люди, можно выразить надежду, что удастся добиться коренного улучшения в советско-американских отношениях. Совместными усилиями, шаг за шагом можно устранить существующие подозрительность и недоверие, взрастить семена дружбы и делового сотрудничества между нашими народами.

В тайге

Геннадий СНЕГИРЕВ

Рисунки В. ВАТАГИНА.

Раньше, когда я бродил по Тувинской тайге, я очень мало встречал зверей. Они меня видели, а я их нет.

Старик Мендуме учил меня ходить так, чтоб веточки под ногой не ломались и чтобы все видеть.

Я нашел старый пень. На нем сидели белые бабочки и разные жуки. Я подумал, они просто на солнышке греются, но Мендуме сказал, что пень этот хотя и давно умер, но корни еще живые. Они сосут воду из земли. Поэтому сверху пень всегда мокрый. Бабочки и жуки знают это и прилетают сюда на водопой.

На одном дереве кора была содрана, как будто чиркнули палкой. Я бы мимо прошел, но Мендуме остановился и стал рассматривать.

Оказывается, лось задел дерево рогом. Мендуме измерил, сколько от этой царапины до земли, и сказал, что лось был молодой, он невысоко оцарапал.

Еще я узнал, что перед непогодой муравьи прячутся в муравейнике и сидят там, ждут дождя, а все входы-выходы закрывают палочками и листиками.

Да и птицы перед бурей летят быстрее, хотя небо еще чистое. Но главное, я стал внимательно смотреть вокруг, и у меня словно глаза открылись.

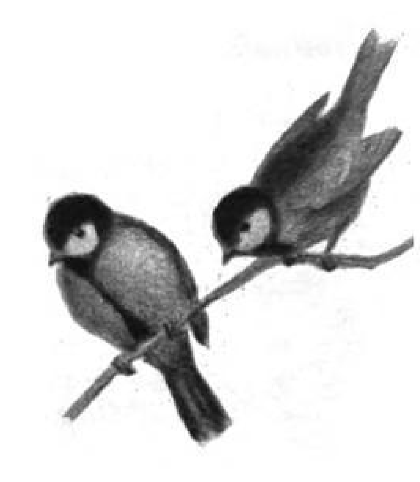
Если замечу букашку под листком, знаю: она не просто так сидит, что-нибудь ей там надо.

Глядишь, она этот листок сворачивает в трубочку. В трубочке положит яичко и заклеит слюной.

Я и старик Мендуме жили в чуме из красной коры лиственницы.

Звери часто приходили из тайги посмотреть на чум, понюхать дым от костра.

Хорошо, если ежик придет или бабочка прилетит. А однажды какой-то зверь всю ночь в кустах сопел и вздыхал от любопытства, а сам не показывался. Только верхушки кустов шевелились. Поближе подойдешь — замирает. Отойдешь — снова шуршит. Так мы и не узнали, что за зверь.

Вот синицы, те совсем не боятся. Стайкой налетят вместе с ветром и по чуму лазают. Поклюют жучков в коре и дальше улетают, за озеро. Кузнечики тоже храбрые, усядутся на чум и стрекочут весь день на солнышке.

Но самые любопытные звери были бурундуки. Они жили за чумом в кедрах.

Один бурундук спустился с кедра, лапки на животе сложил и сел перед чумом. Сидел-сидел, потом подошел и заглянул в чум. Мендуме курил трубку, а бурундук замер, смотрит, как трубка дымит. Бурундук думает, если Мендуме не шевелится, значит, он неживой. Забрался бурундук в чум и стал ружье обнюхивать. Потом кружку обнюхал и нашел кусок хлеба. Попробовал, погрыз — не понравилось. Бурундук все осмотрел и залез Мендуме на плечо, поближе к трубке.

Сидит на плече, смотрит на дым, а Мендуме глаза скосил и смотрит на бурундука.

Долго так сидели, пока Мендуме не выдержал и засмеялся.

Бурундук завизжал, скатился с плеча и метнулся из чума на верхушку кедра. Сидит и бормочет, на Мендуме злится. Долго бормотал, никак не мог успокоиться.

Осень пришла в тайгу. Солнце светило еще ярко, но звери уже готовились к зиме.

Кедровки, тяжело взмахивая крыльями, летели в горы. На зиму они запасали кедровые орешки в трещинах среди камней и зарывали в землю. Бурундуки набивали орешки за обе щеки и тащили в норки.

Часто далеко от лесов, в горах, я встречал зеленые кедры. Ветер не мог занести орешки так высоко. Это кедровка забыла про свои запасы, вот они и проросли.

Бурундуки молча сидели на верхушках елок и грелись на солнце. Высоко в синем небе кувыркались вóроны. Скоро зима, но солнце еще греет и вóроны кричат по-весеннему нежно.

Александр ЖАРОВ

Оля работает

Поищите Олю нашу.
Где она?.. Сидит в песке,
Суп готовит, варит кашу,
Держит палочку в руке.

Кашу палочкой мешает,
Ложки куклам подает...
Пусть бабуся в это время
На скамейке отдохнет...

Проказник

Серый котик напроказил:
Он в кастрюлю лапой лазил...

Угостился молочком,—
Моет лапу язычком.

Оля это увидала,
Удивилась и сказала:

— Разве ты не знаешь,
киска,
У тебя своя есть миска!

С. МАРШАК

СКАЗКА ПРО КОПЫТА И РОГА

— Скажи, Козел, —
Спросил Осел, —
На что тебе рога?
— Когда я зол, —
Сказал Козел, —
Бодаю я врага!
— А чем же ты, —
Спросил Козел, —
Бодаешься, безрогий?
— Лягаюсь! — вымолвил
Осел, —
Мое оружье —
Ноги!
В ответ Козел
Боднул Осла,
Осел занес копыто.
Но их девчонка разняла
Водою из корыта.
И хоть мала
Она была —
Всего лишь в первом
классе, —
Но хворостиной прогнала
Обоих восвояси.
Осел Козлу
Сказал: — Ага!
Не помогли
Тебе рога!
— Да и тебе
Копыта! —
Сказал Козел
Сердито.

ЧЕРЕСЧУР

Сергей ПОГОРЕЛОВСКИЙ

Раным-рано, спозаранку
На лесную на полянку
Прилетел веселый щур
И чирикнул:
— Че-рес-чур!

А сорока, сев на елку,
Так смекает втихомолку:
«Про меня чирикнул щур;
Что болтлива чересчур».

И пошла трещать сорока:
— Наш медведь-то — лежебока!
Про него чирикнул щур,
Что ленив он чересчур!

Злится мишка (укололи!):
— А другие лучше, что ли?!
А зайчишка-бедокур,
Он труслив не чересчур?!

Тут зайчишка:
— А лисица
Чересчур собой кичится!..
Тут лисица:
— А сова...
(Ну и прочие слова.)

Дальше — больше.
Дальше — пуще.
— Волк, да ты разбойник
сущий!
— Ты, хорек, душитель кур!..

Ох, и шуму —
Чересчур!

Визг и вой...
Грызня и драка...
Далеко зашло, однако!
Знать, не зря веселый щур
Прочирикал:
— Че-рес-чур!..

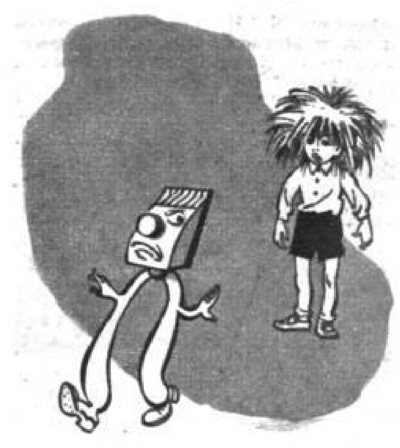
Рисунки Вл. ГАЛЬБА.

ЧТО БУДЕТ, ЕСЛИ...

Птицы вздумают стрелять из рогаток

Будильник захочет поспать

А машинка откажется работать

Рисунки Л. САМОЙЛОВА.

Н. Д. Зелинский на даче в Звенигороде. 1950 год.
Фото Н. Петрова.

Школа ученого и гражданина

К. П. ЛАВРОВСКИЙ,
член-корреспондент Академии наук СССР

В связи со столетием со дня рождения выдающегося химика академика Н. Д. Зелинского наш корреспондент попросил ученика Н. Д. Зелинского — Константина Петровича Лавровского поделиться своими воспоминаниями и рассказать о том, где сегодня трудятся ученики Н. Д. Зелинского.

Мое первое знакомство с Николаем Дмитриевичем было довольно своеобразным. Случилось это почти сорок лет назад в Московском университете на экзамене по органической химии.

Николай Дмитриевич считал день сдачи экзаменов, день проверки знаний студентов большим праздником и хотел, чтобы студенты понимали это и приходили отвечать одетыми по-праздничному, в лучшее, что у них есть. А я в университет пришел после окончания гражданской войны, где был комиссаром кавалерийского полка. Мне шел тогда 21-й год, и я был твердо убежден, что самый праздничный мой костюм — кавалерийская шинель. В ней я и явился на экзамен.

Но ведь профессор меня не знал и, конечно, рассердился.

«Вы ничего не знаете»,— говорит. Однако стал меня спрашивать. Я хорошо подготовился и отвечал без запинки. Профессор поставил мне высшую оценку, но еще раз недовольно буркнул: «Все-таки вы ничего не знаете».

В те годы я работал воспитателем в детском доме беспризорников. Времени всегда не хватало, и частенько приходилось засиживаться допоздна в лаборатории. Моим первым научным трудом в университете был гидролиз белка по методу Зелинского. Работал я в лаборатории профессора Н. И. Гаврилова (сейчас он заведует лабораторией химии белка в МГУ). Как-то я засиделся за опытом, и у меня взорвалась колба. Треск раздался на весь этаж. Вдруг входит Николай Дмитриевич: «Друг мой, что такое?» «Веду гидролиз по методу Зелинского». «Пойдемте разберемся».

С тех пор я начал работать в его кабинете, а спустя некоторое время стал аспирантом Зелинского.

Николай Дмитриевич сразу же с открытой душой пришел к Революции, чтобы отдать народу свои знания, свой огромный талант ученого. Я знал, что Зелинский — создатель универсального противогаза, спасшего тысячи русских солдат в годы империалистической войны, когда немцы применили газы. Знал, что в годы, когда Центральная Россия оказалась в кольце блокады и все источники нефти были отрезаны, Зелинский разработал новый каталитический способ получения бензина из солярового масла, запасы которого имелись на складах морского ведомства. На бензинах, полученных по способу Зелинского, летали самолеты революционной России в самые трудные годы гражданской войны и интервенции.

Я все это знал и относился к своему профессору с глубоким уважением не только как к ученому, но и как к гражданину.

...Часто приходится слышать: «школа Зелинского». Для нас, тех, кто его близко знал, эти два слова вмещают в себя чрезвычайно много.

Для нас это не только школа его метода в органической химии, но и школа глубокой принципиальности ученого, школа новаторства в науке, школа бережного, внимательного и чуткого отношения к людям. Николай Дмитриевич всегда был готов сделать что-нибудь доброе, хорошее, помочь словом, делом, советом.

Наследие Н. Д. Зелинского огромно. Я хочу лишь остановиться на отдельных научных увлечениях Николая Дмитриевича, выросших сейчас в самостоятельные отрасли науки. Широта его интересов поистине была необъятна. Он занимался исследованием белков и углеводородов. Им были сделаны выдающиеся открытия в области способов переработки нефти в продукты высокой химической ценности и синтезирован целый ряд новых веществ. Среди химиков-синтетиков в истории органического синтеза Зелинскому принадлежит одно из первых мест. Я помню, с каким увлечением относился Николай Дмитриевич к исследованию химических реакций при сверхвысоких давлениях. Это он добился организации специальной лаборатории. Он один из первых откликнулся на открытие радия и первым провел реакцию полимеризации под влиянием радиоактивных веществ. Как только были получены сведения о тяжелой воде, он лично сделал доклад об этом интересном веществе в Московском обществе испытателей природы.

За последние годы советская наука сделала колоссальные успехи. И немалый вклад в ее достижения внесли ученики Н. Д. Зелинского.

Президент нашей Академии наук академик Александр Николаевич Несмеянов — ученик Николая Дмитриевича. Он один из создателей современной химии элементоорганических соединений. Среди этих веществ есть и важные лекарственные вещества, и химические средства борьбы с вредителями сельского хозяйства, и катализаторы, ускоряющие получение новых, высокополимерных соединений.

Широкой известностью пользуется искусственное волокно — энант. Оно было получено в Институте элементоорганических соединений Академии наук СССР под руководством академика А. Н. Несмеянова и члена-корреспондента АН СССР Р. Х. Фрейдлиной. В опытных масштабах из этого волокна уже изготовлены прочные, красивые и очень ноские материи, чулки, носки.

Энант с успехом будет использоваться и в промышленности — для производства деталей машин, создания прочного корда для шин автомобилей и еще многих других нужных человеку вещей.

По праву носит имя Зелинского Институт органической химии Академии наук СССР. Здесь работает целая плеяда его учеников: академики Б. А. Казанский и А. А. Баландин, член-корреспондент Н. И. Шуйкин, доктора химических наук А. М. Рубинштейн, Н. Н. Шорыгина, Е. Д. Каверзнева.

В этом институте продолжаются исследования Зелинского по каталитическим превращениям углеводородов.

Дело в том, что многие из этих реакций служат основой для современного так называемого нефтехимического синтеза — переработки компонентов нефти и природного газа в «продукты высшей химической ценности», как любил выражаться Николай Дмитриевич Зелинский. Например, из дивинила и изопрена синтезируются искусственные каучуки, из бензола можно получить и лекарства, и взрывчатые вещества, и пластмассы, и иные высокомолекулярные соединения.

Ученики Николая Дмитриевича работают в разных институтах, в разных концах страны. Во главе Института физики высоких давлений стоит член-корреспондент Академии наук СССР Л. Ф. Верещагин. А далеко от Москвы, в Азербайджане, исследования по технической химии возглавляет Юсуф Гейдарович Мамедалиев — член-корреспондент Академии наук СССР, президент Азербайджанской Академии наук.

Я не могу не рассказать вам еще об одном факте, чрезвычайно характеризующем Николая Дмитриевича.

Произошло это через много лет после окончания мною университета. Я уже давно работал самостоятельно в нефтяном институте и с Зелинским встречался изредка. Неожиданно на меня обрушилась страшная болезнь — туберкулез горла и обоих легких. А тут еще отказали и почки. Спасти меня — и то это было сомнительно — могло лишь дорогое лекарство, которого у нас в стране тогда не было.

Однажды вижу: в палату, запыхавшись, входит Николай Дмитриевич. Я лежал в палате на третьем этаже, а лифта в больнице не было. «Вот вам, друг мой...» — и ставит на тумбочку лекарство. Оказывается, Зелинский просил наркома нефтяной промышленности выписать его для меня из-за границы. И сам поторопился доставить его в больницу, хотя было ему тогда лет восемьдесят пять.

Таков был этот человек... Незадолго до смерти он обратился к ученым всего мира с призывом во что бы то ни стало отстоять мир.

«...Я отдал науке две трети века,— писал Зелинский,— и это дает мне право требовать от моих коллег по труду — советских и зарубежных — прислушаться к голосу старого ученого, хорошо знающего цену миру и войне.

Мы, ученые, не можем оставаться в стороне и безучастно наблюдать, как варвары XX века готовятся зажечь новый всемирный пожар, засыпать города атомными и другими бомбами. ...Как и в Отечественной войне, мы снова боремся за интересы всех народов, населяющих землю, силы наши — материальные и духовные — грандиозны, неисчислимы: мы способны отстоять мир...»

Профессор Н. И. Гаврилов, работавший в Московском университете вместе с Зелинским, готовит к переизданию его труды.

Институт органической химии АН СССР по праву носит имя Зелинского. Тут трудятся многие из его учеников. Директор института академик Б. А. Казанский в лаборатории.

«Вы хорошо потрудились, молодцы!» — говорит академик А. А. Баландин, приняв экзамен по органической химии у студентов МГУ. В этом году они получат дипломы и встанут в ряды химиков — исследователей тайн вещества...

Фото А. Гостева.

З. Шолтес. ЗИМА НА ВЕРХОВИНЕ.

Выставка «Советская Украина»

ОНИ ОСВОБОЖДАЛИ ПРШЕРОВ

Недавно в составе профсоюзной делегации я была в Чехословакии. Там мы познакомились с пожилым чехом Иозефом Кралом, жителем города Пршеров. Крал рассказал: когда советские войска освободили его родной город от немецких захватчиков, то он сделал несколько снимков наших бойцов, пообещав выслать им эти карточки.

Позже адреса были затеряны, и теперь, как говорится, его мучает совесть, что он не смог выполнить обещание. Крал хотел бы знать, живы ли эти солдаты, кто они и где находятся.

На снимке вместе с советскими воинами две дочери Иозефа Крала: Власта и Ирэн.

И. АХЛЫНОВА

Мурманск.

Селу Землянки — 250 лет

Недалеко от города Макеевки расположены Землянки. Интересна история этого села. До нас дошли рассказы стариков, что в начале XVIII века на этом месте рос дубовый лес и было небольшое озеро. Первыми поселенцами были крепостные крестьяне Черниговской губернии Гордиенко, Авраменко, Лавский, Бербенец и другие. Тяжелый труд на помещиков вынудил их покинуть родные края, искать лучшую долю. На новом месте крестьяне рыли землянки. Так возникло 250 лет тому назад село Землянки.

Сейчас здесь более 1 800 домов. Большинство жителей работает в совхозе, часть — на транспорте.

Землянки — красивое, благоустроенное село, летом утопает в зелени садов и виноградников. Есть начальная и средняя школа, четыре магазина, библиотека.

Землянчане имеют более ста мотоциклов, четыреста телевизоров, а радиоприемники и велосипеды чуть ли не в каждой семье.

Многие учатся в вечерней школе рабочей молодежи, техникумах и институтах. Многие жители стали инженерами, врачами, учителями, агрономами, офицерами Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Так живут правнуки первых поселенцев Землянок.

П. КИСЕЛЕВ,
диспетчер Макеевского коксохимического завода, уроженец села Землянки.

В. Игошев.
ДЕВУШКА С ПИСЬМОМ.
Выставка «Советская Россия»

ИРКУТСК ГОВОРИТ С ЛИОНОМ

Над новым зданием Иркутской ГЭС, что возвышается на широкой плотине, перекрывшей укрощенную Ангару, скоро засверкает большая красная звезда. Она устанавливается в ознаменование памятного события: гидроэлектростанции присвоено звание предприятия коммунистического труда. А на фасаде — высеченные в бронзе имена семидесяти лучших строителей, тех, кто в трудных условиях создавал крупнейшую в Сибири ГЭС — Иркутскую.

Одна фамилия особенно заинтересовала нас: «Москаленко А. И.». Знакомое имя! Подвиг строителей Иркутской ГЭС описан в талантливой повести молодого писателя Анатолия Кузнецова «Продолжение легенды». По пути в Иркутск мы вновь перечитывали эту книгу и представили себе маленькую, хрупкую женщину, бригадира бетонщиков Анну Москаленко. Люди этой бригады, их радости и невзгоды, вдохновенный труд — в центре внимания повести.

Но, может быть, это — случайное совпадение и А. И. Москаленко, чье имя запечатлено навечно на доске почета строителей, не имеет ничего общего с героиней повести? Наши сомнения разрешила сама Анна Ивановна Москаленко, которую мы разыскали на бетонном заводе.

— Я хорошо знаю писателя Анатолия Кузнецова,— рассказала она нам.— Все лето он работал в моей бригаде рядовым бетонщиком. Потом написал о нас вот эту книгу...

Москаленко показала нам экземпляр «Продолжения легенды» с теплой авторской надписью: «Дорогому моему бригадиру...» Затем улыбка сбежала с ее лица. Речь зашла о процессе, возбужденном против издательства лионского архиепископата, опубликовавшего искаженный, клеветнический перевод этой книги. Злобный пасквиль на молодых покорителей Сибири состряпал «святой отец» Поль Шалейль — агент Ватикана, в свое время осужденный советским судом.

— Ну и подлецы! — продолжала волноваться Анна Москаленко.— А еще именем бога прикрываются... Жаль, что не могу высказать им все это лично...

А что, если из Иркутска связаться по телефону с Лионом? Пусть судьи, адвокаты, представители французской общественности услышат голос протеста подлинных героев «Продолжения легенды». На следующий день, в канун открытия процесса, состоялся приведенный ниже разговор с известным французским адвокатом Жоаннесом Амбром, защищающим интересы советского писателя на лионском процессе.

Господин Амбр, которого мы, видимо, подняли с постели — в Лионе раннее утро, а в Иркутске уже кончался рабочий день,— не сразу понял, в чем дело. Звонок из далекой Сибири был для него полной неожиданностью.

ИРКУТСК. Господин адвокат, с вами говорят с Иркутской гидроэлектростанции корреспонденты журнала «Огонек». Рядом с нами находятся строители этой ГЭС — герои известной вам книги Анатолия Кузнецова, которые хотят вам сказать несколько слов.

ЛИОН. Это очень интересно, слушаю вас со вниманием.

ИРКУТСК. Передаем трубку Анне Москаленко, бывшему бригадиру передовой бригады бетонщиков, которая выведена в повести «Продолжение легенды» под своим настоящим именем. Мы будем переводить вам фразу за фразой.

ЛИОН. Я знаю Москаленко по книге, но думал, что это — вымышленное лицо. Буду рад услышать ее. Для меня, как для адвоката, и для хода всего дела ее заявление может иметь большое значение.

ИРКУТСК. Я приехала, — говорит А. Москаленко,— на строительство Иркутской ГЭС в 1952 году с Украины. Меня очень заинтересовало социалистическое преобразование Сибири. На стройке я получила специальность бетонщика, затем стала бригадиром. Книга Кузнецова нам близка и дорога. Мы узнавали в ней себя, свою жизнь в те годы.

Я понимаю, что лионского архиепископа и его издателей не устраивает правда об энтузиазме строителей нашей ГЭС. Но неужели французские законы разрешают подобные фальшивые методы, когда целые главы выброшены и грубо искажены смысл и содержание повести?

ЛИОН. Присоединяясь к вашему возмущению, я должен сказать, что французские законы, конечно, преследуют любые посягательства на моральное право писателя и запрещают искажение его мысли, а также любую фальсификацию его произведения.

ИРКУТСК. Передайте господину Амбру,— просит Москаленко,— что мы требуем конфискации клеветнического перевода и издания повести Кузнецова полностью. Нужно также, чтобы виновники этого преступления были строго наказаны.

ЛИОН. Можете сообщить Анне и ее товарищам, что прогрессивное французское издательство «Жюльяр» опубликовало недавно полный перевод книги Анатолия Кузнецова под тем же названием, дав ей подзаголовок «Счастливая Сибирь». Это точный перевод и правильное изложение замысла автора.

ИРКУТСК. Тем лучше, — отвечает Анна Москаленко,— мы рады, что французские читатели могут ознакомиться с правдой о нашей жизни и работе. Тогда они по достоинству оценят и подлый трюк лионского католического издательства.

ЛИОН. Могу добавить, что «Счастливая Сибирь» вызвала живой интерес во Франции и пользуется огромным спросом.

ИРКУТСК. Может быть, вам будет интересно узнать, господин Амбр, что Анна Москаленко награждена за доблестный труд орденом Трудового Красного Знамени и теперь мечтает о новой большой сибирской стройке? Этой весной вслед за своими подругами она поедет строить Красноярскую гидроэлектростанцию. Она просит ее рассказ приобщить к делу.

ЛИОН. От души желаю ей успеха.

К аппарату в Иркутске подходят бывший штукатур и каменщик на стройке, ныне сотрудник управления Иркутской ГЭС Мария Демина и монтажник Юрий Воронков. Они выражают свое гневное возмущение грубой фальшивкой лионских католиков-реакционеров.

ИРКУТСК. Я узнала, — говорит Мария Демина,— что свою фальшивку лионские попы назвали «Красная звезда в тумане», а на обложке изобразили мрачную тайгу за колючей проволокой. Нас же, строителей, переводчик-фальсификатор позволил себе назвать «ссыльными». Господин Амбр! Передайте этим господам и тем, кто за ними стоит, что в своем представлении о Сибири они отстали на полвека! Ссыльным в Сибири действительно был мой отец, рабочий-революционер из Петербурга. Но это было в 1914 году, при царе...

ЛИОН. Я прошу передать всем, кто беседовал со мной по телефону, а также всем строителям Иркутской ГЭС, что завтра на суде я расскажу о том чувстве негодования, которое вызвал у вас бесчестный поступок издательства лионского архиепископата. Вместе с моим коллегой метром Морисом Гарсоном мы постараемся как можно лучше выполнить свой долг.

Имена лучших строителей высечены на доске почета Иркутской ГЭС.

* * *

Как известно, заседание суда в Лионе состоялось 26 января. Грязные махинации антисоветских пропагандистов были разоблачены.

После процесса мы вновь, уже из Москвы, связались с Лионом. Господин Амбр сообщил нам:

— Как и следовало ожидать, защитники издательства «Витт» и переводчика — отца Шалейля не смогли привести никаких аргументов в пользу своих подзащитных. Правда, они пытались оспаривать тот очевидный факт, что переводчик исказил мысль и идеи автора, но были на суде приперты к стене. Тщательно сравнив перевод с оригиналом, мы убедительно доказали суду всю несостоятельность их доводов. Ход процесса подробно освещался во французской печати, которая в большинстве своем выражала возмущение клеветнической подделкой издательства лионского архиепископата. Хотя дело предельно ясно, лионский суд постановил вынести окончательное решение через месяц, с тем чтобы тщательно изучить все материалы.

Благодарю редакцию «Огонька» за беседу по телефону,— сказал в заключение господин Амбр.— Передайте Анне Москаленко и ее друзьям, что их сообщения еще больше укрепили мою уверенность в правоте дела, которое я защищаю. Мой телефонный разговор с Иркутском я довел до сведения французской общественности.

А. ГРИГОРЬЕВ,
А. ЛУНОВ

А. И. Москаленко разговаривает с Лионом.
Фото О. Кнорринга.

СВОБОДУ ПАТРИСУ ЛУМУМБЕ!

Брюссель, февраль 1960 года. В столице Бельгии идет конференция круглого стола: обсуждается вопрос о будущем житницы бельгийских колонизаторов — Конго. Бельгийцы хотели с самого начала поставить у власти в Конго послушных им людей. Но не вышло: Конго бурлило и жаждало настоящей независимости. Колонизаторы были вынуждены освободить из тюрьмы и допустить на эту конференцию подлинного лидера конголезского народа, патриота и борца, имя которого известно сейчас всему миру,— Патриса Лумумбу. Первый снимок, который мы печатаем здесь, был сделан в Брюсселе год назад, когда Лумумба прибыл для участия в конференции.

Но уже тогда колонизаторы, произнося красивые слова о независимости Конго, начинали готовить заговор против этой независимости. В происках против Конго колонизаторы Бельгии при поддержке колонизаторов других стран добились временного успеха. А настоящий борец за независимость, законный глава конголезского правительства Патрис Лумумба, брошен в тюрьму. Второе фото, помещенное на этой странице, взято нами из французского журнала «Пари-Матч». Этот снимок журнал снабдил подписью: «Горе побежденным!»

Но слишком рано торжествуют колонизаторы свою победу. Тысячи и тысячи людей, следящих за событиями в Конго, видят, что колонизаторам не удается победить Лумумбу, как им не удастся победить и народ Конго. Требуя свободы для премьер-министра Республики Конго, они говорят: «Слава борцам!»

•

Мы попросили прокомментировать снимок, напечатанный в «Пари-Матч», известного английского юриста и борца за мир Дениса Притта и датского художника Херлуфа Бидструпа. Вот какие письма прислали они нам.

Д. Н. ПРИТТ: «Я потрясен зверским обращением с законно избранным премьер-министром Республики Конго. Я потрясен тем, что так обращаются с конголезцем не иностранцы, а люди, которые тоже называют себя конголезцами. Понятно, конечно, что все это делается при подстрекательстве империалистических сил, желающих сохранить контроль над Республикой Конго, над ее народом, ее богатствами, жаждущих уничтожить ее независимость ради своих прибылей и своего господства.

Расправа над Патрисом Лумумбой была произведена потому, что он представляет подлинные антиимпериалистические чувства и силы. Он продолжает борьбу, чтобы добиться для родной страны подлинной независимости. Для будущего конголезского народа, для провала всех махинаций империалистов, которые пытаются сохранить свой контроль над Конго, для мира на земле очень важно, чтобы Лумумба был немедленно освобожден и вернулся к исполнению своих обязанностей».

Херлуф БИДСТРУП: «Наверное, они были надменны и самоуверенны — «великие люди» западного мира, когда рассматривали эту фотографию арестованного и связанного Лумумбы — первого премьер-министра Конго, избранного народом. Бельгийские колонизаторы и их друзья в ООН думали, что, заключив Лумумбу в тюрьму, они смогут опять лишить свободы весь народ Конго.

Но они ошибаются, эти люди, рты которых всегда полны жирными фразами о свободе и демократии. Они лишились своего престижа в Конго. Их разглядели, хотя они и скрывали свои жестокие белые руки в черных перчатках. Народ Конго слишком хорошо знает мертвую хватку колонизаторов; в связанном и избитом Лумумбе конголезцы видят самих себя. Лумумба и народ Конго — единое целое; они не позволят угнетать себя».

Утро в сердце Африки

Патрис ЛУМУМБА

Ты страдал, африканец, бескрайние тысячи лет,
И скитальцы-ветра по пустыне носили твой пепел.
А тираны твои возводили надменные храмы
Для охраны страданий в твоей непокорной душе.
Так поделены были права:
Право белых хозяев на плеть и кулак
И твое непреложное право на смерть
Да, пожалуй, еще на рыданья.
На твоих божествах они высекли маску лишений
И окутали их кандалами.
Даже в джунглях ты был беззащитен:
Там столикая смерть
Хищным глазом змеи за тобой наблюдала
И тянулась к тебе
Каждой веткой лесной,
С каждой кроны деревьев,
Чтобы тело твое и твою наболевшую душу
Стиснуть жадно в последнем объятье.
А потом у тебя на груди
Поселили змею,
Влили в душу тебе омертвляющий яд алкоголя.
За дешевенький блеск побрякушек
Они взяли жену твою — твой нерастраченный клад.
В непроглядной ночи надрывались тамтамы,
Чтоб из хижин твоих разнести по земле
Похоронные песни.
А когда неуемная ярость
Раскаляла в ночи твою кровь,
Ты плясал у костра, ты стенал,
содрогаемый гневом,
Древней страстью отцов, что бродила веками в сердцах,
Как неистовство бури она из тебя исторгалась
Переплавленной в слово и музыку сотен ладов.
Неприрученный голос тамтамов
Говорил о протесте твоем
И гремел по всему континенту гигантским прибоем.
Перепуганный мир изумленно проснулся тогда,
Он проснулся от страстного ритма —
Ритма крови и песни.
Твой тиран побледнел от неведомых песен,
Озаряющих тьму нетускнеющим факелом правды.
Видишь, брат мой, рассвет наступает, рассвет!
Видишь блики рассвета на наших светлеющих лицах.
В старой Африке, брат, занимается новое утро.
Только нашими будут земля, и вода, и могучие реки,
Негасимые факелы солнца
Будут жарко светить,
Чтобы высушить слезы в глазах и на лицах плевки чужеземца.
И когда ты порвешь кандалы,
Разорвав их, как цепь онемевших веков,
Ты, свободное, гордое Конго, поднимешься с черной земли,
Непреклонное, гордое Конго,
Конго — черный цветок, свежий стебель,
Проросший из черных семян.

Перевод Г. ШЕРГОВОЙ.

Ближайшая цель — 2 метра 30 сантиметров

В самый разгар зимнего сезона под стеклянной крышей ленинградского стадиона встретились студенты-легкоатлеты спортивного общества «Буревестник». Снова перед нами проносились бегуны, входили в круг метатели, брали старт прыгуны. Событие, о котором идет речь, связано с выступлением прыгунов в высоту.

У планки собрались многие сильнейшие спортсмены страны. 2 метра 5 сантиметров преодолели три спортсмена — Валерий Брумель, второй призер XVII Олимпийских игр, Виктор Большов, занявший в Риме четвертое место, и московский студент Аркадий Слободской. Судьи поднимают планку на 2 метра 10 сантиметров. Только Валерию Брумелю удалось преодолеть этот рубеж, и тут-то перед нами стремительно развернулись неожиданные события. Высота 2 метра 13 сантиметров... Брумель берет ее с первой попытки. Высота 2 метра 16 сантиметров.... Брумель берет ее с первой попытки. Высота 2 метра 21 сантиметр!..

Брумель решил атаковать мировое достижение для закрытых помещений, установленное прошедшей зимой в Нью-Йорке Джоном Томасом (американскому спортсмену на соревнованиях в Медисон сквер-гардене удался прыжок 2 метра 19,7 сантиметра). И когда планка полетела вниз вместе с Валерием Брумелем, это никого не удивило. Нет, после 5 часов, проведенных в манеже, после окончания долгого и успешного сезона, такая высота, видимо, недостижима даже для такого замечательного прыгуна, как Брумель.

Снова судьи, забравшись на стулья, устанавливают планку и тщательно проверяют высоту. Снова берет Валерий Брумель разбег... Взял! Победа!

Да, Брумель вопреки всему взял высоту 2 метра 21 сантиметр! А пока этот факт доходил до нашего сознания, на щите появились новые цифры — 2 метра 25 сантиметров. Эта высота на три сантиметра превышала официальный мировой рекорд Джона Томаса. Но Брумель по-прежнему полон решимости продолжать борьбу. Вот он выходит на беговую дорожку и направляется, не торопясь, вдоль трибуны, словно готовясь не к рекордному прыжку, а к тому, чтобы занять место среди зрителей. И вдруг резкий поворот, мгновенный и стремительный разбег—и спортсмен уже несется к планке, поднятой высоко в воздух. Упругий, едва заметный толчок — и Брумель внизу, на песке. Вместе со всеми нами смотрит он туда, вверх, где висит полосатая планка. Она не сбита! Прыжок удался! Результат Джона Томаса побит, побит не под высоким летним небом, а под стеклянной крышей. И судьи уже устанавливают планку на высоте 2 метра 28 сантиметров...

На сей раз восемнадцатилетнему спортсмену не удалось взять эту поистине фантастическую высоту, но теперь ближайшая цель Валерия Брумеля ясна: 2 метра 30 сантиметров!

Так Джон Томас снова оказался позади. Знаменитый прыгун уже знал о результате Брумеля, когда он вышел на старт в Бостоне. Но больше чем 2 метра 21 сантиметр Джон Томас преодолеть там не смог...

Следующая встреча двух прыгунов состоится в ближайшее время в Соединенных Штатах.

В. ВИКТОРОВ

На снимках слева (сверху вниз): перед прыжком: старт взят; первая реакция Валерия Брумеля после рекордного прыжка — он улыбается. На снимках справа: на высоте 2 метра 25 сантиметров; судьи еще раз тщательно проверяют высоту, на которой установлена планка: Да, 2 метра 25 сантиметров!

Фото В. Галактионова.

После выступления «Огонька»

„Велосипедные зигзаги"

Письма, еще и еще письма... Они получены редакцией после того, как в № 34 нашего журнала за 1960 год был напечатан репортаж С. Синельникова «Велосипедные зигзаги». Лишь в одном письме — его прислал Д. Веселовский из Казани — говорится, что велосипед «начинает отживать свой век». Все остальные читатели, откликнувшиеся на наше выступление, полностью его одобряют. По их мнению, «Огонек» прав: выпуск веломашин сокращен без веских оснований и должен быть вновь расширен. В частности, ленинградец А. Ельманов пишет: «Для подавляющего большинства людей велосипед гораздо доступней, чем все другие виды собственного транспорта, он более прост в обращении. И спрос на велосипеды будет расти. Потребность в них очень велика».

Многих удручает то, что велосипедные прицепы никак не пробьются в жизнь, хотя сконструированы уже давно. «Они нужны миллионам трудящихся!» — восклицает Н. Коровяков из Глухова, Сумской области. Ему вторит Н. Горбунов из Никольска, Вологодской области: «Уверен, что прицепы, как грузовые, так и пассажирские, будут пользоваться огромным спросом». «Скорей бы прицепы в массовое производство и в продажу!» — требуют И. и З. Куликовы из Курска, ленинградец С. Беляев, куйбышевец Ю. Горшенин, Н. Серебряков из Елабуги и другие.

«Купишь машину, а уже месяца через три надо менять передние оси».— сетует И. Рубцов из с. Новоселовки, Николаевской области. А. Андреев из с. Благовещенки, Алтайского края, добавляет: «Даже о седлах заводы не хотят толком позаботиться. Сидишь на седле, как на колу». Оба читателя, как и многие другие, ждут, что промышленность будет энергичней, чем доныне, совершенствовать конструкции веломашин, уменьшать их вес, улучшать качество и внешнее оформление.

Не только велосипед, но и его владелец нуждается в подлинном внимании. А пока к человеку на веломашине, как правило, относятся пренебрежительно. Характерно в этом отношении письмо бакинца А. Чатова, рассказывающего о таком случае. У подростка украли веломашину. Он опасался, что дома «будет взбучка». А мать подростка была сама не своя от радости! Отчего же? При молчаливом попустительстве милиции иные бакинские водители автомашин издеваются над велосипедистами. То круто свернут перед самым носом у велосипедиста, то прижмут его к кювету, хотя дорога широка и свободна. Ездить на велосипеде порой просто опасно. «Уж очень все это наболело, — читаем мы в письме. — Пора признать нас, велосипедистов, уделять нам внимание...».

Откликнулся на наше выступление также заместитель министра торговли РСФСР А. Куликов. Он подтвердил, что в отдельных районах республики были перебои в продаже велосипедов. Это вызвано неудовлетворительным выполнением заявок торгующих организаций. Кроме того, некоторые предприятия недодали много машин. Отрицательно сказалось и то, что планирующие органы перебрасывали производство веломашин с одного предприятия на другое. Сейчас принимаются меры к устранению этих недостатков.

Мы получили письмо и от заместителя председателя Госплана СССР Н. Строкина. Он сообщил, что производство велосипедов будет вновь значительно расширено — в 1961 году их намечено выпустить свыше трех миллионов. В ближайшие годы на ряде заводов войдут в эксплуатацию дополнительные мощности, благодаря этому страна будет получать гораздо больше мотовелосипедов и машин для подростков. На Харьковском велозаводе увеличится выпуск легкодорожных машин. Разработка новых типов и моделей веломашин возложена на Государственный комитет по автоматизации и машиностроению. Эта работа уже началась.

Лев БОРОДУЛИН

По большой дорожке

1

Евгения Гришина и Виктора Косичкина — двух олимпийских чемпионов — мы встретили в Горьком. Кто знал тогда, что в этом волжском городе, как и в Скво Вэлли, они станут единственными обладателями золотых медалей среди своих товарищей по сборной команде страны! Первенство СССР было еще впереди, а пока шли напряженные тренировки, доводка боевой формы до «кондиции».

Вот они перед нами, два замечательных скорохода — олицетворение быстроты и выносливости. Как известно, сочетание этих качеств и определяет успех в ледовом многоборье. Косичкину не удавалось выиграть абсолютное первенство потому, что ему не хватало быстроты на дистанциях 500 и 1 500 метров, а Гришину лишь однажды удалось стать абсолютным чемпионом, потому что длинные дистанции почти всегда у него хромают. И на «белой» олимпиаде в США эти два скорохода остались верны своим симпатиям. Косичкин добился победы на дистанции 5 000 метров, а Гришин — на 500 и 1 500 метров. Фотографируя их в Горьком, я подумал, что соединение спортивных качеств двух таких мастеров как бы олицетворяет тип идеального многоборца. Очень скоро мне пришлось вспомнить об этом...

2

Трехкратный чемпион мира Олег Гончаренко, герой мирового первенства 1960 года Борис Стенин, испытанный многоборец Роберт Меркулов, ну и, конечно, Виктор Косичкин — все эти имена назывались не только в связи с золотой медалью. Конечно, заманчиво стать абсолютным чемпионом страны, но и следующие несколько мест многое значили: четыре сильнейших многоборца и лучший спринтер должны были получить право выступать на чемпионатах Европы и мира.

Что ж, для того, чтобы добиться этого права, никто из скороходов не жалел сил! Круг за кругом проходил на тренировках Олег Гончаренко.

3

Вот еще два сильнейших многоборца: Борис Стенин (справа) и Роберт Меркулов. Рядом они точили коньки, рядом через несколько дней оказались на пьедестале почета.

4

Через пять минут старт. Но что это за непонятный прибор прикрепляют к шапочке Косичкина? Это радиопульсофон. С его помощью научные работники имеют возможность выслушивать сердце спортсмена во время бега.

5 и 6

На старте два наших героя — Евгений Гришин (на левом снимке слева) и Виктор Косичкин (на втором снимке справа). У них одинаково грозные соперники — Геннадий Воронин и Владимир Гуров. Но в то время как Гришин завоевал на своей коронной дистанции — 500 метров — золотую медаль, Косичкин занял лишь 24-е место.

7

Однако время В. Косичкина на дистанции 500 метров — 44,3 секунды — оказалось вовсе не плохим для многоборца! А после его блестящего бега на 5 000 метров секундомеры показали исключительный результат — 8 минут 00,2 секунды. Это — мировое достижение для равнинных катков! На следующий день — новая сенсация: завоевано первое место в беге на 1 500 метров! Остальное было для молодого многоборца делом техники, как говорят шахматисты. Никто и близко не подошел к его результату на 10 000 метров — 16 минут 54,1 секунды. Даже видавшие виды тренеры затаили дыхание, наблюдая за этим бегом.

* * *

Так Виктору Косичкину удалось сочетать в себе и скорость и выносливость. И надо отдать должное одному из его главных соперников по международным соревнованиям, норвежцу Кнуту Юханнесену: еще в начале зимы он предвидел спортивный расцвет молодого скорохода. После выступления Виктора Косичкина в начале сезона в Норвегии Юханнесен заявил: «Я рад, что Олимпийские игры состоялись в прошлом году». Чтобы понять смысл этих слов, следует добавить лишь одно: прославленный норвежский конькобежец внимательно наблюдал за Косичкиным и был потрясен его успехами на стадионе «Бишлет» в Осло...

В эти дни Кнут Юханнесен и другие сильнейшие скороходы встречаются с Виктором Косичкиным и с его товарищами — Евгением Гришиным, Робертом Меркуловым, Борисом Стениным, Олегом Гончаренко — на чемпионатах Европы и мира.

ТУРНИРНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Острейший поединок лучших шахматистов страны в полном разгаре. К моменту выхода в свет этого номера «Огонька» несыгранными останутся считанные туры. Но назвать имена тех четырех, которые получат право участвовать в межзональном турнире, по-прежнему невозможно.

Однако состав неудачников, тех, кто уже не имеет никаких шансов для участия в дальнейшей борьбе за шахматную корону, окончательно определился. Один из таких неудачников, гроссмейстер М. Тайманов, стартовал настолько плохо, что после восьми туров был чуть ли не на последнем месте.

Тайманов в хорошей форме — опаснейший партнер. Но не менее опасен этот шахматист и сейчас — «тяжело раненный». Он сам предупредил своих соперников: «Первым или даже четвертым я уже не буду, но продолжать борьбу намерен». В девятом туре Тайманов забрал три пешки и очко у Д. Бронштейна. А после этой неудачи Бронштейн в десятом туре потерпел и новое поражение в партии с Борисенко. Гроссмейстер трижды отказывался от предложенной ему ничьей, несколько раз упустил выигрыш и в конце концов... сдался.

Драма Бронштейна не была единственной в этом туре. Настоящая шахматная трагедия разыгралась и во встрече двух молодых гроссмейстеров — Б. Спасского и Л. Полугаевского. Спасский превосходно вел наступление, и многие уже вписали ему единицу. То, что у Полугаевского на размышления оставались лишь считанные секунды, было еще полубедой. Главная загвоздка заключалась в том, что Полугаевский должен был получить в ближайшие несколько ходов мат. Но напрасно Спасский полагал, что к победе ведет любой путь. Он сыграл неточно, и его партнер сперва отбил матовую атаку, а затем успел сделать все сорок ходов, отложив партию.

Бледные и растерянные, Б. Спасский и его тренер К. Кламан покидали ЦДКЖ. Никакие анализы, никакая бессонная ночь не смогли исправить допущенных Спасским ошибок. При доигрывании Полугаевский уверенно реализовал свое преимущество, и у Бориса Спасского в турнирной таблице оказался первый ноль.

А вот еще одно приключение, доставившее много острых минут болельщикам и комментаторам. Гроссмейстер И. Болеславский — самый безобидный по своему характеру участник турнира. Чтобы не обидеть товарища, Болеславский иногда дает согласие на ничью в самой выгодной для себя позиции. Но в двенадцатом туре, играя с В. Смысловым, добродушный гроссмейстер почему-то изменил своему правилу, отклонил ничью, усилил нажим, и в результате Смыслов отложил партию в проигрышном положении. Однако Смыслов изумительным этюдным способом нашел путь к ничьей.

О «приключениях» молодого украинского мастера Л. Штейна мы уже писали. Теперь Л. Штейн, победив А. Черепкова, ворвался на самый передовой форпост борьбы за место в заветной четверке.

Всем было ясно, что тринадцатый тур должен стать для многих роковым. Так это и случилось. Если встреча Э. Гуфельд — А. Банник имела лишь местное значение, то партия Л. Штейн — Е. Геллер превратилась в острую дуэль за лидерство. Схватка двух мастеров атаки закончилась разгромом гроссмейстера Ефима Геллера. Можно легко представить себе, как грустила в тот вечер главная улица Одессы — Дерибасовская. Но зато во Львове был праздник. Еще бы! Украинские болельщики уже видели в своем воображении Леонида Штейна гроссмейстером или даже чемпионом СССР. Ну что же, для этих надежд есть все основания! Победа молодого украинского шахматиста над обоими лидерами чемпионата Т. Петросяном и Е. Геллером — серьезная и заслуженная заявка как на то, так и на другое звание.

В день тринадцатого тура, кроме Л. Штейна, на турнире был еще один именинник, и притом самый настоящий: Б. Спасский отмечал день своего рождения. Отметил он его не так уж плохо, если учесть, что ему удалось избавиться от «баранки», которую ему собирался преподнести В. Тарасов.

После тринадцати туров, пожалуй, лишь у лидера чемпионата Т. Петросяна в турнирной таблице полный порядок. Имея в кармане девять очков, Петросян может даже на одних ничьих попасть в четверку. Но гроссмейстер, несомненно, думает о значительно более почетном результате — первом месте в чемпионате страны.

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

МАРКИ КАМБОДЖИ

В честь возвращения главы государства принца Нородома Сианука из поездки по Советскому Союзу, Монголии и КНР в Камбодже выпущена серия из трех марок.

ДВЕ ДВЕРИ

Е. ПЛАТОНОВ

Из двух дверей, что выходили в коридор,
Одна с другой вступила в спор:
— Нас красили в один и тот же срок,
Но на тебе уже следы от ног,
Потерта ручка, выпачкан косяк,
А я сверкаю красками да так,
Как будто новенькая. Посмотри:
Снаружи яркий блеск и изнутри...
—Да, ты блестишь,— другая ей в ответ,—
Поскольку закрываешь кабинет,
Где дни, недели, месяцы подряд
Сидит, от жизни скрывшись, бюрократ.

Село Шереметьевка,
Саратовской области.

ПЕРВЫЕ АВИАЛЫЖИ В РОССИИ

Снимок сделан сорок восемь лет тому назад на летном поле Московского общества воздухоплавания. В центре — конструктор Н. Р. Лобанов, справа — механик Д. Д. Редин, а третий — замечательный умелец и изобретатель А. Л. Кузнецов, который зимою 1913 года изготовил первый образец авиационных лыж. С тех пор русские авиаторы стали совершать полеты и зимою. Не имея образования, Кузнецов в 1914 году конструировал и мастерил из дерева воздушные винты с отличными аэродинамическими качествами.

Н. ЧЕРНИКОВ

Зубастый трофей

Голова зубастой щуки украшает стену квартиры рыбака-любителя М. П. Урюпина из села

Советского, Тамбовской области.

А. ГОЛОВАШИН

Побасенки

Г. ЦЫФЕРОВ

Петух

Попробовал петух подражать соловью. Не вышло. С тех пор стал горлопанить: «Не важно, что петь. Не важно, как петь. Важно петь своим собственным голосом».

Своим собственным голосом петух пел одно: «Ку-ка-ре-ку!»

Столб

Сравнивая себя с деревьями, столб нашел, что он выглядит гораздо лучше.

— А чем же ты лучше? — услышав хвастовство столба, зашумели возмущенные деревья.

— Как чем? Во мне все прямо и ясно. А вы еще слишком необтесанные... Сырой материал!

Графин

Графин не любил радостных встреч. Он знал: после радости его ждет чувство полнейшей опустошенности.

«БОМБЕЙ — КАЛУГА — ЛОНДОН»

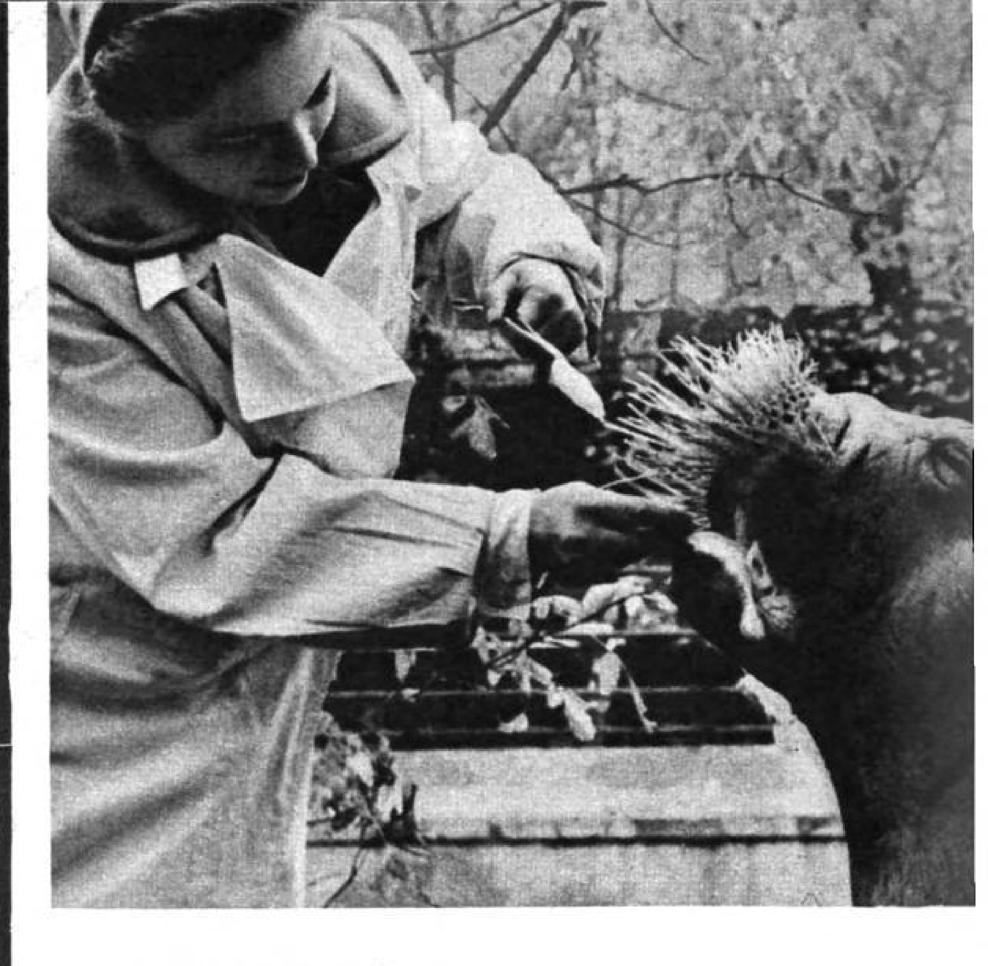
Эта литография, выполненная по рисунку художника Р. Жуковского, издана в сороковых годах прошлого века. На рисунке изображен русский город — старая дореволюционная Калуга. Испуганная женщина будит мужа, указывая рукой на летящий самолет странного вида. Подпись поясняет: «Возвращение воздухоплавательной машины из Бомбея, через Калугу, в Лондон. — Митрофанушка! Полно-те спать, погляди, что за чудо летит».

Изображенное на рисунке «чудо» — паровой аэроплан 1842 года. Аэроплан этот никогда не летал и даже не был построен, так как изобретатель на моделях убедился в его непригодности для полета.

По случайному совпадению на рисунке изображена Калуга, которую прославил К. Э. Циолковский.

Вл. ЗОТОВ

Калуга.

И. СОСНОВСКИЙ,
директор Московского зоопарка

Трудные пац

БОЛЬНА МАЛЫШКА

Огромная моржиха Малышка заболела внезапно и, словно нарочно, в воскресный день. С утра она вылезла на берег, тяжело дышала и совершенно отказалась от корма. Дежурный врач определил, что температура у нее повышена, но справиться один с полутонной Малышкой — тщательно ее осмотреть — не мог. Пришлось вызывать скорую помощь, но не по телефону 03, как мы вызываем скорую медицинскую, а по особому номеру скорой ветеринарной помощи. Наверное, далеко не все знают о существовании таковой, а она в городе есть. Ветеринарные автомашины окрашены в темно-голубой цвет, они, как и медицинские, имеют изображение креста, но только он у них не красный, а голубой.

«Скорая» приехала, и врачи с помощью наших сотрудников нашли больное место. Моржихе смазали десны, дали аспирин и оставили ее в покое до следующего дня.

Утром ветеринары сколько ни пытались осмотреть рот своего пациента, ничего не получалось. Малышка начинала рычать, мотала головой и легко отталкивала людей. Срочно соорудили специальное устройство, с помощью которого моржиху плотно придавили к земле и зажали с боков. Теперь удалось рассмотреть больной зуб.

Наши специалисты принесли целую коллекцию щипцов, кусачек, клещей, ножей и хирургических инструментов. Попытались вытащить зуб, но это оказалось совсем не под силу одному врачу. Пробовали вдвоем — опять безрезультатно: клык громадный. Потом сообразили, что, прежде чем удалять зуб, нужно изучить строение черепа моржа, посмотреть, как сидят зубы в челюстях, каковы у них корни. Срочно связались с зоологическим музеем, где нашелся подходящий череп. Нам даже разрешили распилить отдельные кости. Когда мы это сделали, то убедились в бесполезности своих попыток удалить клык. Корень этого зуба устроен так, что выдернуть его из челюсти невозможно: к основанию он не сужается, а, наоборот, расширяется и образует клин.

Что же делать? Температура у Малышки не падает, голова опухла. Моржиха уже несколько дней не ест, а это первый признак плохого самочувствия.

Помогла хирургия. Сделали глубокий надрез на голове, через который прочистили зуб. Малышка ожила.

Вот уже больше двух лет врачи постоянно наблюдают за моржом. Как только зверь заскучает, перестает есть, его приходится ловить и обрабатывать зуб. Трудный пациент Малышка, но очень ласковый и добродушный. Все его любят. Ну, как же не помочь такому!

РЕДКАЯ ОПЕРАЦИЯ

У меня в руках рецепт. Со штампом поликлиники, подписью врача и печатью, с отметкой аптеки об отпуске лекарства. Чем же интересен этот лечебный документ? Дозами. Судите сами. Утром и вечером больному рекомендуется принимать уротропин по 25 граммов, стрептоцид белый по 75 граммов, спирт-ректификат по одному литру, хлористый кальций по 1 500 граммов.

В истории болезни записано, что больной в течение недели принимал лекарство регулярно и полностью, однако улучшения состояния здоровья не наблюдается и необходимо срочно созвать консилиум специалистов.

Перелистывая объемистое «личное дело» пациента, проглотившего за неделю целый килограмм стрептоцида и 350 граммов уротропина, находим очередную запись лечащего врача: «Состоялся консилиум, прогноз на выздоровление сомнительный, необходимо срочное хирургическое вмешательство».

Обращаемся к журналу консультаций, чтобы узнать, кто же участвовал в консилиуме, кто вынес такое решение. Оказывается, это было солидное заседание хирургов, терапевтов, бактериологов, рентгенологов, патологоанатомов и других специалистов, среди которых немало видных профессоров и ученых московских институтов. Вывод единогласный — оперировать. Но кто решится на такой опасный шаг не столько для пациента, сколько для врача-хирурга и его ассистентов?

Фото Ю. Кривоносова.

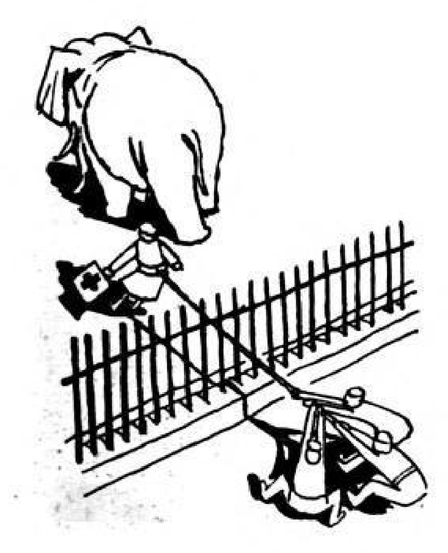
циенты

Операция даже бывалым врачам представлялась весьма неопределенной. Она была единственной в их практике. Но больного нужно было спасти любой ценой.

Вот врачи собрались. Ведущий хирург спрашивает, какой вес больного. Ему отвечают: около 300 пудов. А рост? Четыре метра. Толщина кожи? От 1 до 4 сантиметров. Состояние больного? Спать ночью не ложился, с утра спокоен, завтрак не давали.

Хирург надевает белый халат, шапочку. Потом ассистенты застегивают на нем широкий брезентовый пояс, к которому привязана длинная веревка. Врач смеется: ему впервые приходится надевать вместе с халатом пожарный ремень...

Несколько лет назад слона Шанго ударил бивнем в живот другой слон; на месте ушиба образовалась опухоль. Животному грозило заражение всего организма, гибель. Слон перестал принимать корм и вместо 150 килограммов в сутки съедал всего лишь 5—10. Он не ложился отдыхать и потерял в весе целую тонну.

Шанго не только необычный, но из-за своего свирепого нрава весьма опасный и коварный пациент. Малейшая неосторожность — и длинный мускулистый хобот слона схватит обидчика.

Операцию решился делать профессор Московской ветеринарной академии И. Д. Медведев. На него-то и надели пожарный пояс, чтобы в крайнем случае можно было вырвать его из объятий хобота Шанго. Веревку держали несколько сильных мужчин.

Началась операция. Слона отвлекали лакомством. Он стоял около ограды и охотно ел яблоки, апельсины, сахар, пил вино из ведра. Но как только хирург делал попытку приблизиться, слон моментально поворачивался. Приходилось отступать. Попробовали заменить белый халат и белую шапочку на синие, какие носят служащие, и это помогло. Шанго, видя знакомый цвет, слыша знакомые голоса, увлеченный вкусными блюдами, перестал обращать внимание на врача и его ассистентов. Удалось незаметно подойти вплотную и прощупать опухоль. Но чем вскрыть? Ни один из обычных инструментов не подходил. Решили применить опасную бритву. Этим оружием Иван Дмитриевич вскрыл нарыв. Шанго зашевелился. Моментально натянулась веревка, и хирург очутился в объятиях своих ассистентов.

Операция прошла успешно. Через месяц Шанго был здоров.

Сейчас Шанго уже в преклонном возрасте, ему пошел шестой десяток, из которых он почти полвека провел в неволе. Некоторые думают, что слоны живут по 100—200 лет. Это не так. Максимальная продолжительность жизни слонов даже в естественных условиях — 75—80 лет. Недавно старый Шанго опять заболел. На этот раз отказали ноги. Ему нужно было сделать педикюр, что раньше и практиковалось. Но теперь это было невозможно: слон мог раздавить лечащего. И врачи стали применять мази, лечебные растворы. Представьте себе, Шанго начал помогать врачам и зоотехникам. Он протягивал им хобот, в который наливали литра три мази, как в бутылку, и слон сам смазывал больные ноги и тщательно растирал их. После этого он с силой продувал хобот и вытирал его о сено или бумагу.

Шанго снова здоров.

КОБРА В ГИПСЕ

Однажды наши сотрудники поймали на юге Туркмении кобру больших размеров. Длина ее была почти два метра. Змею поместили в прочный полотняный мешочек, упаковали в фанерный ящик и самолетом отправили в Москву.

Несколько месяцев прожила кобра в террариуме, как вдруг мы заметили, что она перестала ползать и в передней части туловища у нее появилось утолщение. Наши врачи предположили перелом позвоночника, но в этом необходимо было убедиться. И вот кобра в рентгеновском кабинете нашей ветеринарной лечебницы. Несколько снимков подтвердили первоначальный диагноз: на пленках четко вырисовывалась трещина позвонка. Что делать? Казалось бы, куда проще взять и уничтожить, ведь кобра — это опасная и ядовитая змея, стоит ли с ней возиться! Но врачи должны сохранить в нашей коллекции любое животное.

И началось кропотливое лечение кобры. На месте опухоли сделали прочную повязку, наложили гипс. В таком положении змея лишилась возможности самостоятельно принимать пищу и пить воду. Врачам более трех месяцев пришлось поить и кормить кобру. Как же они это делали? Сначала голову змеи захватывали специальной ременной петлей, прикрепленной к палке, потом осторожно брали правой рукой за шею и крепко держали, пока не кончалась процедура кормления. В пищевод змеи вводили длинную резиновую трубку и через воронку или шприцем подавали смесь из молока, рыбьего жира, яиц, сахара, витаминных препаратов, какао. Когда гипс сняли, оказалось, что утолщение исчезло, трещина заросла. Змея снова стала подвижной.

ПЕДИКЮР

Грациозны и стройны многие копытные животные. На воле они каждый день преодолевают большие расстояния то шагом, то рысью, то галопом. Иное дело в неволе. Как ни просторны загоны и вольеры, а раздолья бегунам не хватает. Поэтому нередко у оленей, козлов, зебр, антилоп разрастаются копыта, и быстроногие перестают не только бегать, но и ходить. Бывает это и у домашних животных — лошадей, пони, осликов, но им поправить копыта ничего не стоит. Тут не нужно даже вмешательства врача: опытный кузнец быстро обрежет все лишнее, и животное «станет на ноги». Но как подойти к лосю или зебре? Они не дают «ножку». Наоборот, их ноги — защита от врагов. От ударов разлетаются вдребезги толстые доски.

Заболела зебра. Копыта настолько выросли, что похоже было, будто на ноги животному надели калоши. Нужно оперировать. Но как? Решили усыпить. Двое суток пришлось перед этим не давать зебре пить, чтобы жажда заставила ее вместе с водой проглотить неприятное на вкус снотворное. Все подготовлено. Зебра стоит в отдельном помещении, на полу — толстый слой сена, чтобы не разбилась, если будет падать. Принесли ведро со снотворной жидкостью. Пить очень хочется, ведро быстро пустеет. Наблюдаем. В течение 20—25 минут никакой реакции. Врачи нервничают. Но вот зебра зашаталась, глаза ее помутнели, ноги подкосились, она легла.

Кажется, все протекает, как задумано, но это только кажется. В работе с дикими животными всегда происходят неожиданности; как говорят наши ветеринарные работники, они постоянно «глотают горькие пилюли». Неожиданно зебра вскакивает, начинает дико реветь. Глаза наливаются кровью, зебра бросается на ограду, словно ее только что привезли из африканской пустыни.

Животное может расшибиться. Приходится забыть про операцию и спасать зебру. В дело идут тюки сена, листы фанеры, ватники, все, что попадает под руку, лишь бы не допустить травмы. Только через час зебра успокаивается. Видимо, доза снотворного была мала, и, вместо того, чтобы усыпить, лекарство подействовало возбуждающе.

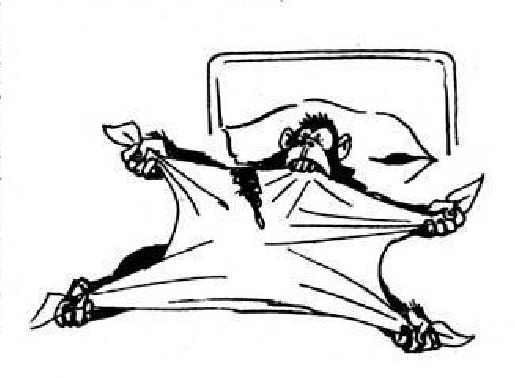
Что делать дальше? Увеличить дозу снотворного рискованно: может заснуть навсегда. Решили применить другой способ. На следующее утро застучали молотки, завизжали пилы. Бригада плотников, слесарей, шорников строила специальный станок — клетку с тремя брезентовыми ремнями. Когда сооружение было готово, его вплотную придвинули к двери загона. Несколько дней пришлось приучать зебру войти в клетку, и наконец это удалось.

Вторично началась операция. Ремни постепенно натягивали. Вот они подхватили зебру около передних ног, опоясали грудь и живот. Зебра в воздухе. Животное растерялось: никогда еще в жизни оно не упускало из-под ног твердой почвы, а тут вдруг опоры не стало. Этим и воспользовались доктора. Соблюдая осторожность, они сначала «навели маникюр» на передних ногах, а потом «педикюр» — на задних.

Через несколько дней зебра бегала по зеленой поляне.

ГРИПП И ОБЕЗЬЯНЫ

Многие из обезьян редки и стоят весьма дорого. Вылечить обезьян очень трудно, они, пожалуй, одни из самых тяжелых и капризных пациентов ветеринарной поликлиники.

У шимпанзе Голубки грипп. Нужно дать несколько таблеток. Вот тут-то врачам и приходится изощряться. Растерли таблетки в порошок, дали с питьем. Попробовала Голубка и зашвырнула кружку в дальний угол клетки: горчит напиток. Запрятали таблетку внутрь шоколадной конфеты. Конфета съедена, а таблетка вынута и демонстративно выброшена из клетки, как бы в доказательство того, что «нас не проведешь». Кое-как удалось дать лекарство с очень сладким и ароматным компотом.

Серьезно простудился орангутанг Кипарис. Подозрение на воспаление легких. Как и человеку, прежде всего уколы пенициллина и постельный режим. Чтобы сделать укол, Кипариса приходится загонять в специальную клетку, стенки которой подвижны и могут крепко зажать обезьяну. Кипарис сопротивляется, кричит, топает ногами, плюется. Чуть зазеваешься, и его цепкая лапа схватит за волосы, за воротник рубашки. С трудом, но укол сделан. Больного отправили спать. В его клетке деревянная кровать стоит постоянно. Но по случаю заболевания Кипарису дали дополнительно теплое одеяло. Орангутанг долго и внимательно рассматривал его, надевал на голову, потом накрылся и улегся спать. Но это ненадолго. Его вдруг «осеняет» мысль испытать одеяло на прочность. Больной то тянет одеяло руками и ногами, то закусит его зубами и рвет, то хлещет им по полу. Через час от одеяла остаются одни ленточки и лоскуточки...

Трудные наши пациенты, а работать с ними приходится ежедневно и ежечасно. Из трех с половиной тысяч питомцев зоопарка постоянно кто-нибудь на что-нибудь «жалуется». Правда, болезни почти всегда обнаруживают сами ветеринарные врачи, несколько раз в день тщательно осматривающие животных.

Есть в зоопарке своя лаборатория по изучению болезней диких животных, оснащенная современным оборудованием, есть изолятор для опасно больных, есть душевая, хирургическая, рентгеновский кабинет со стационарной установкой и передвижными аппаратами, есть своя аптека, которая отпускает самые разнообразные лекарства по рецептам врачей.

Представьте себе, что наш ветеринарный отдел даже выдает бюллетени и освобождает животных от работы по болезни. Так и записывается: «Освободить пони Пчелку от работы на кругу катания на три дня в связи с заболеванием правой передней конечности». Или так: «Снять кондора Кузю с экспозиции сроком на две недели в связи с травмой левого крыла».

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

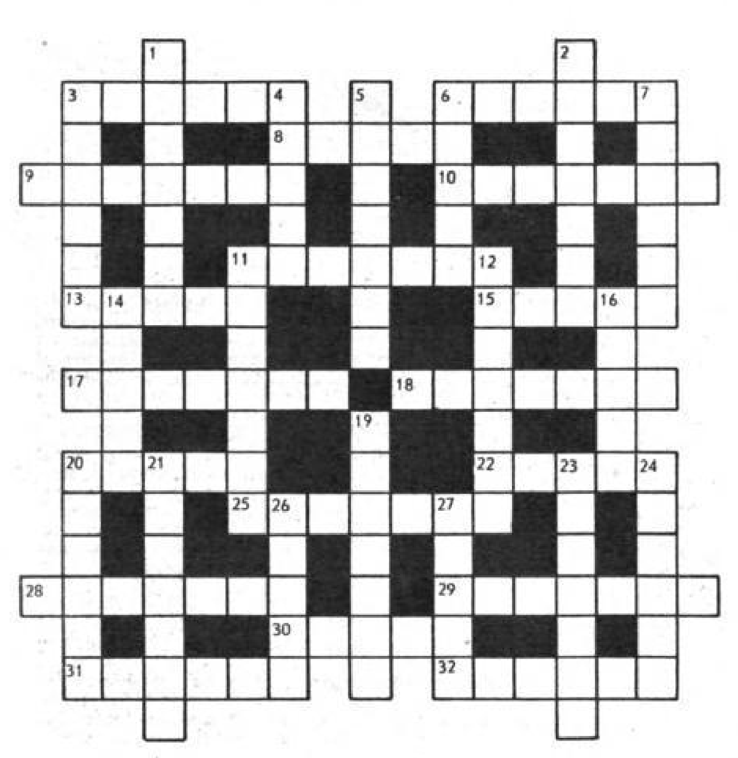
КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Машина для сортировки сыпучих материалов. 6. Зодчий, создатель Таврического дворца в Ленинграде. 8. Надстройка на палубе судна. 9. Высочайшая горная система. 10. Отрезок прямой, соединяющий вершину треугольника с серединой противоположной стороны. 11. Непромокаемая ткань. 13. Манильская пенька. 15. Река в Якутии. 17. Один из игроков хоккейной команды. 18. Стеклообразный слой на керамике. 20. Столица государства, расположенного на островах. 22. Приток Витима. 25. Сосуд для переливания жидкостей. 28. Герой поэмы Н. В. Гоголя. 29. Название островов близ Австралии. 30. Сорт яблок. 31. Морское животное. 32. Особенности произношения.

По вертикали:

1. Цветок. 2. Первый русский винтовой фрегат. 3. Основоположник русской классической музыки. 4. Сельскохозяйственная машина. 5. Автономная республика. 6. Строительный материал. 7. Город в КНДР. 11. Актер, снимавшийся в фильме «Путевка в жизнь». 12. Картина М. Б. Грекова. 14. Портовый город во Франции. 16. Главная артерия. 19. Дневная бабочка. 20. Итальянский живописец эпохи Возрождения. 21. Маленькая птичка. 23. Русский флотоводец. 24. Работник связи. 26. Часть плуга. 27. Доля, норма.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали:

7. Диалект. 8. Куратов. 11. Предание. 12. Корчагин. 13. Бирма. 14. «Алеко». 15. Лилия. 18. Представление. 19. Администратор. 24. Халва. 25. «Шторм». 26. Авгит. 29. Коперник. 30. Иттербий. 31. Домкрат. 32. Флексия.

По вертикали:

1. Лигроин. 2. Владимир. 3. Окунь. 4. Луара. 5. Паганини. 6. Позитив. 9. Беллетристика. 10. Экскаваторщик. 16. Ядрин. 17. Пегас. 20. Довженко. 21. Отвертка. 22. «Паровоз». 23. Финикия. 27. «Анчар». 28. Сталь.

На первой странице обложки: четырехкратный олимпийский чемпион Евгений Гришин.

Фото М. Боташева.

На последней странице обложки: Февраль в Подмосковье.

Фото В. Рождественского.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление И. Михайлина.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02022. Подписано к печати 1/II 1961 г.
Формат бум. 70×108 1/16. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 720 000. Изд. № 219. Заказ 182.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

КАРИКАТУРЫ

МАСТЕРА СОВЕТСКОЙ КАРИКАТУРЫ

Редакция журнала «Крокодил» начала выпуск ярких, многокрасочных альбомов серии «Мастера советской карикатуры». Вышли в свет сборники М. Черемных и Ю. Ганфа.

В этом году будут изданы альбомы А. Каневского, И. Семенова, Кукрыниксов, Б. Антоновского, В. Горяева, Л. Сойфертиса.

Обычно с молью мы боремся всеми средствами. Но не многие люди знают, что в Австралии моли поставлен памятник.

Это случилось в 20-х годах нашего столетия. Все началось с обыкновенного кактуса, привезенного одним австралийцем из Бразилии в конце XIX века. Красивое растение хорошо принялось на новой родине. Позднее из него стали делать даже живые изгороди. В засушливые годы толстые, мясистые стебли кактуса служили замечательным кормом для овец. Сначала австралийские фермеры радовались, глядя на такой дар. Однако кактусовые изгороди стали расти и распространяться с такой быстротой, что к 1925 году покрыли территорию, равную 260 тысячам квадратных километров! Люди вырубали их топорами, выжигали, травили ядами, но ничего не помогало. Кактус «пожирал» самые плодородные земли, поднимал с фундаментов десятки домов и доводил фермеров до разорения.

Ученые многих стран стали думать, каким образом можно спастись от этого бедствия. После долгих и безрезультатных поисков было решено, что помочь может только насекомое. Группа специалистов отправилась на родину кактуса — в Южную Америку. Они изучили там до 150 видов различных насекомых и наконец остановились на одном. Это была моль. 2 750 яичек моли были упакованы в ящики и срочно отправлены в Австралию. На место они прибыли уже гусеницами. За короткий промежуток времени число их увеличилось почти до двух с половиной миллионов. Затем гусениц выпустили. Прожорливые гусеницы проедали кактусы до самых корней, и кактусы гибли один за другим. После семилетних мучений люди торжествовали. В благодарность австралийцы в долине реки Дарлинг соорудили памятник моли.

А. РЕВИН

А. ГОНЧАРОВ,
художник.

Театральный художник, работая над декорациями спектакля, ищет решения самых различных интерьеров. Прежде всего ему приходится беспокоиться об их исторической достоверности. Ведь всем эпохам свойствен свой стиль убранства комнат. Но историческая достоверность в декорации должна выражаться не в точном копировании быта, а в выборе двух-трех определенных деталей, которые и могут дать нужную характеристику стиля, выразить его кратко и точно.

Мне кажется, что этот прием отбора можно перенести и в наши жилые комнаты,— не всегда мы имеем возможность заменить всю нашу старую мебель на новую. И вот тогда можно очень лаконично — полкой, вазочкой, декоративной тканью, ярким пятном картины — придать обстановке-интерьеру современный вид.

Не только стиль эпохи, но и характер действующих лиц, профессию, настроение спектакля стремится передать художник в декорации. Конечно, это не значит, что если герой пьесы бухгалтер, то в его комнате появятся крупным планом счеты или арифмометр, у столяра — рубанок, у парикмахера — щипцы для завивки...

Художник старается передать обстановку, целесообразную для данного героя, его характера, его действий.

Вот и в жилой квартире обстановка должна быть целесообразной, то есть отвечать времени, условиям жизни и занятиям членов семьи.

Каждый, кто любит свой дом, может приспособить мебель, продумать ее расстановку и, поразмыслив, из самых простых, самых дешевых вещей сделать красивые декоративные предметы для убранства комнаты.

Мой друг-художник «изобрел» любопытную люстру: он сделал ее из трех вьетнамских корзинок для хлеба, которые подвесил на разной высоте над лампами, а на потолке, там, где крепятся шнуры, прибил черную лакированную деревянную дощечку.

Понравились мне и занавески — тоже полная самодеятельность! — обыкновенный холст, по которому масляной краской нарисованы штрихи и кружочки. Простое и гармоничное сочетание цветов сделало занавески очень симпатичными. А ведь подобную роспись, в которой можно использовать и декоративный рисунок и народный орнамент, способен выполнить каждый.

Могу выдать еще один «секрет производства», который применил мой знакомый архитектор, делая полку для своей комнаты. Взяв толстую доску, он оставил необработанным край, а широкую плоскость отфуговал и покрыл светлым лаком. Подвешена полка на стене на черных прутьях. Просто? И, поверьте, красиво! Одна такая полка, на которой стоит кувшин, ваза, яркая деревянная или керамическая игрушка, сделает нарядной целую стену.

Я тоже сделал полку около рабочего стола, вдоль всей «своей» стены. Полка двухэтажная: верхняя — ярко-красная, нижняя — черная.

Если не сочтете нескромным, могу рассказать, как создавала наша семья уют, делая кухню-столовую.

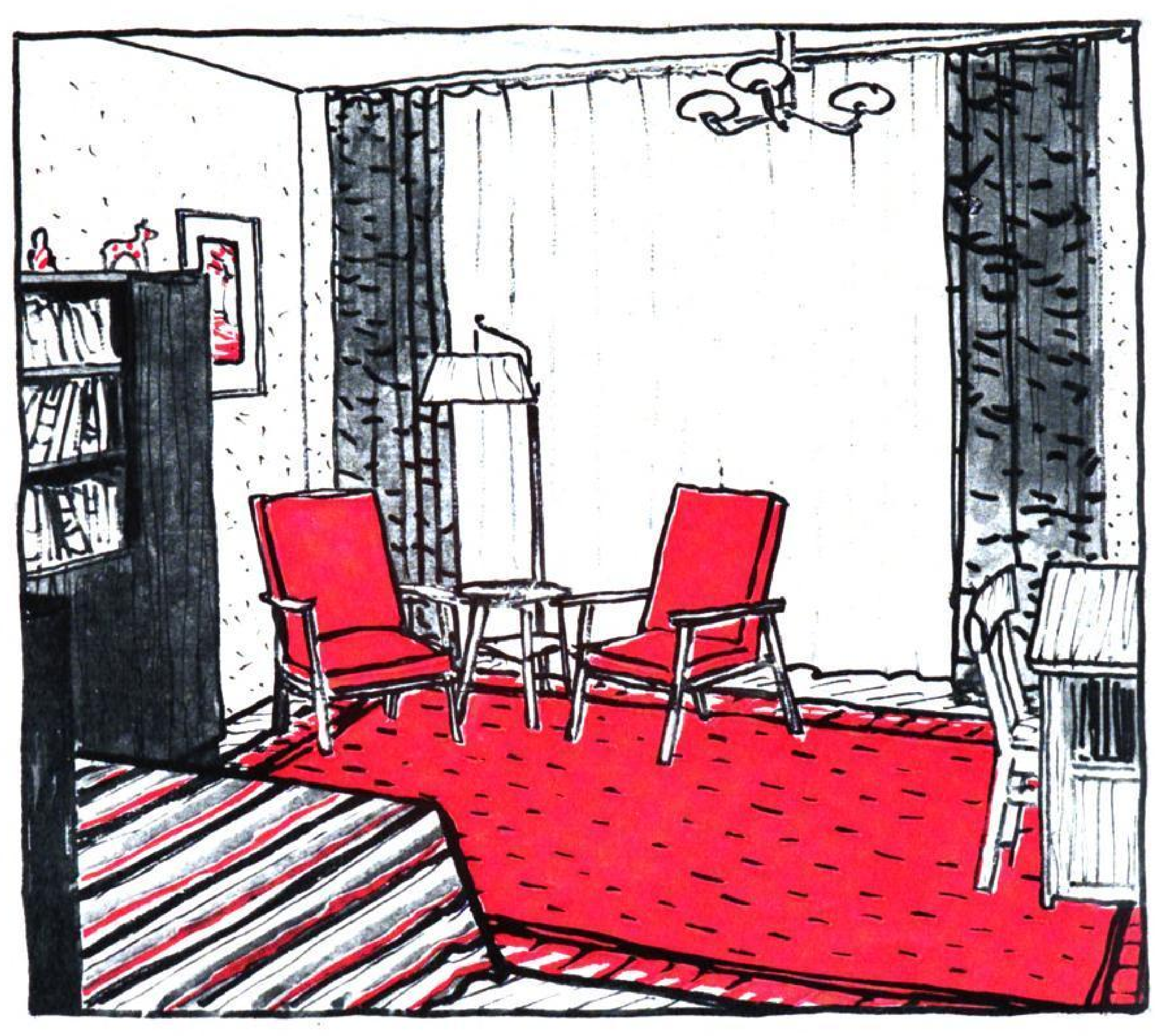
После семейного совета старые стулья, обитые ледерином, мы решили оставить. Стулья оставили, но ледерин сняли и обили их пестрым ситцем в мелкий рисунок. На тахту надели полосатый чехол. Он по цвету приятно гармонирует с зеленым полом (мы постелили зеленый линолеум) и создает хороший контраст с веселой обивкой стульев. На стене нарисовали несколько ярких картинок. На одной из них радостно улыбается лихой трубочист, созданный знаменитым чешским художником Иржи Трнкой.

Давайте вместе зайдем в комнаты моих знакомых. Один весьма ученый чело-

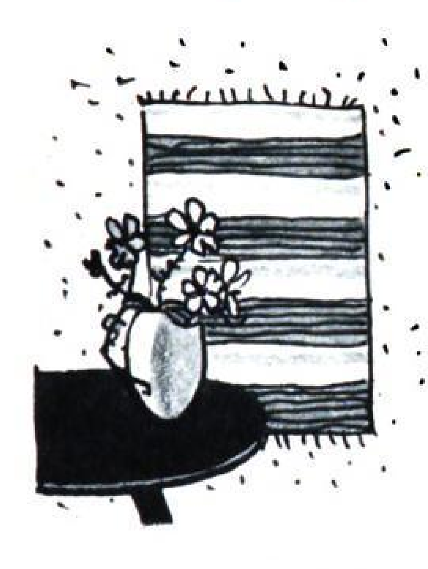

ОГОНЁК — для дома

Рисунки автора.

век купил в магазине кухонные полки, как я позднее узнал, ленинградского производства. Он приобрел их в большом количестве, благо они дешевы (три ряда полок, скрепленные металлическими прутьями, стоят всего три рубля). Две стены комнаты заставил он ими от пола до потолка. Книг разместилось много, и комната не задушена тяжелыми стеллажами.

Так что не всегда надо применять мебель, строго следуя названию, которое присваивают ей создатели. «Кухонные» полки оказались вполне уместны и красивы в академическом кабинете. Как видите, «творческая фантазия» помогает.

Возвращаясь к пространственному решению интерьера, могу подсказать, что низкие комнаты требуют оформления по горизонтали. Можно повесить занавеску только на половину окна, поставить низкую мебель, невысоко прикрепить полку, картину. Старая высокая мебель не подходит к современным комнатам, но не обязательно покупать новую: можно поменять ножки стола или тахты, уменьшить их.

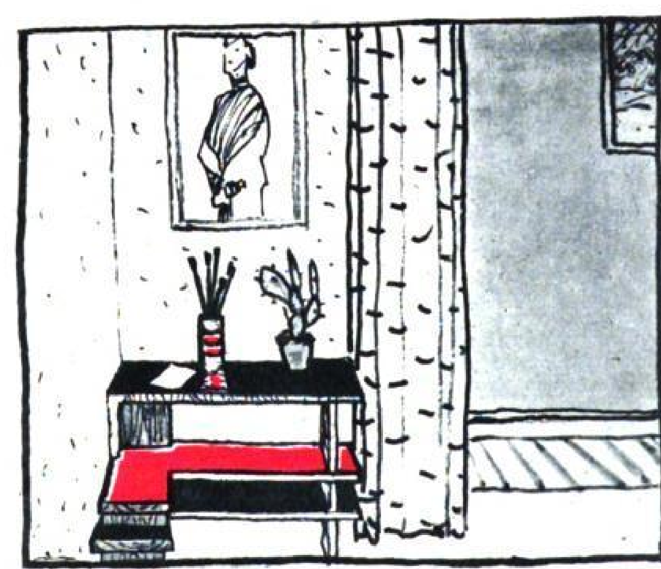
В квартирах с высокими потолками не следует целые стены заклеивать обоями. Лучше оставить фриз, который сольется с потолком. Комната зрительно выиграет в пропорциях, станет уютнее.

Чтобы «расширить» узкую комнату, можно более короткую стену — тем более если на ней расположено окно,— красить светлой краской.

Выделяя детский уголок, хорошо стену в этой части комнаты покрыть светлой краской или расписать рисунками.

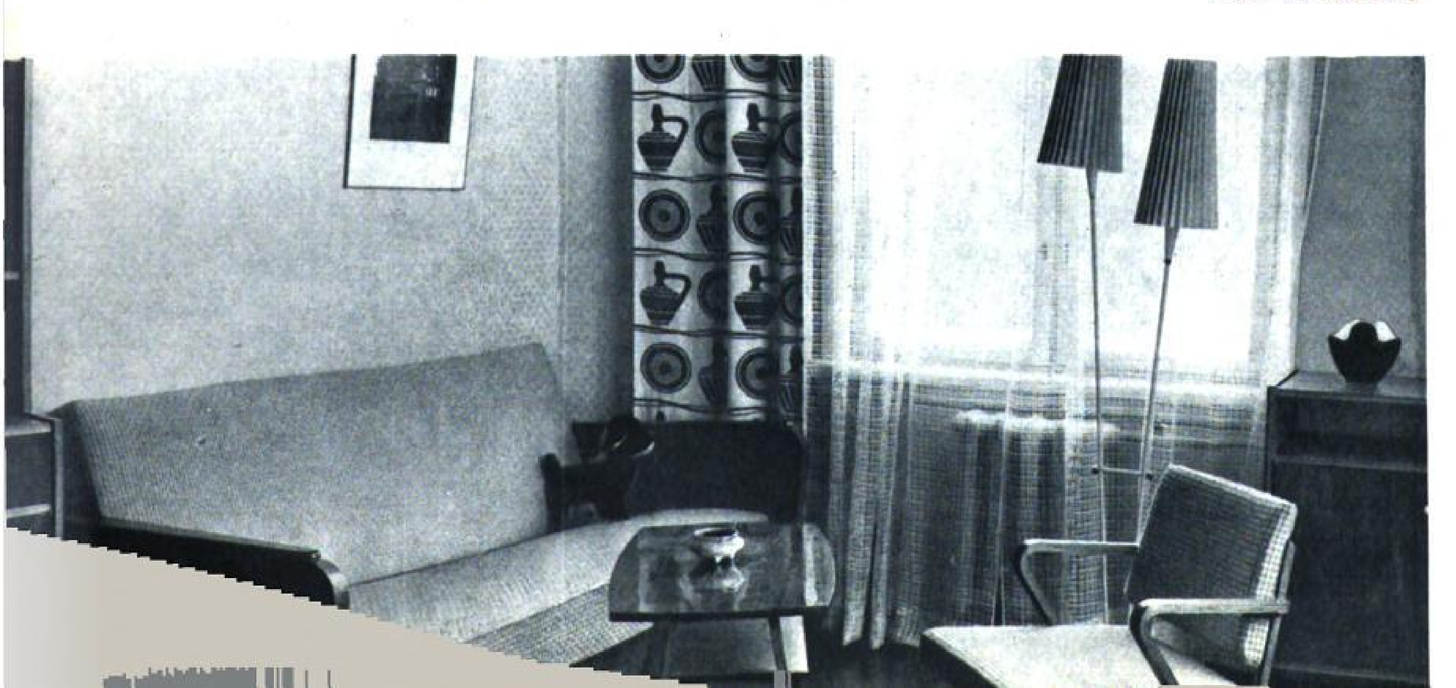
Советов, рецептов, предложений можно сделать много. И журнал, очевидно, продолжит их на своих страницах. Но я позволю себе дать еще один совет, который будет обращен только к художникам. Нельзя ли творческим союзам художников в разных городах, в новых микрорайонах, в домоуправлениях организовать постоянные консультации по оформлению интерьера?

Пусть художники прикладного искусства, театральные декораторы, графики, живописцы разъедутся по только что заселенным кварталам, походят по новым квартирам. Их советы нужны новоселам!

Эти интерьеры наш фотокорреспондент снял на Всесоюзной строительной выставке. Не настала ли пора, чтобы вся эта мебель перестала быть выставочным экспонатом?

Фото А. Гостева.

Цена номера 30 коп.